T 43/199

Т 99

ОСНОВЫ РЕФОРМЪ

МѢСТНАГО И ЦЕНТРАЛЬНАГО

УПРАВЛЕНІЯ.

Составилъ

О. К. НОТОВИЧЪ,

Редакторъ газеты „Новости“.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ
Типографія газеты „Новости“, Мойка, д. № 90.
1882.

3534

ОСНОВЫ РЕФОРМЪ

МѢСТНАГО И ЦЕНТРАЛЬНАГО УПРАВЛЕНІЯ.

Т 43/199

ОСНОВЫ РЕФОРМЪ

МѢСТНАГО И ЦЕНТРАЛЬНАГО

УПРАВЛЕНІЯ.

Составилъ

О. К. НОТОВИЧЪ,

Редакторъ газеты „Новости“.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ
Типографія газеты „Новости“, Мойка, д. № 90.
1882.

Государственная
БИБЛИОТЕКА
СССР
им. В. И. Ленина
29956-50

Задача этой книги — представить читателямъ, по возможности, полную и цѣльную картину переживаемой нами неурядицы, намѣтить руководящую нить къ изученію нашихъ „внутреннихъ вопросовъ“ во всей ихъ совокупности и взаимной связи и установить общія начала, изъ которыхъ у насъ должна истекать всякая преобразовательная дѣятельность, разсчитанная на созданіе внутренняго и внѣшняго,— дѣйствительнаго, а не казоваго,—могущества народа.

Матерьяломъ-же для этой книги послужили статьи газеты „Новости“, писанныя частью самимъ составителемъ и частью по его планамъ и конспектамъ и подъ его редакціею, при ближайшемъ сотрудничествѣ М. Л. Песковскаго.

1-го августа 1882 года.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

ГЛАВА ПЕРВАЯ. стр.

Вступленіе. — Характеристика печати и общества. — Что намъ нужно? . . . . . 9—23

ГЛАВА ВТОРАЯ.

Наши политическія партіи. — Либерализмъ и самобытность не только не исключаютъ, но и восполняютъ другъ друга.— Славянофильство эгоистично и односторонне по своей основной тенденціи и прямо враждебно истинно — народной политикѣ. . . . . 25—37

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

Опора правительства на политическія партіи возможна лишь при свободѣ политической пропаганды въ странѣ. — Одно изъ главнѣйшихъ условій поступательнаго развитія государства—это политическое развитіе населенія, политическая зрѣлость его.—Сама общественная жизнь должна представлять собою политическую школу, въ которой изъ различныхъ политическихъ теченій и направленій естественно выработывалось-бы одно общее направленіе политически-развитаго большинства населенія, на которое правительство могло-бы опираться въ своей дѣятельности.—Единственный, при условіяхъ нашего государственнаго строя, факторъ, естественно регулирующій государственную жизнь, согласно направленію большинства населенія или—что тоже—сообразно дѣйствительнымъ потребностямъ народной жизни, — есть свободная печать, столичная и провинціальная . . . . . 39—51

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ. стр.

Общественная и государственная дѣятельность должна быть доступна всѣмъ интеллектуальнымъ силамъ страны, безъ различія званій и состояній. — Логическими выводами изъ этого принципа являются: генеральное обновленіе бюрократическаго міра молодыми силами, уничтоженіе чиновъ и орденовъ и установленіе наградъ только за высшія государственныя заслуги. — Административная ссылка создастъ въ обществѣ цѣлый слой политически-вредныхъ элементовъ; поэтому необходимо: административную ссылку замѣнить преданіемъ суду, а возвращаемыхъ изъ нея поставить въ возможность пристроиться къ какой-либо трудовой дѣятельности, которая обезпечила-бы ихъ существованіе и устранила-бы опасность впаденія ихъ въ рецидивизмъ . . . . . 53—61

ГЛАВА ПЯТАЯ.

Необходимо эмансипировать трудъ, т. е. освободить предпріимчивость, иниціативу, заработокъ, насущное пропитаніе отъ всевозможныхъ стѣснительныхъ формальностей и запретовъ. — Отмѣна паспортной системы и безусловная свобода образованія артелей и другихъ рабочихъ ассоціацій являются первыми задачами въ этомъ направленіи. — Для облегченія развитія народной производительности и промышленности разрѣшеніе предпріятій должно производиться на мѣстѣ, въ первой инстанціи, съ правомъ обжалованія дѣйствій мѣстныхъ властей на общемъ основаніи, въ мѣстныхъ судахъ, а не черезъ сенатъ. — Населеніе, ни въ какомъ случаѣ, не должно быть отрываемо отъ работъ для явки по начальству; напротивъ, начальство должно само являться въ извѣстные сроки на мѣсто, въ деревню, для выполненія всѣхъ, вообще, служебныхъ требъ . . . . . 63—71

ГЛАВА ШЕСТАЯ.

Россія не представляетъ въ настоящее время единаго, органически-цѣльнаго, по-

литическаго тѣла. — При условіи объединенія разрозненныхъ частей Россіи, устройства удобныхъ путей сообщенія и быстрыхъ сношеній, само собою установится естественное распредѣленіе населенія по русской территоріи и начнется эксплоатація естественныхъ богатствъ въ должныхъ размѣрахъ.—Вмѣстѣ съ тѣмъ, Россія не только получитъ преимущественное вліяніе на азіятскія дѣла, но и займетъ самое видное мѣсто на всесвѣтномъ торговомъ рынкѣ . . 73—93

ГЛАВА СЕДЬМАЯ.

Въ силу нашихъ внутреннихъ политическихъ условій, стремленіе Россіи на Востокъ („Drang nach Osten“) является продуктомъ необходимости, какъ съ промышленно-экономической, такъ и съ международной точекъ зрѣнія.—Необходимо объединить разрозненныя нынѣ части Россіи однообразіемъ системы мѣстнаго управленія во всѣхъ, безъ исключенія, мѣстностяхъ, до самыхъ отдаленныхъ ея окраинъ, и сѣтью телеграфа и желѣзныхъ дорогъ. . . 95—102

ГЛАВА ВОСЬМАЯ.

Для заселенія отдаленныхъ окраинъ и эксплоатаціи естественныхъ богатствъ въ мѣстностяхъ, теперь еще незаселенныхъ, необходимо утилизировать трудъ каторжныхъ и ссыльныхъ, организуя колоніи ссыльныхъ и отдавая каторжныхъ на работы частнымъ предпринимателямъ, съ тѣмъ, чтобы часть заработной платы оставалась въ пользу каторжниковъ для обезпеченія ихъ существованія по отбытіи ими срока наказанія . . . . 103—117

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ.

Расширеніе правъ мѣстнаго общественнаго управленія должно быть совершено на счетъ тѣхъ функцій, которыя въ настоящее время лежатъ на обязанности центральныхъ канцелярій и департаментовъ, — т. е. путемъ децентрализаціи. . . . . 119—126

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ.

Съ уничтоженіемъ канцелярско-департаментскаго „средостѣнія“, министры останутся въ прежней роли прямыхъ посредниковъ между главою государства и мѣстнымъ управ-

леніемъ; но министерская корпорація должна будетъ сплотиться въ одно органически-цѣльное учрежденіе подъ управленіемъ министра внутреннихъ дѣлъ, какъ перваго между равными.—Вмѣстѣ съ тѣмъ точно опредѣлятся роли государственнаго совѣта, какъ законодательнаго учрежденія, и сената, какъ высшей наблюдательной и контролирующей инстанціи государственнаго управленія . . . . . 127—136

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ.

Историческій очеркъ развитія мѣстнаго и центральнаго управленія, въ связи съ проектируемою нами системою. 137—149

ГЛАВА ДВѢНАДЦАТАЯ.

Общая канва проекта организаціи мѣстнаго управленія.—Основной принципъ безсословности управленія обусловливаетъ полное уравненіе крестьянскаго населенія гражданскими и общественными правами со всѣми остальными сословіями и классами . . . . . 151—157

ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ.

Первоначальная единица мѣстнаго управленія — уѣздный участокъ.—Это средоточіе всѣхъ разнообразныхъ элементовъ и интересовъ мѣстнаго населенія, которые только въ совокупности своей рождаютъ культуру.—Вспомогательные или исполнительные органы участка суть безсословные п р и х о д ы, непосредственно соприкасающіеся съ крестьянскимъ населеніемъ . . . . . 159—168

ГЛАВА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ.

Послѣдствія организаціи приходскаго и участковаго управленія на проектируемыхъ нами началахъ: - развитіе самодѣятельности населенія во всѣхъ сферахъ труда и народнаго хозяйства и усиленіе правительственной власти единствомъ отправленій административнаго механизма . . 169—178

ГЛАВА ПЯТНАДЦАТАЯ.

Все, сказанное нами объ управленіи уѣзднымъ участкомъ, всецѣло относится и къ городу.—Представляемое современною городскою жизнью развитіе культуры исключительно въ сторону торгово-промышленныхъ интересовъ не можетъ быть признано прогрессомъ съ общегосударственной точки зрѣнія. . . . . 179—186

ГЛАВА ШЕСТНАДЦАТАЯ. стр.

За участковымъ управленіемъ слѣдуетъ уѣздное, а за уѣзднымъ—губернское. Задача уѣзднаго управленія—объединить интересы отдѣльныхъ участковъ уѣзда и города, слить всѣ части послѣдняго въ одную высшую, также цѣльную единицу управленія.—Задача губернскаго управленія—обобщить интересы всей губерніи, всѣхъ уѣздовъ.—Роль губернскаго управленія въ отношеніи уѣзднаго и обратно—лишь наблюдательная, руководящая и контролирующая. 187—192

ГЛАВА СЕМНАДЦАТАЯ.

Главная основа общественнаго управленія—представительство на выборномъ началѣ.—Въ управленіи дѣлами прихода и участка должно принимать участіе все мѣстное населеніе безъ различія сословій и состояній; для представительства-же въ уѣздномъ общественномъ управленіи необходимо установить смѣшанный цензъ: а) имущественный, б) образовательный и в) единогласное избраніе (нравственный авторитетъ). . . . . 193—203

ГЛАВА ВОСЕМНАДЦАТАЯ.

Организація уѣзднаго и губернскаго общественнаго управленія сводится къ двумъ простѣйшимъ органамъ: собраніямъ общественныхъ представителей и управамъ, состоящимъ изъ общественныхъ-же избранниковъ . . 205—213

ГЛАВА ДЕВЯТНАДЦАТАЯ.

Контроль центральной правительственной власти надъ мѣстнымъ общественнымъ управленіемъ долженъ быть сосредоточенъ въ одной губернской правительственной коллегіи, вѣдающей, вмѣстѣ съ тѣмъ, всѣ казенные, общегосударственные интересы и составленной изъ агентовъ министерской коллегіи подъ предсѣдательствомъ губернатора, какъ перваго между равными. — Правительственный контроль функціонируетъ исключительно чрезъ губернское общественное управленіе.—Исполненіе постановленій общественнаго управленія пріостановливается, а выборы кассируются протестами губернаторовъ и министерской коллегіи (смотря по роду дѣлъ); но трижды повторенные выборы, постанов-

ленія и ходатайства вступаютъ въ законную силу, какъ выраженія требованій самой жизни.---Для протестовъ устанавливаются сроки. . . . . стр. 215—224

ГЛАВА ДВАДЦАТАЯ.

Заключеніе. — Мѣстное общественное управленіе, организованное на проектированныхъ нами началахъ, дало-бы правительству возможность учредить періодическія собранія земскихъ свѣдущихъ людей для совмѣстныхъ совѣщаній съ центральной властью объ общихъ вопросахъ мѣстнаго управленія, и это были бы дѣйствительные, а не фиктивные представители общества.—Современное и будущее общество . . . . . 225—236

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Вступленіе. — Характеристика печати и общества. — Что намъ нужно?

Кто изъ просвѣщенныхъ читателей не задумывался надъ страшнымъ разбродомъ понятій и хаосомъ сужденій, которые царятъ въ нашей печати даже въ отношеніи самыхъ элементарныхъ условій и требованій внутренняго государственнаго управленія?.. Вотъ вамъ кажется, что вы уловили нѣкоторое различіе между, такъ называемыми, охранителями (т. е. ретроградами), либералами (т. е. консерваторами въ европейскомъ смыслѣ) и «самобытниками» (т. е. нѣкоторымъ подобіемъ націоналистовъ, но только въ уродливой формѣ); на одну минуту вамъ кажется, что вы можете уже до нѣкоторой степени ориентироваться въ лабиринтѣ сужденій и взглядовъ этихъ подобій политическихъ фракцій, имѣющихъ, яко-бы, и свои органы печати, преслѣдующіе, будто бы, партіонныя цѣли, ратующіе во имя чего-то... Но все это только «кажется». Не успѣете вы, какъ говорится, и «глазомъ моргнуть», какъ тотъ, въ комъ вы предполагали «либерала», начинаетъ говорить языкомъ «самобытника» или даже и прямо «охранителя», кажущійся «самобытникъ»—языкомъ ретрограда, а «охранитель»—въ унисонъ съ подпольнымъ листкомъ. И въ результатѣ получаются безобразнѣйшая сумятица и сутолока, въ

которыхъ рѣшительно невозможно отличить «своихъ» отъ «чужихъ», нельзя понять, кто о чемъ говоритъ, чего хотятъ, добиваются люди, какія цѣли они преслѣдуютъ.

Одни кричатъ о необходимости «сильной власти» и «властной руки», другіе хлопочутъ только «объ уѣздѣ» и больше ни о чемъ, третьи желаютъ «вѣнчать зданіе». Все это, какъ видите, с л о в а, пустыя, ничего не выражающія слова. Между тѣмъ, исключительно этими, именно, «словами» и опредѣляется различіе между существующими у насъ партіями. И вотъ, не установивши основныхъ точекъ зрѣнія, не условившись относительно коренныхъ принциповъ въ дѣлахъ внутренней государственной политики, такъ называемыя, «партіи» ведутъ между собою ожесточенную войну: однѣ отстаиваютъ «сильную власть», такъ сказать, только ради «силы»; другія, забывая обо всемъ существующемъ на земномъ шарѣ, проповѣдуютъ спасительное значеніе «уѣзда», умалчивая, однако, о томъ, какъ, откуда, именно, и при какихъ условіяхъ можетъ произойти это «спасеніе» отъ уѣзда; третьи, хватаясь за «вѣнецъ зданія», не говорятъ о томъ, какихъ размѣровъ и формъ долженъ быть этотъ «вѣнецъ», чьими руками сплести и на что возложить его. А словесная война, между тѣмъ, въ полномъ разгарѣ. Проливаются океаны чернилъ, исписываются горы бумаги, а въ результатѣ... вздоръ, безтолковая толчея воды, ребяческое переливаніе изъ пустаго въ порожнее.

Мы понимаемъ, что тѣ условія, въ которыхъ находится въ настоящее время печать, крайне неблагопріятны для принципіальной и детальной разработки вопросовъ внутренней госу-

дарственной политики. Но, каковы бы ни были эти условія, печать, ни въ какомъ случаѣ, не должна представлять собою то, что она представляетъ теперь; иначе эти «условія» будутъ не улучшаться, а еще болѣе ухудшаться, потому что, подъ вліяніемъ низменныхъ взглядовъ печати, будетъ понижаться и уровень политическаго развитія общества. Уровень же этотъ такъ ничтоженъ, принижень, что страшно даже подумать о возможности дальнѣйшаго его принижения. Доказательствомъ этому служитъ та же печать. Газета, идущая на одномъ уровнѣ съ жизнью, близко принимающая къ сердцу и, такъ сказать, всѣми своими нервами переживающая все, что дастъ газетный день, отзывающаяся на каждый новый фактъ, каждое новое явленіе въ общественной и государственной жизни и дѣятельности,—такая газета скучна въ глазахъ читающей части русскаго общества. Наоборотъ, газета, парящая надъ кровными потребностями и нуждами русской жизни, оскорбляющая достоинство и честь печатнаго слова, предпочитающая «серьезному обсужденію вопросовъ» зубоскальство и издѣвательство надъ всякимъ проявленіемъ гражданскаго чувства и общественной инициативы, — такая газета непремѣнно заслужитъ репутацію «веселой», и эта репутація будетъ тѣмъ громче, чѣмъ безцеремоннѣе и разнузданнѣе газета въ словѣ, безчестнѣе въ мысляхъ и чувствахъ.

Ни въ одной европейской странѣ вы не встрѣтите ничего подобнаго. И тамъ есть «бульварная печать», разсчитанная на низменные инстинкты толпы; но, за то, въ глазахъ общества, эта печать такъ и остается «бульварною», пресмыкаю-

щеюся на задворкахъ серьезной печати; люди науки и выдающихся либеральныхъ профессій, а, тѣмъ болѣе, общественные и государственные дѣятели, никогда не обратятся къ содѣйствію и помощи этой низменно—веселой «бульварной печати». У насъ же—совершенно наоборотъ: серьезная печать старается воспринять и усвоить инстинкты и пріемы «бульварной печати», т. е., циничную веселость и разнузданную скабрезность. И, разъ только газета сдѣлала въ этомъ отношеніи успѣхи и заслужила репутацію «веселой», она обезпечена участіемъ академиковъ, профессоровъ и даже болѣе или менѣе видныхъ общественныхъ дѣятелей, нисколько не смущающихся нравственною грязью и удушливо-зловонною атмосферою, въ которую они попадаютъ.

Безспорно, газета создается обществомъ. Разъ существуетъ та или другая газета, значитъ есть аудиторія, обезпечивающая существованіе газеты. Но согласитесь, что сотрудничанье въ завѣдомо-безнравственной и цинично-скабрезной газетѣ академиковъ, профессоровъ и людей съ болѣе или менѣе видимымъ или даже оффиціальнымъ общественнымъ положеніемъ—это абсурдъ съ точки зрѣнія нравственной и общественной. Въ послѣдніе годы, съ публицистической арены сошелъ цѣлый рядъ газетъ, безусловно достойныхъ и опрятныхъ въ нравственномъ отношеніи, а «бульварная» печать процвѣтаетъ и, притомъ, подъ именемъ, яко-бы, серьезной печати.

Это, повторяемъ мы, доказываетъ, что инстинкты и потребности читающей массы очень низменны; что кругозоръ общественной мысли очень ничтоженъ; что вкусы читающаго люда, чуткость и пониманіе принципіальной постановки во-

просовъ искажены до послѣдней степени. Больно даже думать и говорить объ этомъ; но это фактъ.

Но вотъ другое доказательство. На очереди стоятъ капитальнѣйшіе внутренніе вопросы, затрогивающіе въ самомъ основаніи всѣ интересы, не только государственные и общественные, но даже каждаго читателя, въ отдѣльности. Мы не будемъ говорить о питейномъ и переселенческомъ вопросахъ, пересмотрѣ торговаго устава, измѣненіи податной системы и т. п., — мы остановимъ вниманіе читателей только на коммиссіи статсъ-секретаря Каханова. Нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ опубликованъ «планъ работъ» по переустройству мѣстнаго управленія, съ поясненіемъ, что коммиссія, не желая ограничиваться однимъ только оффиціальнымъ матеріаломъ, обращается къ обществу, надѣясь, что оно поспѣшитъ высказать свои взгляды, мнѣнія и соображенія по этому предмету. Дѣло идетъ ни болѣе, ни менѣе, какъ о самомъ видномъ общественномъ и государственномъ вопросѣ, о краеугольномъ камнѣ всѣхъ намѣченныхъ реформъ. Казалось-бы, чѣмъ-же и интересоваться русскому обществу, какъ не вопросомъ о переустройствѣ мѣстнаго управленія? Между тѣмъ, за исключеніемъ весьма ограниченнаго журнальнаго кружка, вы нигдѣ не встрѣтите и признака возбужденія общественнаго интереса къ этому капитальнѣйшему общественному вопросу, даже намека на желаніе разсуждать объ этомъ предметѣ и, вообще, отвѣтить на призывъ коммиссіи, какъ будто никому до предстоящей реформы никакого дѣла нѣтъ: начальство-де тамъ что-то затѣваетъ, ну, и пусть его дѣлаетъ: куда намъ «политикой» заниматься!

Да, общественная русская мысль, общественное сознаніе у насъ совершенно не работаютъ. И это вполнѣ понятно. Во-первыхъ, школы наши выпускаютъ въ жизнь людей, лишенныхъ всякаго представленія объ общественномъ и государственномъ устройствѣ своей родины, объ общественныхъ и государственныхъ обязанностяхъ и правахъ гражданина и вѣрноподданнаго. Счастливъ тотъ, кто изъ школы попадаетъ на юридическій факультетъ,—тотъ получитъ и принципіальныя, и практическія знанія объ общественномъ и государственномъ устройствѣ, о достоинствахъ и недостаткахъ нашего законодательства и т. д.; вся-же остальная молодежь, проходящая мимо этого факультета, хотя и получивъ высшее образованіе, лишена даже диллетантской подготовки въ этомъ отношеніи. Во-вторыхъ, вѣками укрѣпившаяся въ народѣ привычка къ административной опекѣ, обязательно сосредоточивающей въ себѣ всѣ заботы объ о б щ и х ъ государственныхъ и общественныхъ интересахъ, до сихъ поръ исключала у насъ возможность образованія той естественной школы политическаго мышленія, которую на западѣ представляетъ сама общественная жизнь. Наконецъ, въ-третьихъ, хаотическая кодификація нашего законодательства исключаетъ всякую возможность распространенія юридическихъ знаній не только въ массѣ, но и въ интеллигентныхъ классахъ. На западѣ существуютъ даже всякаго рода популярныя изданія сборниковъ законовъ и катехизисовъ по государствовѣдѣнію, а у насъ даже нѣтъ свода законовъ, доступнаго для интеллигентнаго человѣка, не получившаго высшаго юридическаго образованія. Вотъ, почему у

насъ рѣдкій представитель общества знакомъ съ законодательствомъ, относящимся къ тому учрежденію, въ которомъ онъ служитъ, а общественныя учрежденія часто возбуждаютъ вопросы и ходатайства и даже постановляютъ рѣшенія, вовсе не входящія въ область ихъ компетенціи.

На помощь такому обществу печать должна явиться съ твердо намѣченнымъ политическимъ направленіемъ и точно формулированною программою реформъ, чуждой фантастическихъ вожделѣній и сентиментальныхъ оглядокъ на канувшую въ вѣчность «старину». Настоящее слишкомъ обильно самыми разнообразными и усовершенствованными до тончайшихъ подробностей образцами и формами общежитія, чтобы намъ представлялась надобность искать ихъ въ архивной пыли или подъ могильными плитами. Пора перестать вздыхать о безплодно-пережитомъ тысячелѣтіи и мечтать о завершеніи какого-то давно начатаго дѣла. Во-первыхъ, мертвыхъ къ суду за ихъ бездѣйствіе и неумѣлость не притянешь, а завершить что-либо на землѣ не удастся не только отдѣльному народу, но и всему человѣчеству.

Само собою разумѣется, что для того, чтобы выйти изъ нашего хаотическаго состоянія, необходимы рѣшительныя, энергическія мѣры, ни мало не напоминающія тѣ заплаты, которыми мы пробавлялись до сихъ поръ. На первый взглядъ, всѣ эти старанія оберечь мужика отъ пьянства, предоставить ему кое-какія облегченія для переселеній, открыть одну школу тамъ, гдѣ ихъ нужна сотня, произвести временное уменьшеніе податныхъ тягостей и проч., и проч., кажутся, какъ-бы, и дѣломъ; въ дѣйстви-

тельности-же, все это одни разговоры, обычное наше нытье, перенесенное только изъ чисто-отвлеченной сферы на болѣе реальную почву практическаго рѣшенія вопросовъ. А вопросы-то эти такого свойства, что отдѣльное рѣшеніе ихъ, безъ связи съ общимъ политическимъ и экономическимъ переустройствомъ нашего быта, совершенно невозможно и, сколько-бы мы ни вертѣлись и ни трудились надъ ними, наша работа не будетъ нисколько производительнѣе верченія бѣлки въ колесѣ. Положимъ, напримѣръ, что противъ пьянства будутъ приняты какія--нибудь мѣры; положимъ даже, что мужикъ настолько проникнется чувствомъ благодарности къ усиліямъ «свѣдущихъ людей» излѣчить его отъ столь ужаснаго порока, что на сегодня останется трезвъ; но завтра-же онъ все забудетъ и, попрежнему, напьется. И о чемъ, спрашивается, мы хлопочемъ, носясь съ вопросомъ о пьянствѣ, какъ съ писанной торбой? Мы говоримъ о предметѣ, быть можетъ, даже не существующемъ, мы желаемъ изыскать мѣры противъ такого народнаго бѣдствія, которое создано не столько дѣйствительною жизнью, сколько нашимъ воображеніемъ. Отдѣльные случаи пристрастія къ опьяненію даютъ намъ смѣлость говорить о народномъ пьянствѣ, какъ о фактѣ общемъ, какъ о недугѣ, которымъ страдаетъ весь народъ. Мы не справляемся ни со состатистикой, говорящей нѣчто совсѣмъ обратное, ни съ причинами, производящими у насъ значительное число горькихъ пьяницъ, страсть которыхъ проявляется въ такой грубой и безобразной формѣ, что наводитъ на насъ ужасъ и заставляетъ забывать, что масса народа вовсе не подвержена этому пороку. И вотъ, на основаніи

столь шаткихъ данныхъ, мы изъ года въ годъ тянемъ заунывную пѣсенку о народномъ пьянствѣ; мы такъ привыкли къ этому пѣнью, что никакіе факты не способны, повидимому, разубѣдить насъ въ нашемъ заблужденіи. Мы разъ навсегда порѣшили, что народъ пьянствуетъ, что на Руси совсѣмъ нѣтъ трезвыхъ людей и что, значитъ, съ этимъ бѣдствіемъ надо «бороться». «Борьба», дѣйствительно, начинается съ того, что «трезвые» люди ломаютъ свои головы надъ изысканіемъ средствъ для того, чтобы помочь этому бѣдному, поголовно перепившемуся народу. Но при этомъ они не замѣчаютъ, что, въ сущности, сражаются съ вѣтряными мельницами и что искомыя ими средства нужны не народу, а отдѣльнымъ личностямъ, сбившимся съ прямаго пути вслѣдствіе гнетущей ихъ бѣдности; они не замѣчаютъ и того, что пьянство, если имъ увлекается значительное число меньшихъ братій, является только продуктомъ невыносимаго матеріальнаго положенія послѣднихъ и что, прежде всего, нужно дѣйствовать на причины, а не на послѣдствія; наконецъ, они не замѣчаютъ даже и того, что пьянство гораздо болѣе распространено у насъ среди интеллигенціи, чѣмъ среди народа. Разница лишь въ томъ, что сивуху, въ данномъ случаѣ, замѣняетъ хорошій коньякъ, заграничный ликеръ или тонкое вино, а грязный мужицкій кабакъ—шикарный ресторанъ Бореля или Дюссо. И почему-же пьянство при одной обстановкѣ—не пьянство, а при другой—позорное поруганіе человѣческой личности, скотоподобіе, достойное всяческаго осужденія? Если-бы «печальники» занялись послѣднимъ вопросомъ,

то это, по нашему мнѣнію, было-бы гораздо полезнѣе, чѣмъ хлопотать о заплатахъ для народа, который и самъ перестанетъ выбрасывать изъ своей среды безпросыпныхъ пьяницъ, какъ только положеніе его улучшится и уровень его благосостоянія возвысится. Вообще, вопросъ о пьянствѣ представляетъ одну изъ наиболѣе характеристическихъ чертъ нашего нытья; здѣсь оно выразилось наиболѣе полно и наглядно. Поэтому, не говоря ничего новаго, мы нашли, однако, не лишнимъ остановиться на немъ болѣе подробно.

Выше мы замѣтили, что намъ нужны рѣшительныя мѣры, чтобы создать изъ хаоса что-нибудь существенное. Это *чувствуется* всѣми, но никто не въ состояніи даже приблизительно намѣтить ни сущности, ни характера этихъ мѣръ.

Мы знаемъ, что экономическое положеніе народа представляетъ нынѣ картину почти полнаго раззоренія, что мужикъ изнываетъ подъ гнетомъ бѣдности и тяжестью податей; мы знаемъ также, что положеніе это должно быть, *во что бы то ни стало*, измѣнено къ лучшему, что, въ противномъ случаѣ, болотная тина, въ которой мы сидимъ уже по поясъ, будетъ засасывать насъ все болѣе и болѣе. Однако, сознавая все это, мы, къ сожалѣнію, ищемъ исхода въ такихъ средствахъ, которыя способны, быть можетъ, нѣсколько задержать экономическій регрессъ, но не способны внести въ нашу жизнь тѣ элементы, которыхъ ей, именно, не достаетъ для поступательнаго развитія и усовершенствованія. Оттого-то у насъ такъ много неудачнаго, мертворожденнаго и самыя полезныя и вѣрныя въ основаніи начинанія разлетаются прахомъ, что

мы сѣемъ на каменистой почвѣ, безъ всякаго удобренія, безъ всякой предварительной подготовки ея. Эта каменистая почва— наша бѣдность, и что бы ни дѣлали, чтобы ни придумывали, сколько-бы заплатъ ни нашивали тамъ и сямъ, сермяга будетъ, по прежнему, рваться, образуя все новыя и бо́льшія дыры, на которыя, впослѣдствіи, и заплаты класть не будетъ возможно.

Такимъ образомъ, если мы поставимъ ребромъ вопросъ: что намъ нужно? то на него у насъ найдется только одинъ разумный, логическій и возможный отвѣтъ, а именно: намъ нужно, чтобы народъ пересталъ быть бѣднымъ. Отвѣтъ этотъ, собственно говоря, у всѣхъ давно на языкѣ, всѣми чувствуется, но никто не рѣшается подойти къ нему прямо и открыто, безъ предвзятыхъ мыслей и какихъ-то неопредѣленныхъ опасеній. У насъ нѣтъ рѣшимости безбоязненно взглянуть въ лицо вопіющему факту, а тѣмъ болѣе сдѣлать какой-нибудь смѣлый, необычный шагъ. Но сказать, что народъ бѣденъ, констатировать необходимость обогащенія его,—еще очень мало. Бѣдность есть неизбѣжный продуктъ и спутница неволи и политической неурядицы. «Дайте мнѣ хорошую политику и я вамъ дамъ хорошіе финансы», сказалъ одинъ изъ извѣстныхъ политиковъ прошлаго столѣтія. Другими словами, политическія реформы должны идти рядомъ съ экономическими. И тѣ, и другія реформы должны быть распространены на все населеніе и на все пространство государства; иначе мы, по прежнему, будемъ имѣть дѣло съ недолговѣчными заплатами и безплоднымъ «шатаніемъ между иллюзіями и дѣйствительностью.

Вотъ въ силу какихъ соображеній мы сочли долгомъ развить и привести въ связную законченную систему то, что всегда составляло profession de foi нашей газеты въ вопросахъ внутренней государственной политики. Въ послѣдовательномъ рядѣ бесѣдъ мы начертали полную схему внутренней государственной политики, при условіи которой нравственная сторона общественной жизни будетъ нормально функціонировать; самый складъ и строй общественной жизни будетъ представлять политическую школу, естественно регулирующую и умиротворяющую борьбу политическихъ партій и отводящую каждой изъ нихъ должное мѣсто; экономическая сторона народной жизни получитъ возможность успѣшно развиваться и переживаемыя нами финансовыя затрудненія и всевозможныя матеріальныя невзгоды замѣнятся достаткомъ и благосостояніемъ народа и государства; разрозненныя нынѣ части обширной русской территоріи сольются въ одно цѣльное политическое тѣло; явится возможность свободнаго передвиженія и быстрыхъ сношеній въ предѣлахъ имперіи, и, слѣдовательно, само собою, естественно, установится правильное распредѣленіе населенія, соотвѣтствующее распредѣленію естественныхъ богатствъ; въ результатѣ-же всего этого Россія займетъ мѣсто, приличествующее ея территоріальнымъ размѣрамъ, количеству естественныхъ богатствъ и населенію, какъ на всесвѣтномъ торговомъ рынкѣ, такъ и въ сферѣ международныхъ отношеній.

Въ непосредственной связи съ этими задачами нами разработанъ подробный планъ системы внутренняго государственнаго управленія, мѣстнаго и центральнаго. Установлен-

ные нами принципы управленія охватываютъ весь государственный строй, всѣ функціи и проявленія власти, начиная съ минимальной единицы всесословнаго или, вѣрнѣе, безсословнаго мѣстнаго общественнаго управленія и кончая высшими государственными учрежденіями. Установляя принципы внутренняго государственнаго управленія, мы не погрѣшили ни противъ одного изъ основныхъ началъ политической науки и, въ то-же время, не гоняясь за существующими шаблонами государственнаго управленія, мы имѣли въ виду современныя условія русской жизни и историческій ходъ нашего государственнаго развитія.

Читатель видитъ, такимъ образомъ, что въ предпринятой нами систематизаціи тѣхъ руководящихъ государственныхъ началъ и принциповъ, которымъ служила наша газета всегда и будетъ служить въ будущемъ, мы, по существу дѣла, дали отвѣтъ и самое подробное разъясненіе и тѣмъ, которые кличутъ «сильную власть» и «властную руку», и тѣмъ, которые идолопоклонически молятся «уѣзду», и тѣмъ, которые «уперлись лбомъ» въ «вѣнчаніе зданія» и, какъ бы, оцѣпенѣли, окаменѣли на мѣстѣ, ни впередъ, ни назадъ не могутъ двинуться съ этой неблагодарной позиціи.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

Наши политическія партіи. — Либерализмъ и самобытность не только не исключаютъ, но и восполняютъ другъ друга. — Славянофильство эгоистично и односторонне по своей основной тенденціи и прямо враждебно истинно-народной политикѣ.

Въ предъидущей главѣ мы сказали, что настоящее слишкомъ обильно самыми разнообразными и усовершенствованными до тончайшихъ подробностей образцами и формами общежитія, чтобы намъ представлялась надобность искать ихъ въ архивной пыли или подъ могильными плитами. Эта мысль, служащая исходною точкою всей нашей обширной работы, требуетъ болѣе подробнаго разъясненія съ точки зрѣнія взаимныхъ отношеній существующихъ въ нашей печати двухъ политическихъ теорій подъ наименованіями «либерализма», отождествляемаго съ «западничествомъ» и «руссофобствомъ», и «самобытности», отождествляемой съ «консерватизмомъ» и даже «реструградствомъ».

Что такое, въ сущности, либерализмъ, отождествляемый съ западничествомъ, и самобытность? Въ совокупности всѣ эти термины означаютъ только прогрессъ, потому что истинный либерализмъ нисколько не отрицаетъ самобытности, поскольку она содѣйствуетъ успѣхамъ цивилизаціи, и наоборотъ. Да и подобное отрицаніе представляется намъ совершеннѣйшею нелѣпостью. Самобытность не есть что-то навязанное народу извнѣ, привитое искусственно или принадлежность

какой-либо партіи; нѣтъ, самобытность—это натура народа, душа его, которой нельзя ни отнять у него, ни вложить въ него. Каждый народъ самобытенъ и сила этой самобытности заключается, именно, въ томъ, что она не подчиняется никакимъ давленіямъ извнѣ, никакимъ передѣлкамъ на тотъ или другой фасонъ. Съ этой-же точки зрѣнія она является только горниломъ, въ которомъ, въ свою очередь, перерабатывается все то, что воспринимается тѣмъ или другимъ народомъ отъ другихъ, тѣ плоды цивилизаціи и прогресса, которые составляютъ достояніе всего человѣчества. Развѣ к а ж д о м у народу, въ отдѣльности, необходимо открывать Америку, начинать непремѣнно съ альфы и продѣлывать тотъ трудный, тяжелый и нерѣдко кровавый путь для достиженія различныхъ успѣховъ въ области политической и умственной жизни, въ то время, какъ онъ имѣетъ передъ собою готовые образцы и вѣковой опытъ другихъ? Либерализмъ, указывающій на нихъ, вовсе не имѣетъ въ виду рабскаго заимствованія; онъ только совѣтуетъ не чуждаться того, что уже есть и составляетъ продуктъ вѣковыхъ трудовъ и продолжительной борьбы. Но всякое заимствованіе должно быть, конечно, переработано въ горнилѣ самобытности, чтобы оно явилось не привитымъ извнѣ, а произведеніемъ внутренней работы. Спрашивается: можетъ-ли быть, при такой постановкѣ вопроса, рѣчь объ обезличеніи народа,—стремленіи, обыкновенно, навязываемомъ либераламъ? По нашему мнѣнію, это такъ же безсмысленно, какъ и желаніе оградить народъ какою-то китайскою стѣною. Но самобытники, именно, такъ и понимаютъ пропо-

вѣдуемую ими «самобытность» и отсюда проистекаетъ та борьба, которую они считаютъ нужнымъ вести, для ея охраненія, съ либералами. Эти господа не могутъ понять простой вещи, что самобытность не привитой элементъ, а внутренняя сила, неразлучная съ народнымъ организмомъ, слѣдовательно, ненуждающаяся въ охранѣ и поощреніи. Обезличить народъ; разрушить самобытность! Развѣ это не пустыя фразы? Покажите намъ народъ, который можно было-бы обезличить? Развѣ въ сильномъ организмѣ подобное явленіе возможно? А между тѣмъ, въ силѣ русскаго народа, кажется, никто не сомнѣвается,—даже и тѣ самобытники, которые силятся создать русской самобытности какую-то полицейскую охрану и подчинить ее неослабному контролю, до таможеннаго включительно; которые, въ своемъ увлеченіи односторонней идеею, силятся измѣнить общіе законы борьбы за существованіе, открыто проповѣдуя воинственную политику и поощряя массовыя движенія. Достаточно взглянуть на другіе народы, чтобы сразу понять всю нелѣпость проповѣдуемаго у насъ покровительства самобытности. Что, напримѣръ, потеряли, въ этомъ смыслѣ, Франція, Англія и Германія, постоянно обмѣнивающіяся плодами цивилизаціи? Они нетолько ничего не потеряли и ни на іоту не поступились своею самобытностью (нѣмцы остались нѣмцами, французы—французами и т. д.), но, несомнѣнно, остались въ крупномъ выигрышѣ, потому что каждой въ отдѣльности не нужно было постоянно открывать Америку, а взаимный обмѣнъ плодами цивилизаціи поставилъ ихъ на одинаковый уровень развитія. Это, именно, и есть то, что

мы привыкли называть «примѣненіемъ къ мѣстнымъ условіямъ и потребностямъ», понимая это выраженіе, конечно, въ смыслѣ народной самобытности.

Наши читатели увидятъ ниже, что мы нисколько не заражены ни ложнымъ либерализмомъ, ни руссофобіей, — которые въ устахъ извѣстной кучки оказываются синонимами, — ни рабскимъ поклоненіемъ западнымъ образцамъ. Въ одной изъ нашихъ слѣдующихъ бесѣдъ мы, нисколько не измѣняя нашему направленію, не стѣснимся констатировать, что Россія похожа на большой домъ, въ которомъ пустуютъ почти всѣ покои, за исключеніемъ тѣхъ, окна которыхъ выходятъ въ Европу, и что намъ не мѣшаетъ подумать о нашемъ востокѣ, гдѣ найдется бездна дѣла и гдѣ сосредоточены источники нашего политическаго и матеріальнаго могущества. Мы всегда и во всемъ старались указывать на великое значеніе нашей самобытности въ смыслѣ обилія силъ, которыми располагаетъ русскій народъ для созданія себѣ блестящаго будущаго. Но мы, конечно, никогда не рѣшимся утверждать, что для осуществленія предстоящихъ намъ задачъ необходимо затворить окно въ Европу и оградить народъ китайскою стѣною. Охранить свою самобытность можетъ самъ народъ и онъ дѣлаетъ это какъ нельзя лучше, отчасти сознательно, а большею частью инстинктивно.

Не сочувствуя, такимъ образомъ, проповѣдникамъ «понятнаго движенія» подъ знаменемъ «самобытности», мы, конечно, еще менѣе можемъ сочувствовать той фракціи самобытниковъ, которые, въ ослѣпленіи панславистскими теоріями,

стараются потопить всѣ вопросы «внутренней политики» государства въ одномъ безбрежномъ политическо-національномъ вопросѣ, не щадя ни матеріальныхъ интересовъ, ни жизни народа ради благополучія горсти соплеменниковъ. Прежде всего, стремленія этой фракціи крайне несимпатичны по ихъ эгоистической подкладкѣ. Еще очень недавно изъ устъ весьма авторитетныхъ былъ брошенъ безпощадный укоръ русской интеллигенціи въ предположеніи, что она подниметъ «вопли негодованія», если «русскій человѣкъ вспомнитъ, что онъ принадлежитъ къ народу великому и сильному» и что «русскій народъ составляетъ одну семью съ племенемъ славянскимъ, нынѣ терзаемымъ и попираемымъ...» Достойно замѣчанія, что высказавшій ихъ «русскій человѣкъ» счелъ своимъ долгомъ «вспомнить» о своей принадлежности къ «великому и сильному» русскому народу и о самомъ этомъ народѣ не по поводу и не въ интересѣ этого послѣдняго, не въ виду его нуждъ и болей, которыхъ не оберешься во всякое время, а ради «славянскаго племени, нынѣ терзаемаго и попираемаго»... Въ этой обмолвкѣ—вся исповѣдь людей вышеуказанной фракціи, руководимыхъ, яко-бы, «народной политикой!». Они упрекаютъ русскую интеллигенцію въ томъ, что она, будто-бы, отвлекается отъ русскаго народа и его интересовъ «космополитическимъ европеизмомъ». Но что-же они сами дѣлаютъ? У нихъ начинаетъ «щемить сердце» всеславянской скорбью за в с е славянское племя, будто-бы, всецѣло и повсемѣстно «терзаемое и попираемое», и то-же самое сердце не дрожитъ у нихъ отъ боли и безмолвствуетъ при видѣ того, что русскій народъ «неисходно

терзаютъ враги болѣе лютые, чѣмъ турки,—такіе неумолимые враги, какъ бѣдность, голодовки, эпидеміи, надежи, невѣжество, пьянство и цѣлая орда хищныхъ міроѣдовъ, кулаковъ и кабатчиковъ... Они не хотятъ видѣть, что въ большинствѣ «терзаемые и попираемые» заграничные славяне во сто кратъ счастливѣе, богаче и спокойнѣе живутъ нашего «великаго и сильнаго» народа. Мало того, что они этого не видятъ и не сознаютъ: они во всякую минуту, по первому кличу какого нибудь предпріимчиваго Ковачевича, готовы, не задумываясь, въ порывѣ своей всеславянской скорби, толкнуть русскій народъ въ тягостную, кровопролитную войну, не обращая никакого вниманія на его домашнія нужды и «внутренніе вопросы» его собственной жизни, даже открыто проповѣдуя презрѣніе и забвеніе этихъ нуждъ и вопросовъ, какъ это уже однажды и было... Какое имъ до этого дѣло, когда имъ самимъ впереди блистаютъ слава, лавровые вѣнки и награды, за которые заплатитъ русскій народъ своей кровью и потомъ, заплатитъ безропотно, потому что онъ «великъ и силенъ»? Спрашивается, чѣмъ-же эта всеславянская скорбь *народнѣе* «космополитическаго европеизма»? Развѣ она не представляетъ собою, въ своихъ исходныхъ результатахъ, самаго крайняго, самаго эгоистическаго отвлеченія отъ народа и его нуждъ, отъ истинной «народной политики», ради преслѣдованія доктринерскихъ мечтаній о всеславянскомъ единствѣ?...

Пора-бы, кажется, установить намъ прочную почву, на которой Россія, какъ славянская держава, и зарубежные славяне поняли-бы свои взаимныя отношенія. До послѣдняго вре-

мени отношенія Россіи ко всему славянству сводятся, въ значительной мѣрѣ, къ двумъ крайностямъ: ультра-славянофилы безусловно пророчатъ, что всѣ славянофильскіе ручьи сольются въ русскомъ морѣ; славяне-же-почвенники, напротивъ, смотрятъ на Россію, какъ на подручную митральезу, обязанную, хотя-бы въ ущербъ своему существованію, вырвать ихъ изъ-подъ власти чужеплеменниковъ, при всенепремѣнномъ, однако-же, условіи полнѣйшей ихъ независимости и отъ самой спасительницы-митральезы. При самомъ поверхностномъ взглядѣ на прошлое и настоящее, какъ Россіи, такъ и славянъ-почвенниковъ, становится очевиднымъ, что оба эти упованія, по своей близорукости, суть не болѣе, какъ pia-desideria. Въ нашъ практическій вѣкъ всякія политическія функціи осуществляются при помощи всемогущихъ факторовъ, въ родѣ Крупна, Ухаціуса и т. п. благодѣтелей. Только одни славяне, у которыхъ мозги зачастую замѣняются сердцемъ, думаютъ иначе и, поэтому, крѣпко приплачиваются за свои сердечныя думы. Тѣмъ не менѣе, и для подобнаго qui pro quo должны-же быть границы. Если ни одинъ сѣятель не сѣетъ безъ надежды на кой-какую жатву, что отнюдь не вмѣняется ему въ эгоизмъ, то позволительно-думать, что и всякій народъ, искупающій кровью и достояніемъ, хотя-бы, и своего соплеменника, не будетъ сочтенъ эгоистомъ.

Законъ взаимнаго возмѣщенія, въ должныхъ, разумѣется, предѣлахъ, вполнѣ раціоналенъ. Принципъ этотъ не претитъ и нравственному чувству, особенно въ наше желѣзо-кровное время, ратующее уже не во имя законныхъ возмѣщеній, а ради ненасытныхъ инстинктовъ властолюбія и неразборчивой корысти.

Извѣстно, что далеко не все славянство сгруппировалось

подъ шапкой Мономаха, — существовали еще и другія самобытныя народности этого-же племени. Тѣмъ не менѣе, еще за сто лѣтъ до нашего времени, одна только Россія сохранила свою полную, а, въ извѣстныхъ отношеніяхъ, и преобладающую, политическую самостоятельность. Остальные славянскіе народы, въ силу тѣхъ или другихъ историческихъ судебъ, вошли въ составъ другихъ государствъ. Утрата самобытности, при всей живучести и своеобразности славянской расы, не могла не воздѣйствовать, въ той или другой степени, на видоизмѣненіе ихъ племенныхъ особенностей. Преобладающая культура Германіи, вѣроисповѣдная общность въ Австріи, религіозный антагонизмъ въ Россіи и подавляющій деспотизмъ магометанской Турціи—внесли въ среду славянства ту типическую рознь, въ силу которой оно, едва-ли уже не безповоротно, отшатнулось отъ своей чисто-племенной почвы. Не подлежитъ сомнѣнію, что нѣкоторые изъ нашихъ собратій выиграли въ общекультурномъ преуспѣяніи, но, въ то же самое время, этотъ-же космополитическій прогрессъ и подорвалъ центростремительную силу единенія.

При подобной разрозненности славянства приходится считаться уже съ одной д ѣ й с т в и т е л ь н о с т ь ю и, какъ говорится, по одежкѣ протягивать и ножки. И такъ, ультра-славянофиламъ не слѣдуетъ не только упускать изъ виду крыловской басни «Лебедь, щука и ракъ», но и взвѣсить сумму штыковъ теперешнихъ владыкъ зарубежныхъ осколковъ славянства. Славянамъ-же-почвенникамъ далеко не безполезно проштудировать, хотя-бы по оффиціальнымъ отчетамъ, во что обошлась

русскому народу полу-независимость одной только Болгаріи плюсъ берлинское маклерство. Мы упомянули единственно о нашихъ благопріобрѣтеніяхъ въ одну послѣднюю освободительную войну и не распространяемся о подобной-же благодати, не разъ выпадавшей на нашу долю, во имя славянства, со временъ Петра Великаго.

Какую же мзду, хотя бы и не вещественную, получила Россія за свои жертвы въ борьбѣ за единоплеменниковъ? Одна уже послѣдняя война могла-бы преподать не мало данныхъ самаго прискорбнаго свойства. Не менѣе назидательнаго представили-бы намъ и побратимцы, утратившіе свою независимость по своей-же винѣ. Было время, когда они сладко ѣли, сладко пили и, во имя этихъ-же удовольствій, накликали на свое отечество всѣ разрушительные элементы. Приплатившись, за непомѣрный разгулъ страстей, своимъ политическимъ бытомъ, они-же явились заклятыми врагами о д н о й единоплеменной Россіи. Несмотря на свое политическое банкротство, они мечтаютъ о такихъ широкихъ льготахъ, которыхъ не съумѣли осуществить и во время своей привольной самобытности. Оказывается, что Россія, вынесшая на своихъ плечахъ татарщину и просвѣщенныя полчища двухъ Наполеоновъ, поддержанныхъ племеннымъ содѣйствіемъ тѣхъ-же побратимцевъ, должна теперь, во имя славянскихъ утопій, принять новый напоръ двенадесяти языкъ, быть можетъ, при томъ-же племенномъ подспорьѣ. Для такихъ мечтательныхъ братушекъ не пошли въ прокъ даже и недавнія событія. Возьмемъ для примѣра, совершившееся уже на нашихъ глазахъ, объединеніе

Германіи. Сколько-же нѣмецкихъ королевствъ и мелкихъ княжествъ, дѣйствительно существовавшихъ, преклонило выю передъ прусскою гегемоніею? Во что обратился энергическій протестъ ганноверскаго короля? И всѣ эти капитальныя жертвы совершились во имя племеннаго единенія, чуть было несмѣтнувшаго дряблую Францію съ политическаго пьедестала. Россія никогда не думала принимать на себя роли Пруссіи, а затѣмъ и не обязана къ безконечнымъ и безцѣльнымъ жертвамъ, въ ущербъ своимъ существеннѣйшимъ интересамъ. Между тѣмъ, нѣкоторые наши братушки, по поводу своихъ-же фиктивныхъ измышленій о русскомъ панславизмѣ, поднимаютъ на насъ все непріязненное въ Европѣ. И, странное дѣло, они-же игнорируютъ фактическое наступательное движеніе иноплеменной Австріи на балканское славянство. Чѣмъ-же объяснить подобную двойственность, какъ не тою-же безповоротною отчужденностью отъ племенной почвы? Если это справедливо, то какую-же практическую пользу принесетъ намъ возбужденіе русскаго народа на борьбу изъ-за славянъ чуть не со всѣмъ центромъ Европы? Гдѣ-же шансы не только благополучнаго исхода подобной борьбы, но даже и логическаго оправданія ея?

Въ виду этой только, отчасти намѣченной, розни въ славянствѣ, намъ остается лишь благословлять наше правительство, поставившее себѣ задачею помогать страждущимъ собратіямъ путемъ общеевропейскаго воздѣйствія. Только подобная помощь,—во всякомъ случаѣ, не менѣе существенная, чѣмъ та, которую безумцы ищутъ въ кровопролитныхъ войнахъ,—

можетъ современемъ принести желаемые результаты и, въ то же время, предохранить русскій народъ отъ рискованныхъ и непосильныхъ жертвъ. Что-же касается выхватыванія каштановъ изъ европейскаго горнила, то это была-бы, именно, та самая игра, которая, какъ показалъ горькій опытъ, не стоитъ и свѣчъ, а, тѣмъ болѣе, цѣлаго моря крови и сотенъ милліоновъ рублей.

Изъ этого краткаго разбора существующихъ въ нашей печати политическихъ теорій читатели могутъ видѣть, что мы стоимъ внѣ тѣхъ группъ, которыя у насъ принято называть партіями, или что если мы въ извѣстной степени примыкаемъ къ нѣкоторымъ изъ нихъ нашими взглядами, то только съ тѣхъ сторонъ, съ какихъ онѣ являются выразительницами дѣйствительныхъ желаній и стремленій народа безъ произвольныхъ оглядокъ на прошлое и идолопоклонничества передъ «западомъ».

По нашему крайнему разумѣнію, только въ этомъ направленіи возможна правильная и безпристрастная постановка принциповъ государственнаго управленія, разсчитаннаго на созданіе дѣйствительнаго, а не казоваго — внутренняго и внѣшняго — могущества народа.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

Опора правительства на политическія партіи возможна лишь при свободѣ политической пропаганды въ странѣ.—Одно изъ главнѣйшихъ условій поступательнаго развитія государства — это политическое развитіе населенія, политическая зрѣлость его. Сама общественная жизнь должна представлять собою политическую школу, въ которой изъ различныхъ политическихъ теченій и направленій естественно вырабатывалось-бы одно общее направленіе политически-развитаго большинства населенія, на которое правительство могло-бы опираться въ своей дѣятельности.—Единственный, при условіяхъ нашего государственнаго строя, факторъ, естественно регулирующій государственную жизнь, согласно направленію большинства населенія или—что тоже—сообразно дѣйствительнымъ потребностямъ народной жизни,—есть свободная печать, столичная и провинціальная.

Въ дѣлахъ внѣшней политики каждое государство ищетъ опоры или поддержки у другихъ государствъ для осуществленія своихъ плановъ и цѣлей. Аналогично этому, и въ дѣлахъ внутренней политики правительство нуждается всегда въ спеціальной поддержкѣ и помощи извѣстныхъ сословій, классовъ, политическихъ партій. Внутренняя правительственная политика—дѣло еще болѣе сложное, серьезное и важное, чѣмъ внѣшняя. Въ дѣлахъ внутренней политики требуются особенно глубокая обдуманность и зрѣлость программы, опредѣленность и ясность цѣли, знаніе той среды, на которую правительству желательно опереться въ данный моментъ, и умѣніе примѣняться къ общимъ политическимъ условіямъ страны. Неудачная внѣшняя политика приводитъ къ военнымъ столкновеніямъ. Но еще болѣе жестоки и ужасны послѣдствія неудачной внутренней политики: она приводитъ къ нравственной деморализаціи населенія и разложенію страны.

Опора правительства на тѣ или другіе политическія партіи и классы есть одна изъ существеннѣйшихъ прерогативъ

Государственная
БИБЛИОТЕКА
СССР
им. В. И. Ленина

правительственной власти; она обусловливается его естественнымъ правомъ выбора орудій для проведенія въ жизнь и практическаго примѣненія извѣстныхъ политическихъ началъ, признаваемыхъ, по ходу государственной жизни, обязательными для немедленнаго осуществленія. Но для того, чтобы этотъ выборъ опоры былъ дѣломъ, дѣйствительно, естественнымъ и не заключалъ въ себѣ ничего насильственнаго въ отношеніи тѣхъ партій, на которыя, почему-бы то ни было, правительство считаетъ невозможнымъ опираться въ томъ или другомъ случаѣ, необходима свобода политической пропаганды въ странѣ. Только при этомъ условіи разнообразные интересы политическихъ партій, свободно сталкиваясь между собою, взаимно умѣряются и регулируются въ интересахъ торжества истины; каждая партія имѣетъ право самозащиты, свободной пропаганды своихъ политическихъ воззрѣній; ни одна партія не можетъ считать себя обдѣленною,—каждой изъ нихъ открыта арена для мирной политической дѣятельности, соотвѣтствующей ея убѣжденіямъ.

Это и называется реальною, жизненною политическою школою. Она охватываетъ все населеніе государства и воспитываетъ, укрѣпляетъ его въ политическомъ отношеніи, дѣлаетъ его политически зрѣлымъ народомъ. Сила, нравственный авторитетъ и вліяніе этой школы чувствуются всѣми и во всемъ. Дѣти не вторгаются въ область политики, потому-что ее твердо держитъ въ своихъ рукахъ взрослое населеніе, потому что для занятія политическими дѣлами требуются возмужалость, умственная и нравственная зрѣлость и — что самое

главное—признаніе обществомъ политической правоспособности за даннымъ лицомъ, желающимъ выступить на политическую арену. Политическая школа, эта величайшая и важнѣйшая изъ государственныхъ школъ, приводитъ всегда къ тому, что въ каждомъ частномъ внутреннемъ политическомъ вопросѣ правительство имѣетъ возможность безошибочно опереться на политически-сознательное большинство; что руководство и направленіе всѣми, вообще, политическими дѣлами страны находятся въ рукахъ опредѣленной политической партіи, представляющей собою большинство. Въ каждой политически развитой и зрѣлой странѣ либеральное правительство постоянно чередуется съ консервативнымъ. Таковъ основной законъ борьбы политическихъ партій. Именно потому, что перевѣсъ политическаго большинства естественно регулируется и устанавливается самъ собою въ каждый данный моментъ, нормальное теченіе дѣлъ внутренней политики, ни въ какомъ случаѣ, не можетъ быть нарушено зарожденіемъ тѣхъ или другихъ политическихъ теорій. Напротивъ: каждая новая политическая теорія, подвергаясь естественной переработкѣ въ гласной, открытой для всѣхъ, политической школѣ, способствуетъ, прежде всего, укрѣпленію и освѣженію существующихъ теорій; изъ каждой новой политической теоріи, непремѣнно заключающей въ себѣ что-нибудь разумное и полезное для жизни, исподоволь заимствуется все, что она заключаетъ въ себѣ свѣжаго, гуманнаго, и постепенно проводится въ жизнь. Такимъ образомъ, новая политическая теорія систематически, безъ всякихъ внутреннихъ потрясеній, пріобрѣтаетъ себѣ право гражданства.

Народная политика, въ смыслѣ національно-демократическаго направленія,—одна изъ возвышеннѣйшихъ по идеѣ политическихъ теорій. Стать на путь этой политики значитъ избрать самое надежное направленіе къ осуществленію основной идеи государственности — достиженія счастья и благоденствія всего государственнаго населенія, насколько это во власти человѣка. Всякій мыслящій, политически развитой человѣкъ преклонится предъ мудростью народной политики. Политика эта представляетъ тотъ, именно, политическій идеалъ, къ которому неудержимо стремятся всѣ политически созрѣвшіе народы и государства, и ходъ исторіи неуклонно придвигаетъ человѣчество къ пути этой, именно, внутренней государственной политики. Тѣ внутреннія толчки и потрясенія, которые, время отъ времени, проявляются въ механизмѣ того или другаго государства, суть толчки и потрясенія общечеловѣческой исторіи, вправляющей механизмъ государственной жизни въ колею народной политики.

Всѣ реформы прошлаго царствованія, логически-послѣдовательно развивающіяся въ нынѣшнемъ царствованіи, совершаются безспорно въ чисто-демократическомъ направленіи. По основнымъ принципамъ и практическому значенію ихъ въ государственной жизни, онѣ либеральны въ самомъ чистомъ, благородномъ, возвышенномъ смыслѣ этого слова.

Кто-же можетъ и долженъ проводить въ жизнь и примѣнять на дѣлѣ эти мудрыя предначертанія правительства? Разумѣется, только политически зрѣлая и развитая часть населенія, т. е. та, именно, часть, которая, во все время ре-

формъ, безъ всякаго зова со стороны правительства, только въ силу сознанія своихъ гражданскихъ обязанностей передъ государствомъ и обществомъ, являлась единственной безкорыстной и дѣятельной пособницей и исполнительницей предначертаній верховной власти. Въ самомъ дѣлѣ, развѣ мыслимо былобы осуществить хотя одну изъ реформъ прошлаго царствованія и, въ особенности, освобожденіе крестьянъ, безъ самой дѣятельной помощи со стороны мыслящей, развитой, образованной части населенія? Тѣмъ болѣе невозможно продолжать эти реформы безъ ея помощи. Но на этотъ-то, именно, счетъ и существуетъ у насъ капитальнѣйшее недоразумѣніе самаго прискорбнаго свойства.

Темная реакціонная русская сила, по какому-то роковому недоразумѣнію, не нуждающемуся, впрочемъ, въ объясненіи, была смѣшана съ консервативною партіею въ европейскомъ смыслѣ этого слова. Что-же сдѣлала эта темная, чуждая всякихъ политическихъ убѣжденій, партія, занявъ политическую позицію, которая, по праву, можетъ принадлежать, какъ мы это объяснимъ ниже, только той части населенія, изъ которой вышли и въ которой еще донынѣ живутъ авторы и исполнители всѣхъ отечественныхъ реформъ? Пришла-ли она на помощь правительству, искавшему въ ней противовѣсъ противъ чрезмѣрно-усилившейся оппозиціи? Да, пришла,—отвѣтимъ мы,—но какъ? Въ этомъ-то и весь вопросъ. Истолковавъ «новое направленіе» внутренней политики правительства въ смыслѣ попятнаго движенія «домой», стремленія къ полному упраздненію всѣхъ тлетворныхъ реформъ минув-

шаго царствованія, основанныхъ на принципахъ равенства и торжества гуманности надъ кулачествомъ, однимъ словомъ, въ смыслѣ «праздника на ретрогадной улицѣ»,— она, прежде всего, занялась обдѣлываніемъ своихъ собственныхъ дѣлишекъ... И вотъ, прикрываясь, будто-бы, солидарностью съ направленіемъ правительственной дѣятельности, но, въ то-же время, ведя злостную агитацію противъ сущности правительственныхъ реформъ, реакціонеры, ради сохраненія престижа своей, яко-бы, консервативной политики, всячески старались набросить тѣнь въ глазахъ правительства на либеральную партію, т. е. на ту образованную и развитую часть общества, трудами которой реформы переносились въ жизнь. Между тѣмъ, если кому-либо, то, именно, такъ называемой, либеральной партіи приличествуетъ значеніе консервативнаго элемента въ чистомъ политическомъ значеніи этого слова, потому что только эта партія безусловно солидарна съ направленіемъ правительственной дѣятельности и, только благодаря этой партіи, принципы великихъ правительственныхъ начинаній уцѣлѣли отъ тлетворнаго вліянія реакціонеровъ и самыя реформы, хотя и не во всей ихъ чистотѣ, проникли въ жизнь и получили задатки къ дальнѣйшему развитію и усовершенствованію. Полная солидарность начинаній правительственной власти и стремленій либеральной партіи—это кровный, живой, неотвратимый фактъ родной нашей государственной жизни и дѣятельности. Правительственная власть имѣетъ антагонистовъ только въ реакціонной и революціонной партіяхъ. И реакціонеры понимаютъ это очень

хорошо. Вотъ, почему, пользуясь внутренними потрясеніями, обусловливаемыми исключительно ретроградною разнузданностью и дерзкимъ извращеніемъ значенія реформъ, ретрограды, исходя изъ факта безусловнаго сочувствія либеральной партіи національно-демократическому направленію правительственной дѣятельности, преднамѣренно приравнивали эту необходимую для правительственныхъ видовъ партію къ партіи нигилистическо-революціонной. Въ виду внутренняго замѣшательства, броженія умовъ и ограниченности политическаго мышленія въ русскомъ обществѣ, ретрограды, пользуясь широкою свободою пропаганды, принялись за окончательное извращеніе политическаго мышленія русскаго общества. Сначала они занялись противупоставленіемъ «народа» и «интеллигенціи», какъ двухъ, будто-бы, о б я з а т е л ь н о в р а ж д е б н ы х ъ другъ другу элементовъ въ государственномъ населеніи. Затѣмъ, началось доказываніе колоссальнѣйшаго политическаго абсурда, что правительство, будто-бы, можетъ опираться въ своей дѣятельности на невѣжественную, совершенно неосмысленную въ политическомъ отношеніи, массу населенія. Наконецъ, реакціонная проповѣдь завершилась неслыханною, грозною по своему варварскому значенію, формулою: «в с е д л я н а р о д а, н и ч е г о д л я и н т е л л и г е н ц і и».

Подъ вліяніемъ тлетворныхъ реакціонныхъ ученій, раздававшихся громче и безпрепятственнѣе другихъ, проснулись низменные инстинкты толпы, въ качествѣ публики присутствовавшей на «ретроградномъ праздникѣ». Изъ разныхъ щелей повыползли подонки общества и заняли тѣ ряды обще-

ственныхъ дѣятелей, которые обязательно должны быть заполнены выдающимися по образованію, развитію и политическому сознанію силами общества. Министерства переполнились ходатайствами о концессіяхъ, наложеніи пошлинъ, повышеніи тарифовъ, изгнаніи конкуррентовъ, въ лицѣ евреевъ и иностранцевъ, и т. д. Не дремала и темная стихійная народная масса. Почуявъ свою силу, она принялась самымъ безхитростнымъ образомъ разрубать Гордіевъ узелъ «борьбы за существованіе», т. е. среди бѣлаго дня грабить, разгромлять и насиловать мирное населеніе. Въ воздухѣ повисло что-то смутное, какая-то тревога и опасеніе, что-то угрожающее дальнѣйшей судьбѣ всего культурнаго, развивающаго и облагораживающаго, всего того, чего, съ такими громадными усиліями и жертвами, добилась Россія въ теченіе тысячи лѣтъ.

Такова картина переживаемой нами дѣйствительности. Она, конечно, не вѣчна. Но она создана человѣческими руками и человѣческими-же руками должна быть радикально измѣнена и направлена на нормальный путь.

Мы, конечно, совершенно чужды намѣренія предрѣшать, на какіе, именно, классы и слои населенія наиболѣе желательна, въ данное время, опора правительственной власти въ дѣлахъ внутренней политики, а тѣмъ болѣе — отрицать право правительства прислушиваться къ голосу хотя-бы даже и ретроградной партіи. Но, строго придерживаясь почвы родной нашей и общечеловѣческой исторіи, а также и принциповъ политической науки, мы утверждаемъ, что благополучный ходъ внутренней политики, прочность, практичность и цѣлесообразность ея направленія обязательно требуютъ, чтобы всѣ поли-

ческіе оттѣнки и партіи пользовались полнымъ политическимъ равенствомъ передъ правительствомъ. Въ тѣхъ случаяхъ, когда правительственная власть наиболѣе либеральна въ своихъ мѣропріятіяхъ, свобода не только консервативной, но даже и ретроградной партіи, ни въ какомъ случаѣ, не должна стѣсняться. И наоборотъ: если, по какому-бы то ни было несчастному стеченію обстоятельствъ, направленіе правительственной власти склоняется въ сторону хотя-бы даже и ретроградной партіи,—либеральная партія должна пользоваться полною свободою. Только при этомъ условіи правительство можетъ избѣжать обостренія политическихъ страстей партіи, и — главное, — риска взять направленіе, противное потребностямъ государственной жизни въ данное время. Въ каждый данный моментъ будетъ естественнымъ образомъ оформливаться политическое большинство, на которое правительство можетъ опереться, какъ на готовую рабочую силу, для осуществленія своихъ внутреннихъ политическихъ предначертаній, задачъ и плановъ.

Значитъ, первое, что необходимо для успѣха внутренней политики, прочности и безошибочности ея направленія, — это подъемъ положенія печати, свобода печати. Возьмемъ недавній и, безъ сомнѣнія, всѣмъ памятный примѣръ — 1880 годъ, когда съ печати снята была придавливающая ее рука. Поведеніе печати было такъ безупречно, что цензурному вѣдомству нечего было дѣлать. Мы утверждаемъ это, какъ положительный фактъ, съ голоса лицъ главнаго управленія по дѣламъ печати. Правда, и въ это время сравнительной сво-

боды русской печати, правительство не переставало пользоваться своимъ правомъ изъятія изъ обсужденія печати извѣстныхъ вопросовъ и событій; но все то, что считалось, въ то время, запретнымъ плодомъ для печати и о чемъ она, все-таки, выдуждена была говорить, такъ или иначе, въ настоящее время, поставлено на очередь самимъ правительствомъ и разработывается въ коммиссіи по переустройству мѣстнаго управленія. Тѣ внутренніе вопросы, которые только затрогивались въ печати два года тому назадъ, теперь разработываются во всей ширинѣ и глубинѣ ихъ внутренняго политическаго государственнаго значенія. Это доказываетъ, что печать шла въ одномъ уровнѣ съ потребностями практической жизни и изъятія вопросовъ изъ обсужденія печати только тормозили ея работу въ ущербъ интересамъ государства и общества.

Поднять уровень печати, дать ей свободу — значитъ вызвать работу общественнаго ума; вызвать нормальное отправленіе политической мысли въ обществѣ; оформить партіи, т.-е. опредѣлить наличность силъ въ каждой изъ нихъ, степень ихъ общественнаго авторитета и значеніе и, наконецъ, главное, выяснить, такъ сказать, р а в н о д ѣ й с т в у ю щ у ю с и л у всѣхъ, вообще, общественныхъ теченій и стремленій, съ которыми правительство должно сообразоваться въ своей дѣятельности, сохраняя, въ то-же время, за собою свободный выборъ лицъ для непосредственнаго осуществленія своихъ мѣропріятій. Обратный порядокъ вещей мы видимъ при отсутствіи свободной печати: — жизнь окутывается мракомъ; безусловно

вредное для жизни смѣшивается съ полезнымъ и, наоборотъ, полезное, по неясности общественнаго сознанія, отождествляется съ вредомъ; враги не отличаются отъ друзей, правые отъ виноватыхъ; надъ всею жизнью тяготѣетъ что-то гнетущее, деморализующее, удручающее умъ, чувство, волю, убивающее общественную энергію и предпріимчивость; лучшія правительственныя начинанія безслѣдно гибнутъ для жизни и только низменные инстинкты да необузданная разнузданность страстей находятъ полный просторъ.

Но, какъ ни велико значеніе свободной, независимой печати въ дѣлѣ урегулированія внутренней государственной политики, одна эта мѣра, все-таки, представляетъ собою только палліативъ.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

Общественная и государственная дѣятельность должна быть доступна всѣмъ интеллектуальнымъ силамъ страны, безъ различія званій и состояній.—Логическими выводами изъ этого принципа являются: генеральное обновленіе бюрократическаго міра молодыми силами, уничтоженіе чиновъ и орденовъ и установленіе наградъ только за высшія государственныя заслуги. — Административная ссылка создаетъ въ обществѣ цѣлый слой политически-вредныхъ элементовъ; поэтому необходимо: административную ссылку замѣнить преданіемъ суду, а возвращаемыхъ изъ нея поставить въ возможность пристроиться къ какой-либо трудовой дѣятельности, которая обезпечила-бы ихъ существованіе и устранила-бы опасность впаденія ихъ въ рецидивизмъ.

Свободная печать, какъ выразительница общественнаго мнѣнія, можетъ только указывать наболѣвшія мѣста въ организмѣ государства и принимать дѣятельное участіе въ изысканіи способовъ къ ихъ лѣченію. Для созидательной-же государственной работы необходимы разумно организованныя силы и не только въ резиденціи центральной власти, а на всемъ пространствѣ имперіи, на мѣстѣ. Самое широкое развитіе этихъ силъ и должно составлять первостепенную задачу будущей преобразовательной дѣятельности правительства.

Крѣпка общественными силами мѣстность, связаны эти силы съ мѣстностью живою, жизненною связью — крѣпко и все государство, охранено оно отъ разлагающаго вліянія бюрократіи, отъ неизбѣжнаго спутника послѣдняго—хищенія, крѣпко центральное правительство, нынѣ не имѣющее для себя надлежащихъ устоевъ въ мѣстности, на землѣ. Весь вопросъ только въ томъ, какъ окрѣпить мѣстность, какъ возбудить мѣстныя общественныя силы, какъ скрѣпить эти силы съ землею?

Еще собиратели земли русской сознавали, что для государства нужно хорошее мѣстное управленіе. Заботы объ этомъ восходятъ чуть-ли не ко временамъ Грознаго, впервые обратившагося къ «тяглымъ людямъ» для завѣдыванія губнымъ дѣломъ, судомъ и финансовымъ управленіемъ. Но, къ сожалѣнію, ни «тяглые люди», ни «служилые» не имѣли никакой связи съ землею: они не представляли изъ себя, подобно тому, какъ это мы видимъ на западѣ, ни стойкихъ мѣстныхъ корпорацій, ни сословій, сильныхъ своимъ мѣстнымъ значеніемъ. Служилые люди тяготѣли къ Москвѣ, къ полку или приказу; «тяглецы» получили только обязанность ставить къ губному дѣлу цѣловальниковъ, бирючей и палачей. Мѣстное управленіе, несмотря на выборное начало, получило приказный характеръ, а послѣдовавшая, затѣмъ, всеобщая неурядица, безсиліе и полная неспособность мѣстныхъ общинъ къ управленію заставили правительство обратиться къ воеводскому, т.-е. чисто приказному управленію, не оставлявшему, затѣмъ, мѣстность вплоть до учрежденія земствъ и городовъ прошлаго царствованія. И нельзя сказать, чтобы правительство за весь этотъ періодъ не обращалось за помощью къ мѣстнымъ общественнымъ силамъ. Оно обращалось, даже установляло для нихъ, если не опредѣленныя, то довольно сложныя формы участія въ мѣстномъ управленіи, — и, тѣмъ не менѣе, мѣстность, все-таки, управлялась приказно. Причины этого понятны. Съ чрезвычайно быстрымъ развитіемъ центральной власти и центральныхъ учрежденій, правительство, по весьма понятнымъ причинамъ, старалось управлять мѣстностью черезъ

эти, находящіяся у него подъ рукою, учрежденія, а потому, ставивъ на мѣста своихъ представителей,—губернаторовъ, намѣстниковъ, генералъ-губернаторовъ,—оно вручало имъ, ихъ канцеляріямъ и низшимъ органамъ центральныхъ учрежденій всею полностью власть управленія, отставляя за выборнымъ началомъ только право «совѣта» и «предстательства». Во-вторыхъ, съ мѣстностью живымъ интересомъ у насъ никто не былъ связанъ. Крестьянство было закрѣпощено или помѣщику, или какому-либо вѣдомству; купечество службою въ шестигласной думѣ несло только повинность, а правами не пользовалось, такъ какъ хозяйственная честь города и его благоустройство вполнѣ зависѣли отъ губернатора и полиціи; дворянство, слѣдуя старой традиціи, служило или въ полку, или на «коронной» службѣ, въ деревнѣ-же жилъ или старецъ, или «захудалый»,—контингентъ для приказнаго «крапивнаго сѣмени». Общественныхъ силъ, такимъ образомъ, не было въ мѣстности и для управленія ею оставалось одно чиновничество.

Преобразованія прошлаго царствованія, коснувшись коренныхъ основъ русской жизни, измѣнили характеръ мѣстнаго управленія въ томъ только отношеніи, что они выдѣлили хозяйственную сторону мѣстнаго управленія и отдали его въ завѣдываніе учрежденіямъ всесословнымъ; но при этомъ поставили эти учрежденія, въ отношеніи правительственныхъ учрежденій, совершенно въ то же положеніе, въ какомъ находятся «отдѣльныя общества и частныя лица» (выраженіе коммиссіи, выработавшей пол. о земск. учрежд.). То-есть, наши

земскія и городскія учрежденія поставлены, въ отношеніи правительства, совершенно въ то же положеніе, въ какомъ находятся вотчинныя конторы въ отношеніи своего владѣльца. Учрежденія эти хозяйствуютъ, но не управляютъ хозяйствомъ. Управлять безъ власти нельзя, а власти у нашихъ земствъ нѣтъ,—они только могутъ надѣяться на содѣйствіе правительства. Земства и города призваны пещись о народномъ образованіи, о народномъ продовольствіи, о здравіи, но тою же заботливостью обязаны, по закону, и правительственные органы, имѣющіе въ своихъ рукахъ власть, которой у земства нѣтъ. Въ итогѣ, какъ показалъ опытъ, получилось то, что наши, такъ называемые, органы самоуправленія стали почти въ такое-же отношеніе къ правительственнымъ органамъ, въ какомъ находились прежнія выборныя учрежденія къ мѣстной правительственной власти, и признаки быстраго упадка и разложенія этихъ учрежденій изъ года въ годъ становятся замѣтнѣе. Тактика земскихъ «дѣятелей» настоящаго времени заключается въ томъ, чтобы ладить съ губернаторомъ, съ полиціею, а потому незначительные или худо понятые интересы правительства удовлетворяются скорѣе и настойчивѣе, чѣмъ существенные интересы общественные, мѣстные. Мы видимъ, напримѣръ, что при прошломъ министерствѣ многія земства ходатайствовали объ увеличеніи состава урядниковъ, интересы народнаго образованія удовлетворялись земствомъ не сообразно съ нуждами населенія, а съ видами министерства народнаго просвѣщенія, и проч. Вялость нашихъ органовъ самоуправленія является, такимъ образомъ, послѣдствіемъ все той-же старой

причины: мѣстное управленіе находится въ рукахъ правительственныхъ органовъ, къ которому, безъ всякой связи и безъ правъ, присоединены выборныя учрежденія. Если добавимъ, что, при такомъ положеніи общественныхъ учрежденій, повторяется все то же исторически-вѣрное послѣдствіе, — что персоналъ этихъ учрежденій наполняется лицами, не имѣющими никакихъ связей съ мѣстностью, а видящихъ въ своей общественной службѣ одинъ изъ способовъ наживы, что все передовое, интеллигентное наше общество, слѣдуя той-же исторической традиціи, ищетъ службы и увеличиваетъ собою штатъ бюрократіи,—то станетъ весьма понятнымъ, почему наши органы самоуправленія лишены значенія этого слова и являются не болѣе, какъ только органами самообложенія.

Тоже самое слѣдуетъ сказать и относительно служебнаго состава административныхъ учрежденій. Въ громадномъ большинствѣ случаевъ, служебные посты захвачены людьми, или недоучившимися, или слишкомъ отравленными ядомъ бюрократизма и дѣйствующими почти въ направленіи, діаметрально противоположномъ предначертаніямъ правительственной власти. Значитъ, необходимо произвести немедленную дезинфекцію во всемъ административно-служебномъ мірѣ, необходимо удалить все недоучившееся, рутинное и одряхлѣвшее на службѣ и замѣнить свѣжими, образованными, энергическими общественными силами, которыхъ имѣется достаточный запасъ въ русскомъ обществѣ, но которыя до сихъ поръ не находили себѣ должнаго приложенія. Вмѣстѣ съ тѣмъ, необходимо отмѣнить чины и установить сроки періодическаго обновленія служебнаго персонала новыми силами.

Наконецъ... ради Бога, не пугайтесь, читатель!.. нужно подумать и о нигилистахъ и принять мѣры противъ нигилизма въ двухъ направленіяхъ. Нигилизмъ, какъ это доказано политическими процессами, питается двумя источниками: политическою неразвитостью русскаго общества и отсутствіемъ доступа къ положительному труду для свѣжихъ молодыхъ силъ. Слишкомъ расплывшееся понятіе о неблагонамѣренности неумѣренно заподозриваетъ и не допускаетъ къ положительной дѣятельности молодыхъ людей, получившихъ болѣе или менѣе удовлетворительное образованіе и представляющихъ, во всякомъ случаѣ, очень цѣнную рабочую силу въ государственной экономіи. Поэтому, вмѣстѣ съ оздоровленіемъ общественной политической мысли, необходимо обратить самое заботливое вниманіе на то, чтобы все свѣжее, молодое, образованное было занято положительнымъ трудомъ. А дѣла у насъ много, очень много даже и теперь. Школы безъ учителей. Въ волостяхъ нѣтъ добросовѣстныхъ, осмысленныхъ писарей. Канцеляріи правительственныхъ учрежденій, земскихъ и городскихъ управъ переполнены безграмотными недоучками. Словомъ, на каждомъ шагу въ практической жизни найдется дѣло для молодыхъ силъ съ образованіемъ. Практическое-же дѣло сдержитъ и облагородитъ политическія фантазіи и иллюзіи, неизбѣжныя въ каждой молодой, неустановившейся натурѣ, дастъ имъ разумное, положительное направленіе и изъ человѣка, готоваго, при другихъ условіяхъ, превратиться въ политическаго преступника, непремѣнно выйдетъ производительная общественная сила.

Но мало предупредить только дальнѣйшее развитіе нигги-

лизма,—необходимо раскопать, окончательно разрушить напластанную уже формацію нигилизма. Всѣмъ административнымъ политическимъ ссыльнымъ долженъ быть предоставленъ выборъ занятій или на мѣстѣ ссылки, или на родинѣ, или въ столичныхъ и другихъ крупныхъ центрахъ. Пугало нигилистической пропаганды окажется призракомъ, ничтожествомъ, просто нулемъ, въ смыслѣ общественнаго вліянія, разъ только въ русскую жизнь будетъ впущена струя чистаго воздуха и и свѣта путемъ незавпсимой печати. Тѣ ссыльные, матеріальное положеніе которыхъ не можетъ быть устроено съ помощью родныхъ, обязательно должны быть обезпечены трудомъ. Возвращая ссыльныхъ въ среду общества, необходимо сравнять ихъ правами съ остальными членами общества, забыть о прошломъ и предоставить имъ полную возможность сдѣлаться полезною, производительною силою общества. Если и необходимъ надзоръ за бывшими въ ссылкѣ, то онъ долженъ быть надзоромъ негласнымъ, не стѣснительнымъ для поднадзорнаго, даже совершенно неизвѣстнымъ ему. Образцы такого надзора представляютъ другія страны.

ГЛАВА ПЯТАЯ.

Необходимо эмансипировать трудъ, т. е. освободить предпріимчивость, иниціативу, заработокъ, насущное пропитаніе отъ всевозможныхъ стѣснительныхъ формальностей и запретовъ.—Отмѣна паспортной системы и безусловная свобода образованія артелей и другихъ рабочихъ ассоціацій являются первыми задачами въ этомъ направленіи.—Для облегченія развитія народной производительности и промышленности разрѣшеніе предпріятій должно производиться на мѣстѣ, въ первой инстанціи, съ правомъ обжалованія дѣйствій мѣстныхъ властей на общемъ основаніи, въ мѣстныхъ судахъ, а не черезъ сенатъ.—Населеніе, ни въ какомъ случаѣ, не должно отрываться отъ работъ для явки по начальству; напротивъ, начальство должно само являться въ извѣстные сроки на мѣсто, въ деревню, для выполненія всѣхъ, вообще, служебныхъ требъ.

Самостоятельное развитіе общественныхъ силъ предполагаетъ собою, прежде всего, свободное примѣненіе труда и предпріимчивости.

Жизнь настойчиво ждетъ реформы, столько-же великой по своему государственному значенію, какъ и эмансипація крестьянъ,—это эмансипація труда.

«Трудъ и предпріимчивость свободны»,—вотъ тотъ девизъ, котораго недостаетъ нашей жизни и отсутствіе котораго такъ страшно удручаетъ всѣ классы: и имущіе, и неимущіе, и привилегированныя сословія, и рабочее населеніе. Освобождая души, мы упустили изъ виду освобожденіе народнаго труда и предпріимчивости, и духовная жизнь всего государственнаго населенія продолжаетъ оставаться придавленною гнетомъ канцеляризма.

Воздухъ, вода и свобода передвиженія въ предѣлахъ государства,—вотъ три элементарнѣйшія

условія существованія человѣка, какъ члена общества и работника. Въ силу нашихъ территоріальныхъ условій, разбросанности населенія и примитивнаго состоянія путей сообщенія, мелкая предпринимательская дѣятельность оказывается дѣломъ невозможнымъ для единичныхъ усилій отдѣльныхъ личностей. Въ этомъ, именно, и заключается основная причина существованія у насъ земельной общины и возникновенія всѣхъ, безъ исключенія, народныхъ промысловъ не иначе, какъ на артельномъ началѣ. Какъ извѣстно, даже отхожіе промыслы, прототипомъ которыхъ является бурлачество, всегда держались исключительно на артельномъ началѣ.

Такимъ образомъ, первое, что необходимо для освобожденія народнаго труда, — это отмѣна паспортной системы и безусловная свобода образованія артелей и другихъ рабочихъ ассоціацій, соотвѣтствующихъ мѣстнымъ условіямъ и потребностямъ промышленно-предпринимательской дѣятельности. Это одинаково необходимо, какъ въ видахъ развитія собственно народной предпріимчивости и промышленности, такъ и въ интересахъ крупной предпринимательской дѣятельности. Артельное начало, вытекающее изъ принципа взаимной помощи, есть основа благосостоянія рабочаго, а благосостояніе рабочаго есть основа процвѣтанія каждаго предпріятія. Не говоримъ уже о техническихъ удобствахъ этого способа примѣненія труда, которыя, безъ сомнѣнія, всѣми испытаны.

Скажемъ только, что для рабочаго человѣка артель—родная мать. Съ помощью артели ему легче найти работу, легче

кредитоваться и сбывать продукты труда, легче развивать и улучшать данную отрасль промышленности и т. д. Для крупнаго же предпринимателя она—орудіе для удешевленія производства на началахъ разумной и необидной для рабочаго экономіи.

Но это—лишь первая ступень къ эмансипаціи народнаго труда и предпріимчивости. Главное, что парализуетъ и губитъ народный трудъ и всю, вообще, предпринимательскую дѣятельность — это мертвый чиновничій формализмъ, безконечно-длинная канцелярская «волокита» и взяточничество, называемое въ просторѣчіи «смазкою», безъ которой, дѣйствительно, не двигается никакое дѣло, никакое предпріятіе. Вотъ отъ этихъ, именно, золъ и необходимо эмансипировать народный трудъ. Правительство сознаетъ существованіе этой общегосударственной язвы и само открыто и неоднократно заявляло о существованіи «хищеній, злоупотребленій и неправды». Но борьба правительственной власти со взяточничествомъ ограничивалась улавливаніемъ только корифеевъ бюрократическаго хищничества, въ родѣ Макшеевыхъ и Бушей. Мелкая-же мошкара хищенія и взятки безпрепятственно и безостановочно продолжаетъ свою разрушительную работу надъ трудовою жизнью народа. Но можно-ли уловить, наперечетъ знать эту мошкару и хотя приблизительно учесть ея разрушительную работу?—Очень легко, отвѣтимъ мы. Заведите, напримѣръ, «жалобныя книги» для публики во всѣхъ безъ исключенія правительственныхъ учрежденіяхъ, отъ низшихъ до самыхъ высшихъ, и вы сразу освѣтите всѣ пружины зло-

употребленій въ бюрократическомъ механизмѣ, все то неисчислимое зло, которое онъ сѣетъ направо и налѣво во всѣхъ слояхъ народа.

Но слѣдуетъ ставить вопросъ гораздо шире. Какъ эмансипировать трудъ отъ формализма, канцелярской волокиты и взяточничества? Какъ достигнуть спѣшности, отсутствія канцеляризма во всѣхъ отправленіяхъ жизни, начиная съ экономическихъ и кончая даже увеселеніями? Какъ сдѣлать, чтобы чиновники были *слугами* общества, а не его *опекунами*?

Основной принципъ для рѣшенія этихъ вопросовъ можетъ быть только одинъ: нынѣшнее административное вмѣшательство во всѣ, безъ исключенія, проявленія жизни должно быть замѣнено простымъ надзоромъ, заявляющимъ о своемъ существованіи лишь въ тѣхъ случаяхъ, когда на лицо имѣется положительный фактъ нарушенія закона. «*На то есть начальство, которое и заботится о насъ*»,—говоритъ народная поговорка, сатирическаго характера, и смыслъ этой поговорки очень ѣдокъ. Именно, вмѣшательство администраціи во всѣ проявленія жизни, обусловливающее собою безконечную «волокиту» и неизмѣнную спутницу ея — взятку, заставляетъ всѣхъ и каждаго и, въ особенности, классъ рабочій тщательно сторониться отъ всего формальнаго, оффиціальнаго, относиться съ недовѣріемъ ко всему тому, что зарождается въ тайникахъ канцелярій или при ихъ посредствѣ является на свѣтъ божій. Такъ, напримѣръ, достаточно было одного предложенія, черезъ посредство полиціи, кустарямъ о принятіи участія въ нынѣшней московской выставкѣ, чтобы

они категорически отказались отъ какого-бы то ни было участія въ ней. Изъ сотенъ тысячъ русскихъ кустарей оказалось возможнымъ привлечь къ участію въ выставкѣ едва лишь нѣсколько десятковъ.

«Кто его знаетъ, чѣмъ это кончится!—говорили между собою кустари:—еще, пожалуй, и въ кутузку попадешь. Награда? Да, вѣдь, ради нея столько разъ по всякимъ управленіямъ таскать будутъ, что трешницу дашь: отстань ради Бога»! И это совершенно понятно: для крестьянина-кустаря весь міръ начинается въ селѣ, а кончается въ кутузкѣ. Это міровоззрѣніе въ немъ создано все тѣмъ-же канцеляризмомъ.

То-же самое мы видимъ и въ другихъ слояхъ народа. Какое-бы скромное, невинное и полезное дѣло ни затѣвалось, прежде всего приходится задаваться вопросами: можно-ли? разрѣшатъ-ли? сколько времени нужно потратить, чтобы добиться разрѣшенія? Главное-же—во что обойдется разрѣшеніе? Приведемъ нѣсколько примѣровъ: На исполненіе простой формальности по переносу вывѣски съ одной улицы на другую часто требуется отъ одного до двухъ мѣсяцевъ. На путешествіе простой отвѣтной бумаги изъ канцеляріи градоначальства (нынѣ полиціи) требуется отъ двухъ недѣль до одного мѣсяца. Постановка паровой машины обставлена такой сложной канцелярской процедурой, на одно описаніе которой пришлось-бы занять больше мѣста, чѣмъ мы можемъ отвести всему разсматриваемому нами въ этой бесѣдѣ вопросу. Словомъ, канцеляризмъ доведенъ до парадоксальныхъ размѣровъ. А это-то, главнымъ образомъ, и не

даетъ хода народной предпріимчивости, убиваетъ энергію труда, обезличиваетъ и принижаетъ трудовую дѣятельность, ставитъ ее въ положеніе зависимое, подневольное, даже рабское. Чтобы положить предѣлъ этому злу, нужно коренным образомъ измѣнить отношенія предержащихъ властей къ предпринимательской дѣятельности и трудовому населенію.

Необходимо строгое разграниченіе предпріятій, разрѣшающихся по однимъ заявленіямъ, на основаніи общихъ законовъ, отъ тѣхъ, которыя требуютъ прямаго разрѣшенія.

Разрѣшеніе предпріятій должно производиться на мѣстѣ, въ первой инстанціи, причемъ заинтересованнымъ въ дѣлѣ лицамъ должно быть предоставлено право обжалованія дѣйствій мѣстной администраціи на общемъ основаніи, въ мѣстныхъ судебныхъ учрежденіяхъ, а не черезъ сенатъ. Далѣе, необходимо установить сроки, и, притомъ, самые короткіе, для исполненія ходатайствъ и жалобъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, должно быть строжайше воспрещено отрываніе населенія отъ работъ для явки по начальству. Наоборотъ: начальство должно само являться въ опредѣленные сроки на мѣсто, въ деревню, для пріема прошеній, жалобъ, выдачи документовъ, объявленія судебныхъ рѣшеній и т. д.,—словомъ, для отбыванія всѣхъ, вообще, служебныхъ требъ. Въ тѣхъ случаяхъ, когда приходится вызывать много лицъ изъ данной мѣстности, судъ обязательно долженъ выѣзжать въ деревню или ближайшій уѣздъ и здѣсь производить разборъ дѣла и т. д.

Спеціально по адресу тѣхъ, которые не перестаютъ кри-

чать о необходимости «сильной администраціи», замѣтимъ, что поставить весь оффиціально-служебный классъ такъ, чтобы онъ существовалъ для общества, а не общество для него,—это означаетъ иначе—поднять его достоинство и авторитетъ въ глазахъ общества и всего населенія. Другихъ средствъ для созданія «сильной администраціи» человѣчество еще до сихъ поръ не придумало.

Вотъ, въ самыхъ основныхъ чертахъ, схема вопроса объ эмансипаціи труда и предпріимчивости. Не уважается трудъ—значитъ, не уважается и личность человѣка; не свободенъ трудъ—значитъ, не свободна и личность человѣка. Какъ-бы ни переустраивалось мѣстное управленіе, но если во главѣ дѣла не будетъ поставлено основное начало, что каждый, служащій по выбору или назначенію отъ правительства, долженъ быть не «начальствомъ» въ общепринятомъ теперь смыслѣ, а точнымъ, общедоступнымъ и исполнительнымъ слугою мѣстнаго населенія, что дѣятельность всего служебнаго персонала должна подлежать самому быстрому и общедоступному обжалованію со стороны каждаго и всѣхъ,—переустройство будетъ имѣть лишь внѣшнюю форму и не коснется сущности отправленій и и проявленій народной жизни, не убьетъ бюрократическаго начала, пропитавшаго собою всѣ фибры нашего общественнаго склада и обезсилившаго насъ до изнеможенія.

ГЛАВА ШЕСТАЯ.

Россія не представляетъ въ настоящее время единаго, органически-цѣльнаго, политическаго тѣла. — При условіи объединенія разрозненныхъ частей Россіи, устройства удобныхъ путей сообщенія и быстрыхъ сношеній, само собою установится естественное распредѣленіе населенія по русской территоріи и начнется эксплоатація естественныхъ богатствъ въ должныхъ размѣрахъ.— Вмѣстѣ съ тѣмъ, Россія не только получитъ преимущественное вліяніе на азіятскія дѣла, но и займетъ самое видное мѣсто на всесвѣтномъ торговомъ рынкѣ.

Вопросъ объ эмансипаціи народнаго труда и предпріимчивости, въ связи съ намѣченными общими задачами нашей будущей внутренней политики, не только обнимаетъ всѣ проявленія частной, общественной и государственной дѣятельности, но и заставляетъ оглянуться на географическія условія страны, вообще, и взаимныя отношенія различныхъ частей, входящихъ въ составъ нашей Имперіи, въ частности. Россія раздѣляется на европейскую и азіатскую, европейскую-же Россію принято подраздѣлять на земскую (т.-е. реформированную) и до-реформенную. Такого рода дѣленія государства свидѣтельствуютъ, прежде всего, о томъ, что оно не представляетъ одного органически цѣльнаго, стройнаго государственнаго организма, что различіе между отдѣльными ея частями весьма велико и существенно. Каковы-же взаимныя соотношенія этихъ частей?

Представьте себѣ чрезвычайно помѣстительный домъ, обладающій всѣми естественными удобствами для привольной, здоровой жизни. Въ этомъ домѣ, по какой-то случайности, за-

селяется только лицевая его сторона и на ней, разумѣется, сосредоточивается все вниманіе обитателей его. Населеніе прибываетъ, скучивается въ одномъ мѣстѣ, но никто не вспоминаетъ о другихъ комнатахъ. Между тѣмъ, значительная часть дома пустуетъ, глохнетъ, пропитывается сыростью, засоряется и, въ концѣ концовъ, заражаетъ также здоровую часть дома, причиняетъ обитателямъ массу неудобствъ, порождаетъ среди нихъ злокачественныя болѣзни и постепенно разрушается. Съ фасада—домъ, какъ домъ, а внутри—полнѣйшій безпорядокъ, скученность населенія въ одной и совершенное безлюдье въ другой части...

Нѣчто подобное случилось и съ Россіею. Велика заслуга Петра I-го, «прорубившаго окно въ Европу». Велика заслуга его преемниковъ и послѣдователей, старавшихся держать это «окно» открытымъ, чтобы какъ можно болѣе впустить черезъ него въ Россію животворнаго воздуха и свѣта европейской культуры и цивилизаціи. Но, вмѣстѣ съ тѣмъ, велика и ошибка — забывать о тысячахъ другихъ «оконъ», не менѣе полезныхъ и настоятельно необходимыхъ для тѣхъ-же государственныхъ цѣлей; стремиться только къ этому петровскому «окну» и безтолково тѣсниться около него, тогда какъ, при нынѣшнемъ уровнѣ русской культуры, мы имѣемъ возможность правильно разселиться на обширнѣйшей и благодатнѣйшей русской территоріи; всѣ помыслы, всю нравственную энергію направлять въ сторону, именно, этого «окна», забывая д е в я н о с т о д е в я т ь с о т ы х ъ необъятной русской территоріи; насильственно и искусственно стягивать исключительно сюда

всѣ продукты народнаго труда и сбывать ихъ здѣсь по сравнительно удешевленнымъ цѣнамъ, не помышляя даже о другихъ, болѣе удобныхъ и выгодныхъ путяхъ сбыта.

Что, напримѣръ, понимается, обыкновенно, подъ «отпускною русскою торговлею»? Почти исключительно торговля съ западомъ Европы. Между тѣмъ, естественное положеніе Россіи вполнѣ благопріятствуетъ буквально всесвѣтной русской торговлѣ, т. е. не только со всѣми безъ исключенія европейскими и азіатскими государствами, но и съ Африкой, Австраліей и Америкой. Размѣры и разнообразіе естественныхъ богатствъ Сибири, Кавказа и Туркестанскаго края даютъ Россіи полную возможность завести самыя обширныя торговыя сношенія и явиться самымъ сильнымъ конкуррентомъ въ торговомъ и, вмѣстѣ съ тѣмъ, культурномъ отношеніяхъ не только въ Китаѣ, Индіи, Персіи, Аравіи и сѣверныхъ африканскихъ владѣніяхъ, но и Австраліи и Америкѣ. Англія, не соприкасающаяся ни съ одною изъ частей свѣта, страна, незначительная по пространству и населенію, умудрилась завести всесвѣтныя торговыя сношенія, да притомъ еще исключительно продуктами, вырабатываемыми ею изъ чужаго сырья. Подумайте теперь, какой сбытъ на всесвѣтномъ рынкѣ открывался-бы для русскихъ естественныхъ богатствъ, если-бы къ нимъ приложить умѣнье и энергію англичанина?

Возьмемъ еще примѣръ. Какъ распредѣлены наши желѣзные и водные пути сообщенія, эти, естественныя артеріи и нервы производительности и промышленности страны?

Нечего и упоминать о томъ, какое громадное значеніе же-

лѣзныя дороги имѣютъ для экономическаго преуспѣянія страны. Отсутствіе удобныхъ путей сообщенія ведетъ къ застою въ экономической жизни государства. Оно вызываетъ крайне неравномѣрное распредѣленіе богатствъ, изобиліе ихъ въ одномъ мѣстѣ и недостатокъ въ другомъ. Извѣстно, что въ очень недавнее время, по причинѣ недостатка въ путяхъ сообщенія, въ одной мѣстности амбары были завалены хлѣбомъ, а рядомъ, въ сосѣдней, народъ отъ дороговизны этого необходимѣйшаго продукта умиралъ съ голоду. Времена эти миновали, но далеко-ли мы подвинулись впередъ по части усовершенствованія нашихъ путей сообщенія,—вотъ вопросъ, неутѣшительный отвѣтъ на который мы находимъ въ очень назидательной книгѣ гг. Рыбакова и Бѣлова «Наши пути сообщенія», недавно вышедшей въ свѣтъ.

Долгое время единственными путями сообщенія служили у насъ рѣки да грунтовыя дороги. Вплоть до самой крымской войны у насъ существовала одна желѣзная дорога—николаевская. Неудобства, испытанныя нами во время этой войны, вслѣдствіе недостатка перевозочныхъ средствъ для подкрѣпленія войскъ, дѣйствовавшихъ въ Крыму, и снабженія ихъ провіантомъ и боевыми припасами, заставили насъ обратить, по окончаніи войны, вниманіе на важность значенія желѣзныхъ дорогъ для стратегическихъ цѣлей. И вотъ, съ заключеніемъ мира, мы взялись съ лихорадочною поспѣшностію за сооруженіе стратегическихъ рельсовыхъ путей. Въ очень непродолжительномъ времени Европейская Россія покрылась сѣтью желѣзныхъ дорогъ, направляющихся къ сѣверо и юго-западнымъ

нашимъ границамъ. «Охватившее насъ увлеченіе стратегическимъ значеніемъ желѣзныхъ дорогъ,—справедливо замѣчаютъ авторы разсматриваемой книги:—повидимому, заставило забыть ту простую истину, что сами по себѣ стратегическіе пути, какъ-бы они ни были многочисленны и удобны, не могутъ создать твердаго оплота государству на случай борьбы его съ непріятелемъ; что только постепенное и равномѣрное развитіе экономическихъ силъ страны ведетъ ее къ прочному благосостоянію и дѣйствительному могуществу. Сооруженныя съ стратегическими цѣлями, наши желѣзныя дороги не могутъ имѣть для насъ должнаго экономическаго значенія. Дѣло въ томъ, что всѣ главныя линіи русской желѣзнодорожной сѣти, направляясь къ границамъ съ Европою, открыли совершенно свободный доступъ на наши внутренніе рынки иностраннымъ товарамъ *). Это указываетъ на то, что сооруженіемъ нашей желѣзнодорожной сѣти руководило, во-первыхъ, господство узкаго взгляда на стратегическое значеніе дорогъ; во-вторыхъ, полнѣйшее отсутствіе знакомства съ условіями и пот-

*) Какое значеніе имѣло для нашей экономической жизни направленіе дороги по западнымъ границамъ, лучше всего показываютъ слѣдующія данныя о вывозѣ русскихъ и привозѣ иностранныхъ товаровъ по западной сухопутной границѣ, въ періоды до сооруженія этихъ дорогъ и послѣ него. Изъ данныхъ этихъ видно, что въ періодъ 1830—56 гг., когда сѣть желѣзныхъ дорогъ у насъ равнялась всего 978 верстамъ, вывозъ превышалъ привозъ на 15.902,131 рубль, въ періодъ-же 1867—76 гг., когда желѣзнодорожная сѣть разрослась до 18,239 в., привозъ превысилъ вывозъ на 47.829,669 руб.

ребностями страны; въ третьихъ, вѣра въ безусловную пользу рельсовыхъ путей, во что-бы они ни обходились и гдѣ-бы ни проводились, какъ совершенно вѣрно замѣтилъ г. Головачовъ въ своей «Исторіи сооруженія желѣзныхъ дорогъ въ Россіи».

Группу желѣзныхъ дорогъ, сооруженныхъ съ стратегическими цѣлями, образуютъ дороги: петербургско-варшавская, московско-брестская, лозово-севастопольская и поти-тифлисская.

Петербурго-варшавская дорога, начатая постройкою въ 1853 г., была открыта на всемъ протяженіи (1,207 верстъ) въ 1862 году. Постройка ея обошлась по 104,000 рублей за версту. Прорѣзывая безплодныя и малонаселенныя мѣстности, не располагавшія никакими товарами для сбыта на иностранныхъ рынкахъ, дорога эта служила, главнымъ образомъ, интересамъ прусской торговли. Даже и въ настоящее время большая часть ея доходовъ получается съ иностранныхъ товаровъ.

Такое-же значеніе въ экономическомъ отношеніи имѣетъ и другая стратегическая дорога — московско-брестская, пролегающая по еще болѣе пустыннымъ мѣстностямъ. Протяженіе ея равняется 1,028 верстамъ. Первоначально предполагалось, земствами смоленскимъ и московскимъ, связать желѣзною дорогою Москву и Брестъ-Литовскъ, но желѣзнодорожный комитетъ нашелъ, что московско-смоленская дорога имѣетъ, преимущественно, значеніе стратегическое и политическое, торговое-же она можетъ получить лишь по продолженіи ея до Брестъ-Литовска. Бывшій намѣстникъ Царства Польскаго, графъ Бергъ, съ своей стороны, полагалъ, что московско-брест-

ская дорога, которая должна имѣть, главнымъ образомъ, стратегическое значеніе, вмѣстѣ съ тѣмъ, могла бы способствовать подъему выдѣлки мѣстныхъ лѣсныхъ продуктовъ (терпентина и поташа) и развитію стекляннаго производства, а также добыванію рудъ изъ болотъ, которыхъ въ западномъ краѣ не мало, но, что всего существѣннѣе, могла-бы служить для доставки въ среднюю Европу нашихъ отечественныхъ и среднеазіатскихъ товаровъ и привоза колоніальныхъ и мануфактурныхъ издѣлій, предназначаемыхъ для Средней Россіи. Таковы были соображенія, руководившія проведеніемъ московско-брестской линіи. Не входя въ разсмотрѣніе стратегическихъ соображеній, нельзя не замѣтить, что соображенія экономическія были до крайности наивны. Всѣ эти указанія на терпентинное, поташное и стеклянное производства и добычу рудъ изъ болотъ, въ особенности же, на снабженіе Европы среднеазіатскими продуктами были вызваны, очевидно, совершеннымъ непониманіемъ нашихъ экономическихъ интересовъ. Въ одномъ экономическія соображенія гр. Берга оказались вѣрными: проложеніе московско-брестской дороги, дѣйствительно, облегчило доставку на наши внутреннія рынки иностранныхъ продуктовъ. Но она легла тяжкимъ бременемъ на казну. Итогъ долговъ этой дороги правительству къ 1-му января 1879 года образовалъ почтенную цифру въ 38.211,065 руб. кред.

Третья линія, лозово-севастопольская, была признана самою нужною не только въ стратегическомъ, но и въ экономическомъ отношеніи. Предполагалось, что съ устройствомъ этой дороги будетъ обезпечено движеніе хлѣбныхъ грузовъ южныхъ

губерній къ севастопольскому порту, а также доставка изъ Крыма соли, виноградаго вина и фруктовъ, независимо отъ провоза иностранныхъ товаровъ, и что весь этотъ грузъ обезпечитъ положеніе и самой дороги. На дѣлѣ, однако, оказалось совсѣмъ не то. Почти на всемъ своемъ протяженіи (542 в.). лозово-севастопольская дорога проходитъ по пустынной мѣстности. Доставка-же, при посредствѣ ея, хлѣбныхъ грузовъ изъ населенныхъ мѣстностей (напр., харьковской и полтавской губерній) обходится непомѣрно дорого. Такимъ образомъ, упованія на хлѣбные грузы должны были рушиться. Не оправдались и надежды на важную роль въ судьбахъ дороги крымской соли, вина и фруктовъ: это такіе грузы, для перевозки которыхъ довольно двухъ-трехъ поѣздовъ. Что касается до иностранныхъ товаровъ, то и на нихъ разсчеты оказались фиктивными. Иностранныя суда предпочитаютъ направляться къ портамъ, врѣзывающимся въ глубь материка, чтобы избѣжать тратъ на провозъ товаровъ по лозово-севастопольской дорогѣ. Весьма естественно, что, при такихъ условіяхъ, дорога эта несетъ только убытки, ложащіеся, опять-таки, на казну. Къ 1-му января 1879 г. итогъ долговъ этой дороги составлялъ 13.132,056 руб. кред.

Но всего неудачнѣе было проведеніе линіи поти-тифлисской. Проходя по мѣстамъ, лишеннымъ всякой промышленной жизни, среди полудикаго населенія, дорога эта ничѣмъ не можетъ обезпечить своихъ доходовъ. Притомъ, построена она была съ пренебреженіемъ самыхъ необходимыхъ требованій инженернаго искусства: на ней допущены самые большіе уклоны и

весьма крутые повороты, такъ что даже сильнѣйшіе паровозы (Ферли) могутъ поднимать лишь ничтожное количество грузовъ. Долгъ этой дороги правительству къ 1-му января 1879 г. равнялся 10.131,625 руб. кред.

Перечисленныя нами линіи проводились, главнымъ образомъ, со стратегическими цѣлями. Хотя сооруженіе другихъ дорогъ и не обусловливалось непосредственно тѣми же соображеніями, но и онѣ мало удовлетворили экономическимъ потребностямъ страны.

При сооруженіи южныхъ дорогъ имѣлось въ виду притяженіе хлѣбныхъ грузовъ изъ плодородныхъ губерній черноземной полосы къ азовскимъ и черноморскимъ портамъ. Но при этомъ опущено было изъ виду, что естественное тяготѣніе этихъ грузовъ—вовсе не къ черноморскимъ, а къ балтійскимъ портамъ. Во-первыхъ, фрахты изъ балтійскихъ портовъ ниже фрахтовъ изъ портовъ черноморскихъ,—что зависитъ отъ разницы въ цѣнахъ на пшеницу въ этихъ портахъ и протяженіяхъ пути отъ нихъ до главнаго покупщика нашего хлѣба—Англіи. Во-вторыхъ, значительная часть хлѣба, какъ прежде доставлялась, такъ и теперь доставляется въ южные порты или водными путями, или гужомъ. Поэтому-то, грузовое движеніе по желѣзнымъ дорогамъ къ южнымъ портамъ весьма слабо, вслѣдствіе чего и большинство этихъ дорогъ не только не приноситъ дохода, но требуетъ также постояннаго пособія отъ правительства.

Къ балтійскимъ портамъ идутъ отрасли петербурго-варшавской линіи, а именно: либавская, рижская и балтійская.

Первыя двѣ вѣтви, проходя по малопроизводительнымъ мѣстностямъ сѣверо-западной Россіи, не могли быть питательными для петербургско-варшавской, и потому ихъ пришлось продолжить на значительномъ, но также малопроизводительномъ пространствѣ, до черноземной полосы. Такимъ образомъ, риго-динабургская вѣтвь, пересѣкая у Смоленска московско-брестскую, проходитъ до соединенія съ курско-орловской и, прорѣзывая какъ эту, такъ и воронежско-козловскую дорогу, достигаетъ до Волги (у Царицына). Либавская-же продолжается, въ свою очередь, до Роменъ. Благодаря продленію двухъ названныхъ вѣтвей, образовались двѣ новыя магистральныя линіи. Разсѣкая громадныя и на значительномъ разстояніи пустынныя мѣстности, линіи эти сами крайне нуждаются въ питательныхъ и подъѣздныхъ путяхъ. Наконецъ, балтійская дорога, сооруженная ради устраненія неудобствъ товарнаго движенія во время болѣе ранняго, чѣмъ балтійскаго, закрытія петербургскаго порта, равнымъ образомъ, обречена на довольно печальное существованіе. Вслѣдствіе короткихъ дней и холодныхъ темныхъ ночей, вознагражденіе шкиперамъ и судорабочимъ возвышается въ это осеннее время такъ значительно, что переплата за фрахтъ парализуетъ всѣ выгоды по доставкѣ грузовъ къ балтійскому порту.

Такимъ образомъ, дороги, сооруженныя, повидимому, съ экономическими цѣлями, вовсе не могутъ удовлетворять дѣйствительнымъ экономическимъ нуждамъ. Независимо отъ совершеннаго непониманія общихъ экономическихъ интересовъ, сооруженіемъ дорогъ руководило также совершенное незнаніе осо-

бенностей характера нашей торговли. Торговля эта старается держаться естественнаго порядка, всегда предпочитая дешевизну доставки быстротѣ, и пользуется желѣзными дорогами лишь тогда, когда въ томъ представляется прямой разсчетъ или срочность является непремѣннымъ условіемъ доставки. Поэтому естественные пути, представляемые рѣчными системами, должны имѣть особенное значеніе, именно, у насъ. Въ отношеніи этихъ естественныхъ путей, Россія поставлена въ весьма выгодныя условія, главнѣйшія изъ которыхъ слѣдующія:

1) Громадность протяженія сѣти водныхъ путей. Во всеподданнѣйшемъ отчетѣ министерства государственныхъ имуществъ за 25 лѣтъ (1855 — 1880 г.) длина нашихъ водныхъ путей опредѣлена въ 52,000 верстъ. Но, въ дѣйствительности, длина нашихъ водныхъ путей должна быть еще болѣе значительна, такъ какъ министерство путей сообщенія считаетъ въ сѣти водныхъ путей лишь тѣ изъ нихъ, которые значатся въ его спискахъ и по которымъ производится подлежащее сборамъ движеніе грузовъ въ судахъ и сплавомъ; прочія-же рѣки, по которымъ судоходство и сплавъ хотя и возможны, но не производятся, въ счетъ министерства не входятъ. И такъ, протяженіе естественныхъ водныхъ путей Россіи громадно, что́ представляетъ огромныя выгоды. Чѣмъ длиннѣе водный путь, тѣмъ, относительно, ниже провозныя цѣны. Въ этомъ отношеніи водные пути представляютъ совершенно иное, чѣмъ желѣзныя дороги, такъ какъ, чѣмъ длиннѣе желѣзнодорожная линія, тѣмъ чувствительнѣе провозная плата.

2) Всѣ рѣки Европейской Россіи, исключая незначительное число ихъ на западной границѣ, принадлежатъ русской территоріи вполнѣ.

3) Онѣ замѣчательны по своей величинѣ и обилію воды.

4) Распредѣленіе ихъ весьма выгодно: большая часть ихъ беретъ начало на одной и той-же возвышенности въ центральной Россіи и, направляясь отъ нея въ видѣ радіусовъ къ окраинамъ, связываетъ среднія губерніи съ морями.

5) Наконецъ, наши рѣки, беря начало съ незначительныхъ возвышенностей и протекая по ровнымъ мѣстностямъ, представляютъ еще ту выгоду, что обладаютъ ровною скоростью теченія. Въ общемъ, судоходство по нашимъ рѣкамъ не представляетъ препятствій, потому-что если таковыя и существуютъ, то они настолько незначительны, что мѣстное населеніе умѣетъ ихъ преодолѣвать.

Невыгоды нашихъ водныхъ путей состоятъ въ томъ, что сѣверные впадаютъ въ Бѣлое море и открыты для судоходства не болѣе 6—7 мѣсяцевъ въ году, западные—въ Балтійское, способное для навигаціи въ теченіи 200—240 дней, южные—въ мелководныя части Чернаго и Азовскаго морей. Но всѣ эти невыгоды искупаются совокупностью благопріятныхъ условій.

Сопоставленіе грузоваго движенія по желѣзнымъ дорогамъ и водянымъ путямъ приводитъ къ тому общему выводу, что, не смотря на конкуренцію громадной сѣти желѣзныхъ дорогъ, пути эти не потеряли своего важнаго значенія, указаннаго имъ естественными условіями страны. Движеніе грузовъ по рѣчнымъ путямъ усиливается, хотя и далеко не въ такой сте-

пени, какъ по желѣзнымъ дорогамъ. Такъ, перевезено было по воднымъ путямъ грузовъ:

въ 1854 г.	335.000,000	пуд.
» 1861 »	369.000,000	»
« 1868 »	353.000,000	»
» 1877 »	420.000,000	»
» 1878 »	478.308,569	»

Быстро выросшая сѣть желѣзныхъ дорогъ въ 23,000 верстъ не могла не обнаружить своего вліянія на судьбы водныхъ путей и не произвести измѣненій въ самомъ ихъ направленіи. Но не нужно опускать, при этомъ, изъ виду, что въ то время, какъ на устройство желѣзныхъ дорогъ затрачивались сотни милліоновъ рублей, образовавшіе въ итогѣ больше 2.000.000,000 руб., водные пути были преданы почти полному забвенію. На нихъ отпускались ничтожныя суммы. Такъ, съ 1869 по 1875 г. расходуемо было на ремонтныя и новыя работы по воднымъ путямъ лишь 1.014,000 р. въ годъ. Въ слѣдующіе три года (1876 — 78 г.) расходъ нѣсколько возросъ, именно, по смѣтамъ 1876 и 1877 годовъ назначаемо было по 1.413,000 р., а въ 1878 г., съ начатіемъ работъ по устройству двухъ параллельныхъ каналовъ, Свирскаго и Сясскаго — 2.915,000 р.

Естественно, что, при ничтожности затратъ на водные пути, послѣдніе болѣе и болѣе приходятъ въ упадокъ. Такъ, хотя необходимость углубленія фарватера р. Оки была сознана еще въ 1855 г., но проекты углубленія, по недостатку средствъ, остаются неисполненными до сихъ поръ. Для улуч-

шенія рѣкъ камскаго бассейна, за исключеніемъ рѣки Чусовой, ничего не дѣлается. На другіе притоки Волги обращалось вниманія еще менѣе. Рѣка Сура, имѣющая 800 верстъ длины, протекающая по мѣстности, гдѣ нѣтъ ни одной желѣзной дороги, и имѣющая важное значеніе въ сплавѣ хлѣбныхъ грузовъ, остается въ полномъ забвеніи. Дно этой рѣки покрыто карчами, отчего несчастія съ судами въ послѣднее время стали такъ часты, что страховыя общества «Якорь» и «Русскій Ллойдъ» даже отказались отъ страхованія слѣдующихъ по этой рѣкѣ грузовъ. Еще хуже состояніе р. Дона. Пассажирскіе пароходы, то и дѣло, встрѣчаютъ здѣсь препятствія для движенія въ перекатахъ. Былъ случай, что одинъ пароходъ переѣхалъ проходившихъ въ бродъ воловъ. Березинская система также приходитъ въ запустѣніе и разрушеніе. «Запущеніе сей системы, по свидѣтельству самаго министерства путей сообщенія, вслѣдствіе уменьшенія для нея отпуска ремонтныхъ суммъ, въ виду постройки желѣзныхъ дорогъ, довело оную до совершеннаго разстройства». Немного было сдѣлано и для улучшенія нашихъ главнѣйшихъ искусственныхъ путей—вышневолоцкой, тихвинской и маріинской системъ. Ремонтныя работы по первой системѣ ограничивались лишь поддержкою уже существующихъ путей. Относительно-же второй, хотя мѣстные земства, землевладѣльцы, заводчики и судохозяева еще въ 1871 г. ходатайствовали о расчисткѣ пороговъ рѣкъ Чагодощи и Сяси, министерство нашло, что для этого «надлежало-бы произвести изслѣдованія, на основаніи которыхъ были-бы проектированы надлежащія работы».

Тѣмъ дѣло и кончилось. На самой важной системѣ, мариинской, дѣло ограничилось поправкою нѣсколькихъ шлюзовъ и расчисткою стрежней Шексны и Свири. Самымъ важнымъ трудомъ по части искуственныхъ сооруженій въ послѣднее время было сооруженіе канала Императора Александра II-го. Другое грандіозное сооруженіе Путиловскаго морскаго канала, не обѣщая большихъ выгодъ нашей отпускной торговлѣ, должно поглотить болѣе $9^1/_2$ милл. р. «Въ виду, съ одной стороны, громадности затратъ на такое сооруженіе, а съ другой — неподготовки нашей промышленности для экспорта,—замѣчаютъ составители цитируемой книги «Наши пути сообщенія»,—было-бы цѣлесообразнѣе поглощенныя этой постройкой средства употребить на улучшенія нашего внутренняго судоходства».

Указавъ несостоятельность всѣхъ мѣръ, которыя принимались и принимаются въ отношеніи нашихъ путей сообщенія, авторы разсматриваемой книги свои задачи этимъ не ограничили. Они посвятили особую главу вопросу: «Какія нужны намъ дороги»? Они совершенно основательно указываютъ, что въ дѣлѣ путей сообщенія, прежде всего, является необходимымъ руководящій взглядъ, одна общая идея, которая обнимала бы всѣ подробности дѣла. «Отсутствіе такого взгляда производитъ хаосъ, безурядицу въ дѣлѣ; обсуждаются и рѣшаются частности, детали, подъ вліяніемъ случайныхъ и противорѣчащихъ одна другой причинъ и, по тому самому, недопускающихъ составленія одного общаго плана». Такой руководящій взглядъ долженъ заключаться ни въ чемъ иномъ, какъ въ заботахъ объ утилизированіи тѣхъ средствъ сообщенія, какими

мы располагаемъ. При такомъ основномъ взглядѣ не можетъ быть рѣчи о какихъ-бы то ни было путяхъ сообщенія въ отдѣльности—будутъ-ли то желѣзныя дороги, или водные пути. Всѣ задачи по устройству путей сообщенія должны сводиться къ мѣрамъ для облегченія торгово-промышленныхъ сношеній страны. Поэтому, для питанія желѣзныхъ дорогъ необходимы шоссейныя и грунтовыя дороги, а для питанія рѣчныхъ системъ — утилизированіе мелкихъ, но, по своему положенію, важныхъ рѣчекъ, которыя доселѣ даже не показываются въ спискахъ министра путей сообщенія.

Отсутствіемъ-же руководящаго взгляда въ построеніи и направленіи путей сообщенія и объясняется тотъ фактъ, что, не смотря на испытываемыя нами нужду и матеріальныя затрудненія, все-таки, продолжаютъ лежать втунѣ тѣ, дѣйствительно, неисчислимыя естественныя богатства Россіи, которымъ изумляется весь образованный міръ. Естественныя богатства не разработываются, не эксплоатируются въ должныхъ размѣрахъ не только въ Сибири, на Кавказѣ и Туркестанскомъ краѣ, но даже и въ такихъ доступныхъ пунктахъ, откуда наиболѣе легокъ былъ-бы сбытъ, какъ окрестности Онежскаго озера, изобилующія желѣзными рудами наивысшаго качества, Донецкій кряжъ, богатый желѣзомъ и каменнымъ углемъ, Уральскій хребетъ, переполненный самыми разнообразными ископаемыми богатствами, и Царства Польское, обладающее весьма разнообразными минеральными сокровищами. Впрочемъ, разработка естественныхъ богатствъ въ Царствѣ Польскомъ производится, все-таки, въ большихъ размѣрахъ, чѣмъ

въ другихъ мѣстностяхъ Россіи. Между тѣмъ, при разумной, энергической эксплоатаціи, однихъ только естественныхъ богатствъ Европейской Россіи было-бы совершенно достаточно для того, чтобы конкуррировать на всесвѣтномъ рынкѣ со всѣми государствами Западной Европы. Если-же прибавить къ этому естественныя богатства Сибири и Кавказа, то наша конкурренція должна имѣть подавляющій характеръ не только въ Европѣ, но и въ Америкѣ. Но о какой конкурренціи можетъ быть рѣчь, если бакинскій керосинъ стоитъ въ Тифлисѣ дороже американскаго, если кавказскій и крымскій виноградъ продается въ Петербургѣ почти по одной цѣнѣ съ лучшими сортами заграничнаго винограда, если заграничное желѣзо, каменный уголь и соль дешевле русскихъ?... Напрасно сталибы мы обольщаться казовою стороною промышленности, фигурирующею на всероссійскихъ выставкахъ. Правда, выставки принято считать мѣрилами успѣховъ страны на поприщѣ мирнаго промышленнаго развитія. Но въ этомъ, очень распространенномъ, взглядѣ заключается не мало фальши. На выставкахъ промышленность является передъ глазами зрителей не въ своемъ обыкновенномъ, будничномъ, а въ парадномъ, праздничномъ видѣ. Экспоненты стараются показать здѣсь свой товаръ лицомъ, чтобы получить повиднѣе награду. Поэтому, выставки не могутъ дать правильнаго понятія даже о производствѣ тѣхъ фабрикъ, которыя участвуютъ въ нихъ. Что-же сказать о массѣ остальныхъ фабрикъ, не принимающихъ въ нихъ участія? Нѣтъ никакого сомнѣнія, что на настоящей московской выставкѣ явятся прекрасные образцы различныхъ

издѣлій, но было-бы грубою ошибкою судить по нимъ объ общемъ положеніи нашей фабрично-заводской промышленности. Послѣдняя, несмотря на всѣ поощренія ея путемъ стѣсненія привоза иностранныхъ фабрикатовъ, далеко еще не достигла даже того уровня развитія, на которомъ промышленность удовлетворяетъ внутреннимъ потребностямъ. Зависимость наша отъ иностранной мануфактурной промышленности не только не ослабѣваетъ, но еще усиливается. Если въ началѣ 50-хъ годовъ фабричныхъ издѣлій ввозилось къ намъ на сумму 13 мил. рублей, то ввозъ ихъ въ настоящее время уже превышаетъ сумму 100 милліоновъ. Наша мануфактурная промышленность, какъ и прежде, продолжаетъ оставаться въ хвостѣ европейской. Причинъ этого явленія не мало. Главная изъ нихъ та, что наша фабричная промышленность возникла гораздо позднѣе европейской и была вызвана къ жизни не столько потребностями населенія, сколько стремленіемъ правительства насадить у насъ западно-европейскія формы производства. Фабрики создавались не въ силу спроса на извѣстныя издѣлія въ средѣ населенія, а въ силу того, что такія-же фабрики находились и въ западной Европѣ. Созданная искусственно, наша фабричная промышленность также искусственно поддерживалась и развивалась, въ послѣдующее время, посредствомъ запретительныхъ и покровительственныхъ тарифовъ. О другихъ средствахъ развитія этой промышленности у насъ и до сихъ поръ существуютъ еще очень смутныя понятія. Въ результатѣ получилось: съ одной стороны — множество фабрикъ и заводовъ съ низменнымъ уровнемъ производства въ техни-

ческомъ отношеніи, съ другой стороны—упадокъ кустарнаго производства и земледѣлія въ промышленныхъ губерніяхъ, а въ довершеніе всѣхъ бѣдъ—обширный классъ фабричныхъ рабочихъ, оторванныхъ отъ земли и необезпеченныхъ достаточнымъ заработкомъ.

Выходитъ, такимъ образомъ, что обширные территоріальные размѣры Россіи служили до сихъ поръ лишь къ ея ослабленію; вмѣсто того, чтобы извлекать выгоду изъ присоединенныхъ къ Россіи мѣстностей (а выгоду можно извлекать большую!), мы продолжаемъ приплачивать на ихъ содержаніе громадныя суммы. У русскаго человѣка средняго уровня развитія самое слово Сибирь вызываетъ представленіе о странѣ каторги и ссылки—и только; на Кавказъ онъ смотритъ, какъ на полудикую страну, совершенно игнорируя его климатическія условія и естественныя богатства; туркестанскій край извѣстенъ для него только какъ страна кочевниковъ и гнѣздо варварской орды. Вы видите, поэтому, что наше сравненіе Россіи съ обширнымъ, помѣстительнымъ домомъ, въ которомъ переполняется жильцами лишь незначительная, лицевая часть дома, а остальная пустуетъ, разрушается и мѣшаетъ жить спокойно и привольно даже и въ лицевой сторонѣ, нисколько не преувеличено.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ.

Въ силу нашихъ внутреннихъ политическихъ условій, стремленіе Россіи на Востокъ („Drang nach Osten“) является продуктомъ необходимости, какъ съ промышленно-экономической, такъ и съ международной точекъ зрѣнія. Необходимо объединить разрозненныя нынѣ части Россіи однообразіемъ системы мѣстнаго управленія во всѣхъ, безъ исключенія, мѣстностяхъ, до самыхъ отдаленныхъ ея окраинъ, и сѣтью телеграфа и желѣзныхъ дорогъ.

До смѣшнаго, до ребячески-наивнаго упорства доходятъ у насъ стремленіе на западъ и забвеніе остальной части русской территоріи. Когда намъ указываютъ на стремленіе Россіи на востокъ (Drang nach Osten), мы не то конфузимся, не то обижаемся, но, во всякомъ случаѣ, отворачиваемся отъ востока, какъ-бы, изъ боязни, чтобы насъ не назвали азіатами. Мы, въ этомъ случаѣ, охраняемъ свой престижъ европейцевъ совершенно аналогично тому, какъ ребенокъ старается казаться взрослымъ. Между тѣмъ, всѣ тѣ, которые попрекаютъ Россію стремленіемъ на востокъ, сами больше и больше углубляются туда. Нѣтъ европейскаго государства, которое не помышляло-бы о востокѣ въ большей или меньшей мѣрѣ, не стремилось-бы туда, въ силу естественнаго своего роста и прибыли населенія. Теперь намъ, пропустившимъ время, приходится уже выдерживать чрезвычайно сложную конкур-

ренцію изъ-за востока и немедленно приниматься за дѣло, именно, въ виду конкурренціи, надвигающейся со всѣхъ сторонъ, чтобы окончательно не утратить на востокѣ того, что нами пріобрѣтено путемъ величайшихъ усилій и громадныхъ матеріальныхъ затратъ.

Безумна проповѣдь обособленія, изолированія Россіи отъ запада. Но безумно также и стягиваніе всей жизни государства исключительно къ западу. Европейская культура необходима для насъ такъ-же, какъ свѣтъ, воздухъ и вода. Но мы набрались уже морально образовательной силы настолько, что давно уже пора подумать не о западѣ только Россіи, но и о востокѣ ея,—пора покончить съ подраздѣленіемъ Россіи не только на земскую и до-реформенную, но даже на Европейскую и Азіятскую:—должна быть одна Россія, какъ органически-цѣльное политическое тѣло. Сибирь, Кавказъ, Туркестанскій край и т. п. должны быть такими-же доступными населенію государства, удобными для сношеній мѣстностями Россіи, какъ и «центральная часть» того, что до сихъ поръ, въ силу предразсудка и безотчетности оплитическаго мышленія, называется «собственно Россіею».

Наконецъ, и сама практическая жизнь выдвинула на первый планъ вопросъ о востокѣ Россіи въ формѣ, такъ-называемаго, переселенческаго вопроса. Самымъ примитивнымъ образомъ разрѣшается этотъ серьезнѣйшій изъ внутреннихъ нашихъ вопросовъ, эта болячка, образовавшаяся отъ чрезмѣрнаго тяготѣнія къ западу и искусственнаго отдаленія отъ восточныхъ нашихъ владѣній. Взяли, сосчитали земли на во-

стокѣ Россіи—и переселенческій вопросъ разрѣшенъ: земли свободныя есть,—значитъ, переселяться можно. Между тѣмъ, здѣсь, откуда переселяются, и тамъ, куда переселяются,—все остается по старому, т. е. остается готовая, вѣками образованная почва для дальнѣйшаго наростанія въ Россіи переселенческаго вопроса; оставляется отрѣзаннымъ, обособленнымъ, заброшеннымъ, забытымъ и тотъ край Россіи, куда направляются переселяющіеся. Такое одностороннее разрѣшеніе переселенческаго вопроса походитъ на стараніе просто «сбыть съ рукъ» лишніе рты, съ которыми становится тѣсно жить. Разрѣшеніе этого вопроса возможно лишь одновременно съ работами по поднятію народной производительности и промышленности, вообще, по объединенію разрозненныхъ частей Россіи и образованію одного цѣльнаго государственнаго организма.

Первое, что необходимо предпринять въ этомъ отношеніи,—это распространить реформы на всѣ части Россіи, уничтожить подраздѣленіе ея на реформированную и дореформенную Россію, установить единство системы мѣстнаго управленія во всѣхъ, безъ исключенія, частяхъ Россіи, до самыхъ отдаленныхъ ея окраинъ.

Въ моментъ присоединенія къ Россіи той или другой части ея, были, безъ сомнѣнія, вполнѣ уважительныя причины для сохраненія въ присоединенныхъ частяхъ извѣстныхъ особенностей мѣстнаго управленія. Но время исключительнаго положенія этихъ территорій уже давно миновало и, въ настоящее время, онѣ только вносятъ въ нашу государственную жизнь весьма тягостный сепаратизмъ, отъ котораго необходимо, во

что-бы то ни стало, избавиться какъ можно скорѣе. По почину правительства разработывается вопросъ о переустройствѣ мѣстнаго управленія, которое должно охватить всю Россію, безъ всякихъ исключеній. Но, объединяя Россію единствомъ системы мѣстнаго управленія, необходимо еще немедленно-же связать разрозненныя нынѣ части Россіи сѣтью телеграфовъ и желѣзныхъ дорогъ. Какъ извѣстно, письменныя сношенія и условія передвиженія въ предѣлахъ Россіи еще сильно напоминаютъ историческія времена, давно забытыя сосѣдними съ нами народами. Достаточно привести два, три примѣра. На письменное сношеніе Петербурга съ Владивостокомъ требуется почти полгода. На переѣздъ отъ западной границы Россіи до крайней восточной и обратно требуется не менѣе года. Даже въ мѣстностяхъ, пользующихся, такъ называемыми у насъ, «образцовыми почтовыми порядками», еще до сихъ поръ деньги пересылаются по почтѣ, періодическія изданія разсылаются подъ бандеролями совершенно примитивнымъ способомъ. Вотъ почему, покрыть всю Россію сѣтью телеграфа, изрѣзать ее желѣзными дорогами изъ края въ край, съ сѣвера на югъ и съ запада на востокъ, представляется дѣломъ первостепенной государственной важности.

«Дорого! Средствъ нѣтъ!»—весьма вѣроятно, шевельнется у читателя отвѣтъ на наше предложеніе. «Дорого»? — А сочтите, сколько непроизводительныхъ затратъ потребовали голодовки и народная нужда, хотя-бы за послѣдніе только 15-ть лѣтъ, и окажется, что прямые убытки отъ отсутствія удоб-

ныхъ путей сообщенія въ нѣсколько разъ превышаютъ стоимость самой обширной сѣти послѣднихъ.

Когда желѣзныя дороги и телеграфная сѣть покроютъ всю Россію, не исключая европейскихъ и азіятскихъ владѣній, когда въ предѣлахъ Россіи не будетъ болѣе затрудненій для обмѣна мыслей и передвиженія,—тогда государство будетъ и географически представлять одно органически цѣльное политическое тѣло, съ правильно и въ системѣ распредѣленными нервами и артеріями. Тогда само собою совершится естественное распредѣленіе населенія по всей русской территоріи, и обострившійся въ настоящее время переселенческій вопросъ, нормальное разрѣшеніе котораго, при существующей разрозненности между отдѣльными частями государства, совершенно невозможно, получитъ вполнѣ правильный исходъ. Единственное, что потребуется со стороны государства, — это не препятствовать естественному, свободному распредѣленію населенія. Матеріальныя-же затраты, которыя совершенно непроизводительно приходится теперь нести государству по части переселенія, уничтожатся сами собою, сдѣлаются совершенно излишними.

Вотъ истинное государственное значеніе и пути къ осуществленію того стремленія на востокъ, которымъ Европа давно попрекаетъ Россію и отъ котораго мы съ какою-то ребяческою наивностью открещиваемся, какъ отъ чего-то, будто-бы, вовсе ненужнаго для насъ или даже позорнаго для нашей государственной чести и національнаго достоинства. Для того, чтобы должнымъ образомъ укрѣпиться

экономически и нравственно внутри государства и пріобрѣсти должный вѣсъ въ дѣлахъ Европы, мы должны помнить, что историческимъ ходомъ вещей, дорогою цѣною крови нашихъ предковъ, Россія пріобрѣла право играть самую видную роль на всесвѣтномъ торговомъ рынкѣ и вліять на дѣла всей Азіи болѣе всѣхъ другихъ европейскихъ державъ, вмѣстѣ взятыхъ. Мы не утилизировали до сихъ поръ этого права, мы слишкомъ опрометчиво прислушивались и присматривались къ тому, какъ думаетъ объ этомъ Европа,—и въ этомъ, именно, заключается капитальнѣйшая наша историческая ошибка.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ.

Для заселенія отдаленныхъ окраинъ и эксплоатаціи естественныхъ богатствъ въ мѣстностяхъ, теперь еще незаселенныхъ, необходимо утилизировать трудъ каторжныхъ и ссыльныхъ, организуя колоніи ссыльныхъ и отдавая каторжныхъ на работы частнымъ предпринимателямъ, съ тѣмъ, чтобы часть заработной платы оставалась въ пользу каторжниковъ для обезпеченія ихъ существованія по отбытіи ими срока наказанія.

Заканчивая рѣчь о территоріальномъ объединеніи разрозненныхъ частей Россіи, мы еще разъ повторяемъ, что «Drang nach Osten» не только дѣйствительно существуетъ для насъ, но и поставлено на очередь самою жизнью. Малѣйшее упущеніе въ этомъ отношеніи будетъ непоправимою политическою ошибкою. Если намъ, до поры до времени, удастся безопасно лавировать между миромъ и войною въ нашихъ отношеніяхъ съ Китаемъ, то мы, во всякомъ случаѣ, при нынѣшнихъ обстоятельствахъ, ничѣмъ не остановимъ распространенія владычества Англіи на азіятскихъ рынкахъ и вліянія ея на всѣ азіятскія дѣла.

Въ непосредственной связи съ изложеннымъ выше находится вопросъ о положеніи Сибири,—этомъ, безспорно, «золотомъ днѣ» Россіи.

27-го октября прошлаго года, какъ полагаютъ нѣкоторые историки, исполнилось ровно 300 лѣтъ съ того времени, какъ русскіе впервые утвердились въ Сибири. Казалось-бы, что трехсотлѣтній періодъ—достаточно продолжительный срокъ для того, чтобы привести страну, обильную естественными богат-

ствами, если не въ цвѣтущее, то въ нѣкоторое благоустроенное состояніе. Между тѣмъ, уже одно связываемое у насъ до сихъ поръ съ Сибирью представленіе, какъ о чемъ-то чрезвычайно дикомъ, служитъ указаніемъ на положеніе этой страны въ настоящее время. Тогда какъ Сѣверная Америка, колонизація которой началась значительно позже присоединенія Сибири, достигла такого положенія, какое только можетъ дать современная цивилизація; въ то время, какъ австралійскія колоніи Англіи, начавшія заселяться еще позже, теперь ничѣмъ не уступаютъ метрополіи,—наша сѣверная Колхида своею изолированностью отъ всего цивилизованнаго міра и своею непроизводительностью напоминаетъ обширную африканскую Сахару, служа живымъ укоромъ нашей косности и даже некультурности. Г. Ровинскій еще въ 1873 г. писалъ о Сибири: «Пустѣютъ наше Охотское побережье и все пространство между нимъ и Якутскомъ; въ остальныхъ-же частяхъ тоже регрессъ или полнѣйшій застой, упадокъ во всѣхъ отношеніяхъ: сельское хозяйство упадаетъ, заводская промышленность существуетъ только въ самыхъ жалкихъ зародышахъ и въ неудачныхъ попыткахъ, отбившихъ охоту у новыхъ предпринимателей; процвѣтаютъ только винокуреніе и золотопромышленность, но и послѣдняя не идетъ правильнымъ образомъ, потому что ведется не на раціональныхъ началахъ и поставлена въ ложное положеніе закономъ и администраціей. Другія минеральныя богатства лежатъ втунѣ; звѣрей, само собою разумѣется, съ каждымъ годомъ становится меньше. Для умственнаго развитія дѣлается слишкомъ мало, если не сказать—ничего».

Такому упадку Сибири способствовалъ укоренившійся на нее взглядъ, какъ на страну, пригодную только для ссылки и изгнанія. Колонизація Сибири ссыльными сдѣлала свое дѣло. Замѣчено, что и заграницею такого рода колонизація ничего, кромѣ вреда, не приносила. Австралійскія колоніи Англіи не могли получить должнаго развитія, именно, до тѣхъ поръ, пока онѣ служили исключительно для ссылки преступниковъ, пока туда не была привлечена свободная, трудолюбивая часть населенія. Но и теперь еще, какъ сообщаетъ графъ де-Бовуаръ, слѣды пребыванія преступниковъ даютъ себя чувствовать тамъ, ссыльный гдѣ элементъ былъ значительнѣе. Такъ, Тасманія, гдѣ число «конвиктовъ» было особенно велико, и въ настоящее время населеніе рѣзко отличается отъ обитателей Викторіи. «Контрастъ между населеніемъ колоній Тасманіи и Викторіи,—замѣчаетъ де-Бовуаръ,—до того рѣзокъ, что, сравнивая ихъ, невозможно даже подумать, чтобы населенія эти были одной крови».

Если къ такимъ результатамъ приводила колонизація ссыльныхъ на западѣ, культура котораго стоитъ неизмѣримо выше нашей, то чего-же можно было ожидать отъ нашей ссыльной колонизаціи! Въ Австраліи, по крайней мѣрѣ, преступники не превращались въ австралійцевъ; у насъ-же въ Сибири замѣчается перерожденіе русскихъ въ инородцевъ. Въ Туруханскомъ краѣ русское населеніе усвоило себѣ типическія черты остяковъ, въ Якутскомъ—якутовъ и т. д. *). Усвоивая

*) См. „Метаморфозы русскаго населенія Сибири“, „Мысль“, 1881, № 8.

характерныя особенности мѣстнаго населенія, ссыльные не могли являться проводниками болѣе высшей культуры, даже если допустить, что они обладаютъ наклонностью къ труду, чего, въ дѣйствительности, между ними не замѣчается. Сибирякъ, по выраженію одного изслѣдователя, представляетъ «помѣсь инородца съ ссыльнымъ».

Благодаря, съ одной стороны, такому происхожденію кореннаго русскаго населенія Сибири, а съ другой—дѣйствіямъ администраціи, съ которыми мы познакомимся ниже, развились тѣ непривлекательныя черты характера «сибиряка», которыя являются, между прочимъ, весьма важнымъ тормазомъ благоустройства этой страны. Тамъ, гдѣ личныя качества человѣка оцѣнивались всегда количествомъ золота въ его карманѣ, населеніе не могло воспитать въ себѣ ничего, кромѣ наклонностей къ хищничеству и раболѣпству. Сибирь всегда была средоточіемъ разнообразныхъ монополистовъ и кулаковъ. Они пользовались и пользуются громаднымъ вліяніемъ, подчиняютъ себѣ цѣлые округа, закабаляя себѣ не только инородцевъ, но и тѣхъ немногихъ крестьянъ, которые успѣли водвориться въ Сибири. Подобные монополисты стараются найти покровительство въ чиновничьей средѣ, соблазнить ее, опутать. Нигдѣ честный чиновникъ, случайно попавшій въ Сибирь, не встрѣчалъ столько препятствій въ своей дѣятельности, какъ здѣсь; ему приходилось бороться съ злоупотребленіями, вошедшими въ плоть и кровь населенія.

Наиболѣе здоровою и полезною частью сибирскаго населенія являются раскольники, преимущественно, семейскіе, но, во-

первыхъ, ихъ слишкомъ немного, чтобы могли обнаруживать плодотворное вліяніе на всю страну, во-вторыхъ, они встрѣчаютъ постоянную оппозицію въ средѣ «сибиряковъ». «Вообще,—говоритъ г. Благовѣщенскій,—семейскіе рѣзко отличаются отъ сибиряковъ относительно высокимъ экономическимъ и соціальнымъ благосостояніемъ, и сибиряки за это ихъ поносятъ, что они такіе—сякіе. Забывая о массѣ зла и коварства, пропитавшихъ сибиряка, вовсе не думая о томъ, чтобы поглядѣть на себя, кто-то изъ сибиряковъ сообщаетъ въ «Православномъ Собесѣдникѣ», что семейскіе—«злы, мстительны, лицемѣрны и жадны къ богатству, которое стараются пріобрѣтать всѣми возможными способами»? Кто-же это осмѣливается произносить такой судъ надъ людьми, необычайно трудолюбивыми? Отъявленные сибирскіе хищники, помѣсь сибирячки съ инородцемъ и каторжнымъ, застрявшіе въ непроходимомъ невѣжествѣ».

Повидимому, въ виду очевиднаго вреда, который принесла краю современная система колонизаціи его, ссылку туда слѣдовало-бы давно прекратить, но мы видимъ, что каждый годъ совершаются новые приливы ссыльнаго элемента. Въ прошломъ году, напр., направилось въ Сибирь 18,000 ссыльныхъ. Если имѣть въ виду, что все сельское населеніе Сибири вмѣстѣ съ ссыльнопоселенцами и инородцами составляетъ 1.388,733 души, то можно будетъ о томъ, судить, какъ значителенъ процентъ ссыльныхъ въ этомъ краѣ. Однихъ бродягъ Сибирь должна пропитывать 40,000 душъ!

Таково населеніе страны. Посмотримъ теперь, какова ея администрація.

Сибирская администрація, заправляющая судьбами края, сдѣлалась «притчею во языцѣхъ». Мошенничество и взяточничество вошли въ плоть и кровь сибирскаго чиновничества. Этому способствовали какъ отдаленность края, его обширность, глушь *), трудность услѣдить за всѣмъ для центральной администраціи и мѣстнаго главнаго начальства и широкая власть мѣстныхъ начальниковъ далекихъ областей (исправниковъ, засѣдателей), такъ и историческія условія.

Не подлежитъ никакому сомнѣнію, что послѣднія сильно способствовали развитію хищническихъ наклонностей и произвола въ средѣ сибирской администраціи. Администрація эта съ самаго начала была поставлена лицомъ къ лицу только съ двумя элементами—инородцами и ссыльными. Нѣтъ необходимости доказывать, что оба эти элемента не могли способствовать укорененію въ сибирской бюрократіи честности и уваженія правъ личности. На инородцевъ сибирская администрація привыкла смотрѣть лишь, какъ на объектъ эксплоатаціи, а на ссыльныхъ, какъ на людей, лишенныхъ покровительства законовъ. Эти укоренившіеся взгляды уцѣлѣли и тогда, когда въ Сибирь потянулись свободные поселенцы, когда рядомъ съ ссыльнымъ элементомъ водворилась въ странѣ свободная часть населенія.

Рядомъ съ энергичнымъ генералъ-губернаторомъ, княземъ

*) Только глушью и отдаленностью края возможно объяснить фактъ, что въ Якутскѣ одинъ губернаторъ, сойдя съ ума, управлялъ ввѣренною ему губерніею нѣсколько мѣсяцевъ въ сумасшедшемъ состояніи.

Горчаковымъ, мы видимъ чиновниковъ, составляющихъ себѣ громадныя состоянія различными спекуляціями. Одинъ чиновникъ, занимавшійся судоходными операціями, сдѣлался милліонеромъ; другой, простой столоначальникъ, сталъ первымъ золотопромышленникомъ въ одной изъ губерній западной Сибири. Совѣтники губернскихъ правленій, изъ которыхъ Сперанскій думалъ создать орудіе контроля губернаторовъ, занялись золотопротышленностью, состоя, въ то-же время, на службѣ. Лица, служившія въ приказахъ о ссыльныхъ, обратили свои должности въ прибыльную статью; полицейскія власти извлекали доходъ изъ тайной продажи и контрабаднаго провоза золота; горные исправники получали сотни тысячъ, покровительствуя злоупотребленіямъ золотопромышленниковъ; даже волостные писаря—и тѣ наживали по нѣсколько тысячъ въ годъ.

Не слѣдуетъ думать, что такія наклонности къ наживѣ составляли качества сибирскаго чиновничества только въ прежнее время. Еще въ 70-хъ годахъ въ Акмолинскѣ представитель полицейской власти закупилъ у киргизовъ весь скотъ и преспокойно торговалъ мясомъ, саломъ и кожею. Акцизные чиновники въ западной Сибири,—сообщалъ одинъ корреспондентъ,—напоминаютъ собою помѣщиковъ прежняго закала. Одинъ изъ нихъ, въ Омскѣ, продалъ на винокуренный заводъ одного хлѣба на 60,000 руб. Понятное дѣло, что такой господинъ, имѣющій самый живой интересъ въ производствѣ винокуренія этимъ заводомъ, долженъ былъ смотрѣть сквозь пальцы на продѣлываемыя на немъ злоупотребленія.

Рядомъ съ вопіющими злоупотребленіями царилъ страшный произволъ надъ личностью, господствовало полное попраніе человѣческаго достоинства. Бывали случаи, что представители власти отбирали женъ у купцовъ, сажали ихъ ни за что, ни про что въ тюрьму. Одинъ чиновникъ за пустяки засѣкалъ чуть не до смерти и не оставилъ по деревнямъ ни одной красивой женщины. Но все это ничто въ сравненіи съ подвигами томской полиціи. Въ концѣ 50-хъ годовъ обнаружился фактъ засѣченія этою полиціею одной беременной женщины! Фактъ этотъ вызвалъ назначеніе слѣдствія, которое открыло, что надъ обывателями употреблялись полиціею пытки— повѣшеніе на крестъ, распяливаніе рта, впусканіе иглъ подъ ногти, вырываніе бородъ и т. п. Въ 1865 г. возникло надъ полиціею Томска новое слѣдствіе по поводу разнаго рода злоупотребленій. Наконецъ, не далѣе, какъ въ половинѣ 70-хъ годовъ въ г. Тюмени полицейскій чиновникъ засѣкъ до смерти одного поселенца.

Что могли принести богатой странѣ такой составъ населенія и такая администрація? Кромѣ вреда — ничего. Послѣ 300-лѣтняго владѣнія страною мы видимъ полный упадокъ промышленности. Процвѣтаетъ въ Сибири одно лишь винокуреніе, какъ показываютъ вышеприведенный отзывъ г. Ровинскаго и другіе факты *).

*) Въ иркутской губерніи, по свѣдѣніямъ, относящимся къ концу 70-хъ годовъ, производительность разныхъ отраслей промышленности опредѣлялась всего суммой въ 3.290,717, въ томъ числѣ винокуренное производство въ 1.108,511 р. и водочное въ 788,994 р.

Но, можетъ быть, подъ нашею властью стало лучше житься инородцамъ? Оказывается, что и того нѣтъ. Если наши соотечественники усвоиваютъ племенныя черты инородцевъ, то, все-таки, было-бы поспѣшно выводить изъ этого заключеніе, что инородцы оказываются устойчивыми въ сохраненіи самихъ себя. Численность бродячихъ, живущихъ охотою и рыбною ловлею, инородческихъ племенъ годъ отъ года становится меньше и меньше. Иначе и быть не могло. Въ старину, по крайней мѣрѣ, племена эти могли добывать себѣ болѣе удобнымъ образомъ средства къ жизни по обилію лѣсовъ—пушниной и рѣкъ—рыбою. Теперь-же, когда лѣса стали подвергаться истребленію, а рыбу въ нѣкоторыхъ рѣкахъ наши промышленники извели, большая часть инородческихъ племенъ Сибири до такой степени обѣднѣла, что уже не въ силахъ исправно платить казенныя подати. Лучшія ихъ угодья,—рыбныя ловли и кедровые лѣса,—перешли въ руки русскихъ крестьянъ, да и сами они попали въ кабалу кулаковъ-торговцевъ, изъ которой едва-ли когда нибудь выйдутъ. Голодная смерть между инородцами—явленіе далеко не рѣдкое.

Въ то-же время мы стремимся обратить ихъ въ христіанство.

«Было время, да оно, кажется, еще не прошло, когда вся подготовка къ принятію христіанства совершалась полиціею; священникъ пріѣзжалъ только совершать обрядъ крещенія. Цѣль религіозная достигалась, конечно, но не вполнѣ: это плодило число такихъ христіанъ, которые не имѣютъ ни малѣйшаго понятія о своей вѣрѣ, не знаютъ ни слова по-русски и тяготятся своимъ положеніемъ. На отношеніяхъ-же граждан-

скихъ это отзывается положительно неблагопріятно». Въ христіанство, по словамъ г. Ровинскаго, обращаются только бѣдные да замотавшіеся. Между тѣмъ, нельзя сказать, чтобы инородцы не представляли вовсе почвы, благопріятной для распространенія христіанства. «Англійскіе миссіонеры въ Селингенскѣ доказали на дѣлѣ, что можно проповѣдывать съ большимъ успѣхомъ и безъ всякаго содѣйствія свѣтской власти. Ихъ миссіонерская дѣятельность прекратилась вслѣдствіе настоянія русскаго духовенства, и послѣ того дѣло христіанства въ Забайкальи надолго было пріостановлено, потому что своихъ силъ было слишкомъ недостаточно». А каковы эти «силы», можно отчасти судить по тому, что въ Тункинскомъ краѣ миссіонерствовалъ бывшій гусаръ-армеецъ, вышедшій «по непріятностямъ» въ отставку и пожелавшій просвѣщать инородцевъ христіанскимъ ученіемъ; преждевременная кончина его въ волнахъ р. Иркута, который онъ хотѣлъ перейти въ пьяномъ видѣ въ бродъ, положила конецъ его миссіонерскимъ подвигамъ.

Вотъ въ какое состояніе привели мы наше «золотое дно». Горько сознаться, что, отпраздновавъ 300-лѣтній юбилей, мы должны будемъ начать дѣло устроенія этой страны съизнова.

Выводы изъ всего сказаннаго сами собою формулируются въ слѣдующихъ положеніяхъ:

Необходимо: 1) организовать населеніе страны на общихъ началахъ проектируемой нами системы государственнаго управленія и практическое согласованіе этихъ началъ съ этнографическими особенностями входящихъ въ составъ населенія элементовъ предоставить самому мѣстному управленію

и 2) изыскать наиболѣе удобные способы къ утилизаціи труда каторжныхъ и ссыльныхъ, въ видахъ обезпеченія матеріальнаго положенія этой отверженной части населенія и увеличенія производительности этой золотоносной страны.

Къ сожалѣнію, относительно послѣдняго пункта у насъ существуетъ недоразумѣніе весьма прискорбнаго свойства. Каторжниковъ, какъ тяжкихъ уголовныхъ преступниковъ, считается обязательнымъ держать въ подземельи, въ казенныхъ рудникахъ. Каторжники, такимъ образомъ, являются страшнымъ бременемъ для государства, поглощаютъ ежегодно и, притомъ, самымъ непроизводительнымъ образомъ огромныя суммы изъ казенныхъ средствъ. Наконецъ, ко времени окончанія срока каторги, они являются совершенно негоднымъ балластомъ для общества, а, въ большинствѣ случаевъ, балластомъ, даже опаснымъ, вреднымъ. То-же приходится сказать и о ссыльныхъ. Непріуроченные ни къ какому положительному труду, нерѣдко лишенные даже возможности снискивать себѣ пропитаніе трудомъ, ссыльные являются въ высшей степени тяжелой обузой для сибирскаго населенія, принижаютъ его въ экономическомъ и моральномъ отношеніяхъ, какъ объ этомъ неоднократно заявлялось сибирскою администраціею.

Разумѣется, и каторга, и ссылка должны остаться наказаніями, и, притомъ, наказаніями тяжелыми. Но, при этомъ, необходимо преслѣдовать двѣ цѣли: во-первыхъ, исправленіе наказуемыхъ; во-вторыхъ, извлеченіе изъ ихъ труда возможно большей пользы для государства, сибирскаго населенія и для нихъ самихъ. И сдѣлать это очень легко. Каторжниковъ, ни

въ какомъ случаѣ, не слѣдуетъ гноить въ казенныхъ рудникахъ,—ихъ трудъ долженъ быть доступенъ всѣмъ частнымъ предпринимателямъ. Таксы для каторжнаго труда должны быть оффиціально установлены и съ такимъ распредѣленіемъ, чтобы часть заработка шла на покрытіе расходовъ по административному управленію и содержанію каторжниковъ, а другая оставалась въ пользу каторжниковъ для образованія фонда, который долженъ обезпечить ихъ существованіе по отбываніи ими срока наказанія и, такимъ образомъ, избавить ихъ отъ печальной необходимости стать рецидивистами. При этомъ условіи, всѣ казенные сибирскіе промыслы можно было бы отдать въ руки частныхъ предпринимателей. Само собою разумѣется, что и Сахалинъ, этотъ «островъ каменнаго угля», легко найдетъ частныхъ предпринимателей, которые, съ пользою для казны и обитающихъ теперь на немъ каторжниковъ, займутся разработкою весьма обильныхъ естественныхъ богатствъ этого острова. Еще легче утилизировать трудъ ссыльныхъ. Ссыльные, ни въ какомъ случаѣ, не должны быть выбрасываемы въ среду мѣстнаго населенія. Они должны выдѣляться въ особыя поселенія—колоніи для ссыльныхъ, гдѣ для каждаго изъ нихъ должны быть обязательны занятія земледѣльческимъ, ремесленнымъ или техническимъ трудомъ, подъ строгимъ, разумѣется, контролемъ правительственной власти. Часть заработковъ ссыльныхъ должна поступать въ пользу казны, другая часть—въ пользу самихъ работающихъ.

Трудъ—самый лучшій, самый надежный факторъ исправленія. Какъ бы ни былъ закоренѣлъ преступникъ, его мо-

жетъ исправить трудъ, обставленный разумными условіями. Психологически доказано, что преступники представляютъ собою выдающіяся по способностямъ натуры. Фактъ-же преступленія не долженъ исключать возможности возврата въ среду общества лица, когда-то провинившагося передъ нимъ. Трудъ, облегчая средства къ исправленію, въ то же время, является единственно надежнымъ критеріемъ для опредѣленія возможности или невозможности возврата даннаго лица въ среду общества.

Америка не чуждается нашихъ сибирскихъ каторжниковъ и Сибирь дала имъ не мало полезныхъ и предпріимчивыхъ гражданъ. Въ минусинскомъ краѣ сами собою возникли колоніи ссыльныхъ. Колоніи эти отличаются замѣчательнымъ трудолюбіемъ и образцовою нравственностью. Первое, что заводятъ у себя колонисты,—это церковь и школу. Случайно попадающіе въ колоніи негодные члены немедленно изгоняются изъ нея самими-же колонистами и порядокъ поддерживается безъ всякаго вмѣшательства администраціи. Примѣры эти какъ нельзя лучше иллюстрируютъ высказанныя нами выше соображенія.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ.

Расширеніе правъ мѣстнаго общественнаго управленія должно быть совершено на счетъ тѣхъ функцій, которыя въ настоящее время лежатъ на обязанности центральныхъ канцелярій и департаментовъ,—т. е. путемъ децентрализаціи.

До сихъ поръ въ теоретической разработкѣ изложенной нами схемы очередныхъ государственныхъ вопросовъ мы имѣли въ виду только принципъ власти, но не объектъ ея. Въ вопросѣ о власти существеннѣйшею стороною дѣла представляется децентрализація или, точнѣе, права и предѣлы разрѣшающей власти, дѣйствующей на мѣстѣ.

Въ основу системы управленія можетъ быть положенъ только одинъ изъ двухъ принциповъ: или общественное управленіе подъ контролемъ правительства, или правительственное управленіе подъ контролемъ общества. Въ примѣненіи къ строю нашего государственнаго управленія болѣе цѣлесообразенъ первый принципъ. При разработкѣ вышеизложенной схемы вопросовъ, мы имѣли въ виду, именно, земскую систему общественнаго управленія, и, ни въ какомъ случаѣ, не въ формѣ нынѣшняго земства,—этого безличнаго учрежденія, представляющаго собою нѣчто среднее между канцеляріею, частною

конторою и раскладочною коммиссіею,—однимъ словомъ, не то, что принято называть управленіемъ, въ смыслѣ фактора административной власти, облеченнаго извѣстными правами и полномочіями.

Земское начало управленія должно проходить черезъ всѣ учрежденія, начиная съ приходской единицы, о которой мы будемъ говорить ниже, и кончая всѣми мѣстными административно-хозяйственными учрежденіями. Вся распорядительно-исполнительная власть, по всѣмъ отраслямъ и проявленіямъ народной жизни, должна находиться въ рукахъ общества; за административною же властью долженъ остаться контроль. Такимъ образомъ, функціи мѣстной административно-хозяйственной правительственной дѣятельности должны сократиться до крайней степени. Вмѣсто нынѣшней системы уѣздныхъ и губернскихъ казенныхъ канцелярій, только по нѣкоторымъ отраслямъ мѣстнаго управленія должны будутъ сохраниться правительственные агенты (но, ни въ какомъ случаѣ, не канцеляріи). Назначеніе этихъ агентовъ, съ одной стороны, быть представителями интересовъ казны въ спеціально приспособленныхъ къ послѣднимъ учрежденіяхъ, а съ другой стороны—контролировать дѣятельность общественныхъ учрежденій.

Права власти, разрѣшающей на мѣстѣ, должны быть расширены до такихъ, именно, предѣловъ, чтобы мѣстная власть вполнѣ удовлетворяла понятіямъ и требованіямъ власти, вѣдающей и удовлетворяющей всѣ, безъ исключенія, мѣстныя пользы и нужды, чѣмъ, исключительно, и могутъ поддерживаться значеніе, сила и благотворное вліяніе ея авторитета въ гла-

захъ мѣстнаго населенія. Это означаетъ иначе, что всѣ вопросы, при разрѣшеніи которыхъ требуется детальное знакомство съ потребностями и условіями мѣстной жизни, должны разрѣшаться не центральною, а мѣстною властью. Такъ, напримѣръ, распредѣленіе налоговъ и разныхъ повинностей, всѣ мѣстные школьные вопросы, врачебно-санитарные, церковно-приходскіе, торгово-промышленные и т. д.,—все это должно подлежать компетенціи разрѣшающей власти не центральнаго, а мѣстнаго общественнаго распорядительно-исполнительнаго управленія. Въ такихъ исключительныхъ мѣстностяхъ, какъ казачьи области и земли, даже и административно-хозяйственная часть военнаго управленія должна входить въ кругъ вѣдѣнія и власти мѣстнаго общественнаго управленія. Совершенно внѣ власти земскаго управленія можетъ быть поставлена только спеціально-воинская часть въ строгомъ смыслѣ слова.

Едва-ли нужно даже распространяться о томъ, какая огромная разница между той постановкой мѣстной власти, о которой говоримъ мы, и тою, которая существуетъ теперь. «Сила» нынѣшней административной мѣстной власти вошла въ народныя поговорки; жалобы на эту «силу» повсемѣстныя. Но здѣсь, въ самомъ понятіи о «силѣ», кроется недоразумѣніе. Строго говоря, сила нынѣшней административной мѣстной власти, въ смыслѣ поддержанія авторитета власти, только кажущаяся, призрачная. Нужно-ли устроить какую-либо мѣстную торгово-промышленную отрасль, перенести срокъ и мѣсто какой-либо уѣздной ярмарки, открыть съѣздъ учителей, врачей или сельскихъ хозяевъ и промышленниковъ, открыть новое

учебное заведеніе, нормировать количество кабаковъ, разверстать приходы и волости, устроить гулянье съ лотереею, и т. д. — все это обязательно восходитъ на разрѣшеніе центральной власти. Не говоря уже о томъ, что центральная власть не компетентна и не можетъ быть компетентна въ тѣхъ деталяхъ, отъ знакомства съ которыми исключительно и можетъ зависѣть вполнѣ справедливое и цѣлесообразное разрѣшеніе мѣстныхъ вопросовъ, ограниченность правъ власти, разрѣшающей на мѣстѣ, неминуемо должна дискредитировать эту власть въ глазахъ населенія, не говоря ужь о массѣ затрудненій и потерь, которыя порождаются необходимостью обращенія съ ходатайствами и прошеніями къ центральной власти по предметамъ, менѣе даже, чѣмъ третье-степеннымъ.

Правда, нынѣшняя административная власть очень сильна, но только въ отрицательномъ смыслѣ — въ смыслѣ широкаго примѣненія системы запрещеній. Наперекоръ научнымъ теоріямъ объ условіи развитія народной производительности и промышленности, наперекоръ очевиднымъ для всѣхъ практическимъ неудобствамъ, у насъ укоренилось недоразумѣніе самаго непохвальнаго свойства, что количество всевозможныхъ запрещеній должно въ огромной степени превышать количество разрѣшеній. Это недоразумѣніе пустило такіе глубокіе корни въ системѣ бюрократическаго управленія, держащагося исключительно на правѣ центральной разрѣшающей власти, что право изданія обязательныхъ правилъ, предоставленное земскимъ и городскимъ общественнымъ учрежденіямъ, имѣетъ почти исключительно запретительный харак-

теръ. Такого рода «сила» не только дискредитируетъ мѣстную власть въ глазахъ мѣстнаго общества, но и возстановляетъ населеніе противъ власти, являющейся, прежде всего, антагонистомъ частнаго почина и самодѣятельности.

Словомъ, намѣченная нами постановка мѣстнаго общественнаго управленія самымъ существеннымъ образомъ отличается отъ нынѣшняго управленія тѣмъ, что оно непремѣнно должно быть управленіемъ цѣльнымъ, охватывающимъ всѣ потребности и проявленія мѣстной жизни, — управленіемъ во всеоружіи рѣшающей власти и правъ. Поставленное такимъ образомъ управленіе должно всецѣло отвѣтствовать и передъ мѣстнымъ обществомъ, и передъ центральною правительственною властью за ходъ мѣстной жизни. И оно, дѣйствительно, можетъ отвѣтствовать; у него должны быть не только обязанности,—какъ у нынѣшнихъ органовъ мѣстнаго управленія,—но и права. Оно должно имѣть возможность не только «вѣдать», но и работать въ смыслѣ фактическаго удовлетворенія мѣстныхъ пользъ и нуждъ. Другая въ высшей степени важная особенность указанной нами системы мѣстнаго управленія—простота дѣлопроизводства, быстрота разрѣшенія мѣстныхъ вопросовъ,—потому что власть разрѣшающая находится тутъ-же, на мѣстѣ, у самой практической жизни. Авторитетъ такого мѣстнаго управленія въ глазахъ населенія будетъ очень великъ и дѣятельность его будетъ въ высшей степени производительна. Ни улущенія, ни проволочки, ни крючкотворство и взяточничество, словомъ, ни одна изъ отрицательныхъ сторонъ нынѣшней системы управленія не будетъ и

не можетъ быть свойственна системѣ земскаго управленія, охватывающей всѣ мѣстныя административно-хозяйственныя учрежденія, снабженной достаточными полномочіями власти разрѣшающей и распорядительно-исполнительной.

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ.

Съ уничтоженіемъ канцелярско-департаментскаго „средостѣнія“, министры останутся въ прежней роли прямыхъ посредниковъ между главою государства и мѣстнымъ управленіемъ; но министерская корпорація должна будетъ сплотиться въ одно органически-цѣльное учрежденіе подъ управленіемъ министра внутреннихъ дѣлъ, какъ перваго между равными.—Вмѣстѣ съ тѣмъ точно опредѣлятся роли государственнаго совѣта, какъ законодательнаго учрежденія, и сената, какъ высшей наблюдательной и контролирующей инстанціи государственнаго управленія.

Мѣстное управленіе—это тотъ, именно, центръ государственной жизни, къ которому должна тяготѣть вся правительственная дѣятельность по урегулированію и соподчиненію общихъ интересовъ государства, общества и частныхъ лицъ. Если центръ этотъ вѣрно опредѣленъ и прочно установленъ, то центробѣжная и центростремительная силы всей, вообще, государственной дѣятельности будутъ устойчиво уравновѣшены между собою и общій ходъ государственной жизни не будетъ подвергаться случайнымъ уклоненіямъ и остановкамъ, возможнымъ только при кабинетномъ рѣшеніи мѣстныхъ вопросовъ подъ вліяніемъ постоянно мѣняющихся теорій и взглядовъ.

Такая постановка мѣстнаго управленія не только предрѣшаетъ, но и точно опредѣляетъ систему и сферу дѣятельности центральнаго управленія. Прежде всего, во всѣхъ отрасляхъ центральнаго управленія должны произойти огромныя сокращенія, т. е. упраздненіе всевозможныхъ коммиссій, де-

партаментовъ, отдѣленій и т. д.,—словомъ, всей той канцелярщины, которая заправляетъ теперь мѣстною жизнью и, находясь въ сторонѣ отъ жизни, порождаетъ массу ошибокъ, проволочекъ и затрудненій, наносящихъ практической народной дѣятельности огромный ущербъ. Съ переходомъ всей положительной дѣятельности, лежащей теперь на обязанности разнообразныхъ департаментовъ и канцелярій, въ руки мѣстнаго общественнаго управленія, роль центральнаго управленія ограничится общимъ руководствомъ дѣятельностью мѣстнаго управленія.

Теперь въ обязанностяхъ центральнаго управленія замѣчается непримиримая двойственность. Съ одной стороны, на его отвѣтственности лежитъ вся мѣстная дѣятельность, съ другой—на немъ-же лежатъ обязанности распорядителя и заправителя мѣстной дѣятельности и, вмѣстѣ съ тѣмъ, контролерская. Не говоря уже о принципіальномъ противорѣчіи, существующемъ между этими функціями, выполненіе ихъ посредствомъ канцелярской системы рѣшительно невозможно. Мало того: при нынѣшней постановкѣ своей, центральное управленіе прямо и непосредственно заинтересовано въ томъ, чтобы въ ходѣ мѣстной жизни не обнаруживалось никакихъ неблагопріятныхъ явленій, отвѣтственность за которыя всецѣло падаетъ на то-же управленіе, сосредоточивающее въ своихъ рукакъ всѣ виды власти: разрѣшающей, распорядительно-исполнительной и контролирующей. Этимъ обстоятельствомъ и объясняется, напримѣръ, часто практикующаяся у насъ система у м а л е н і я происходящихъ безпорядковъ или обнару-

живающихся народныхъ, а иногда даже чисто стихійныхъ бѣдствій.

Съ переходомъ-же мѣстной разрѣшающей и распорядительно-исполнительной власти въ руки общественнаго земскаго управленія, на обязанности центральнаго управленія останется лишь власть руководящая, заправляющая дѣятельностью мѣстнаго управленія, съ точки зрѣнія общей государственной политики. Такая постановка центральной власти, безспорно, подниметъ ея авторитетъ и значеніе въ глазахъ населенія, чего, ни въ какомъ случаѣ, нельзя достигнуть мелочною канцелярскою работою, подавляющею, въ настоящее время, центральное управленіе и, къ тому-же, неудовлетворяющею потребностямъ мѣстной жизни. Съ другой стороны, насколько теперь неудобно для центральнаго управленія обнаруженіе тѣхъ или другихъ неблагопріятныхъ сторонъ мѣстной жизни, настолько тогда оно будетъ прямо заинтересовано въ томъ, чтобы гласность была какъ можно болѣе развита и правда не скрывалась, чтобы дѣятельность и правительственныхъ агентовъ, и мѣстныхъ представителей была открыта для всѣхъ, такъ какъ только при этомъ условіи возможенъ вполнѣ безошибочный контроль.

Такова, въ основныхъ чертахъ, сущность принципіальнаго различія между нынѣшнимъ положеніемъ центральной власти и тѣмъ, которое должно возникнуть при условіи проектируемой нами системы мѣстнаго управленія.

И такъ, согласно намѣченному нами плану, министры остаются въ прежней роли единственныхъ посредниковъ между

мѣстнымъ управленіемъ и верховною властью, но положеніе ихъ по отношенію къ мѣстному управленію существенно измѣняется. Съ уничтоженіемъ канцелярской системы управленія, за министрами останется лишь высшій надзоръ за дѣятельностью мѣстнаго управленія и руководство имъ, назначеніе мѣстныхъ правительственныхъ агентовъ и контроль ихъ дѣятельности. Составъ каждаго министерства естественно долженъ сократиться и можетъ быть ограниченъ тремя лицами: министромъ, его товарищемъ и секретаремъ министра. Безспорно, что управлять министерствомъ, въ смыслѣ высшаго руководства и наблюденія въ данной отрасли государственной дѣятельности, несравненно труднѣе, чѣмъ «отбываться» перепиской, системою циркуляровъ, инструкцій, предписаній и т. д. «Бумага все терпитъ», но не «все терпитъ» жизнь: она требуетъ метода управленія, разумнаго, справедливаго, полезнаго, логически-послѣдовательнаго и сообразованнаго съ потребностями жизни. Пока рѣшающая власть въ дѣлахъ мѣстнаго управленія находится въ рукахъ чиновниковъ, послѣдніе всегда могутъ кое-какъ отбываться тою-же системою; но когда управленіе переходитъ въ руки общества, то отъ людей, стоящихъ во главѣ различныхъ отраслей государственнаго управленія, требуется высшій нравственный авторитетъ. Чиновнику нужно «предложить», «предписать», «приказать», «внушить». Онъ не имѣетъ и не долженъ имѣть своей воли въ служебной дѣятельности, онъ долженъ быть точнымъ исполнителемъ закона — и только. Общественному-же управленію, наоборотъ, достаточно только посовѣтовать, указать, разъяснить.

Отношенія чиновничества и общественнаго управленія къ мѣстнымъ интересамъ различны по существу дѣла. Для чиновника существуетъ «служба», какъ формула, какъ выполненіе извѣстныхъ служебныхъ обрядностей. Для общественнаго управленія существуетъ только дѣйствительная жизнь, съ ея реальными потребностями. Чиновникъ отдаленъ отъ дѣйствительной жизни,—между нимъ и реальною жизнью стоитъ преграда, въ видѣ сухихъ, жесткихъ формулъ специфическихъ служебныхъ обрядностей. Представители-же общественнаго управленія суть представители и выразители самой дѣйствительной жизни, всей совокупности потребностей ея; общественные интересы и нужды—это ихъ кровные интересы и нужды. Поэтому всѣ совѣты, указанія и разъясненія министровъ, какъ высшихъ нравственныхъ авторитетовъ въ каждой отдѣльной отрасли государственнаго управленія, будутъ восприниматься обществомъ охотно, немедленно, съ уваженіемъ и благодарностью. Общественное управленіе тѣмъ охотнѣе будетъ обращаться къ министрамъ за совѣтами, указаніями и разъясненіями, тѣмъ искреннѣе будетъ искать ихъ руководства, чѣмъ послѣднее будетъ авторитетнѣе. Лишне, разумѣется, распространяться о томъ, что во главѣ каждой отрасли государственнаго управленія должны стоять спеціалисты, люди, знакомые съ дѣломъ и теоретически, и практически, знающіе организацію и состояніе ввѣренной каждому изъ нихъ отрасли управленія въ другихъ образованныхъ государствахъ. Это необходимо не только въ интересахъ авторитета министерской власти, но и еще болѣе для того, чтобы не открывать Америку или—еще хуже—не

повторять ошибокъ другихъ странъ и народовъ, принимая за новое, будто-бы, неизвѣстное, то, что давно испробовано другими.

Упрощеніе функцій министерскаго управленія и возведеніе его на степень высшаго авторитета въ глазахъ населенія обязательно требуютъ полной солидарности между министрами, согласно точному смыслу 216 ст. учр. минист.: «Поелику всѣ министерства составляютъ одно управленіе, то ни одно изъ нихъ не можетъ отдѣлиться отъ другихъ ни въ видахъ управленія, ни въ общей его цѣли». 80-ти-лѣтній опытъ существованія нашихъ министерствъ значительно измѣняетъ первоначальную теоретическую ихъ постановку. Практически говоря, у насъ только одинъ министръ можетъ являться дѣйствительнымъ посредствующимъ органомъ между главою государства и мѣстнымъ управленіемъ,—это министръ внутреннихъ дѣлъ; всѣ другія министерства—ничто иное, какъ частности, спеціальности, опредѣленныя отрасли «внутреннихъ дѣлъ». Съ этой точки зрѣнія всѣ министерства должны представлять одно коллегіальное управленіе, въ которомъ первенствующая роль должна принадлежать министру внутреннихъ дѣлъ, какъ первому между равными. Другими словами, министръ внутреннихъ дѣлъ долженъ сосредоточивать въ своихъ рукахъ общее руководство центральнымъ управленіемъ, которое, въ свою очередь, должно служить непосредственнымъ руководителемъ мѣстнаго управленія, по отдѣльнымъ его отраслямъ. Главнѣйшимъ препятствіемъ къ установленію такой солидарности между министрами является все та-же канцелярщина, въ которой тонутъ самыя лучшія начинанія правительства. Съ устраненіемъ-же

этого, посредствующаго между министрами, посторонняго элемента, объединеніе министерскихъ портфелей станетъ совершившимся фактомъ и, въ первый разъ послѣ 80-ти-лѣтняго существованія министерствъ, осуществится первоначально положенная въ основаніе ихъ учрежденія (въ 1802 г.) цѣлесообразная идея, что «раздѣленіе частей управленія по министерствамъ не есть раздѣленіе самаго управленія, которое по существу своему всегда должно быть едино» (216 ст. учр. мин.).

Такимъ образомъ, въ органической связи съ тѣмъ единствомъ системы мѣстнаго управленія, котораго даютъ возможность достигнуть проектируемыя нами начала мѣстнаго общественнаго управленія, находятся и замѣченные выше принципы организаціи центральнаго управленія. Обѣ эти системы могутъ существовать только во взаимодѣйствіи, опираясь одна на другую; осуществить одну какую-либо изъ этихъ системъ, независимо отъ другой, немыслимо.

Кромѣ проектируемаго нами солидарнаго министерства, остаются еще два важныхъ центральныхъ управленія: государственный совѣтъ и сенатъ. Согласно изложеннымъ нами принципамъ организаціи мѣстнаго и центральнаго министерскаго управленія, на долю государственнаго совѣта остается только законодательная роль, на долю сената—только судебная власть и высшій контроль надъ центральнымъ управленіемъ. Какъ ни важно въ государственной жизни значеніе этихъ двухъ учрежденій, но дѣятельность ихъ можетъ быть производительна въ жизни лишь постольку, поскольку органи-

зація мѣстнаго управленія и постановка министерскаго будутъ удовлетворять изложеннымъ нами принципамъ.

О комитетѣ министровъ мы считаемъ излишнимъ распространяться, такъ какъ это учрежденіе станетъ совершенно излишнимъ при существованіи солидарнаго министерства.

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ.

Историческій очеркъ развитія мѣстнаго и центральнаго управленія, въ связи съ проектируемою нами системою.

Въ настоящей бесѣдѣ мы освѣтимъ разработанныя нами основы реформъ съ точки зрѣнія исторіи внутренняго нашего государственнаго управленія. Какіе основные руководящіе начала и принципы имѣлись въ виду при первоначальной организаціи у насъ центральнаго и мѣстнаго управленія? Насколько существующіе теперь порядки соотвѣтствуютъ тому, что предполагалось первоначально? Что мѣшало правильному развитію мѣстнаго и центральнаго управленія и гармоническому согласованію ихъ дѣятельности?

Прошло уже 175 лѣтъ съ тѣхъ поръ, какъ впервые начала оформливаться и устанавливаться система мѣстнаго и центральнаго управленія. Срокъ весьма значительный. А между тѣмъ, достоинства современной системы внутренняго нашего управленія не соотвѣтствуютъ ни давности ея, ни постоян-

нымъ заботамъ правительственной власти о созданіи государственнаго управленія, удовлетворяющаго потребностямъ жизни. Это тѣмъ болѣе знаменательно, что, начиная съ Петра Великаго, этого перваго организатора русской государственности, и кончая покойнымъ Государемъ Императоромъ, въ систему внутренняго нашего государственнаго управленія внесены всѣ необходимыя начала для наилучшей организаціи какъ мѣстнаго, такъ и центральнаго управленія. Но обстоятельства, почему-то, всегда складывались такъ, что, именно, лучшія начала не получали дальнѣйшаго развитія, и государственное управленіе развивалось исключительно въ сторону чиновно-канцелярскаго режима.

Все прошлое нашего мѣстнаго управленія представляетъ безпрерывное стремленіе правительства къ возможно большей децентрализаціи, съ цѣлію создать на мѣстѣ, въ губерніяхъ и уѣздахъ, дѣятельные распорядительно-исполнительные органы, способные вѣдать и удовлетворять всѣ мѣстныя пользы и нужды. Особенно сильно сказалось это стремленіе въ царствованіе Екатерины II, перенесшей въ провинцію большую часть обязанностей, лежавшихъ на центральномъ управленіи, и еще болѣе сильно—въ царствованіе Александра II, поставившаго закономъ «введеніе правильнаго хозяйства въ уѣздѣ на выборномъ началѣ» и установившаго, рядомъ съ казеннымъ, сословно-бюрократическимъ управленіемъ, «всесословное общественное самоуправленіе». Коммиссія, выработывавшая проектъ земскихъ учрежденій, въ объяснительной запискѣ къ земскому «положенію», между прочимъ, говоритъ, что основную задачу ея дѣятельности со-

ставляло, «по возможности, полное и послѣдовательное развитіе начала мѣстнаго самоуправленія... Если начало децентрализаціи можетъ прилагаться гдѣ-либо съ пользою, то, конечно, всего болѣе въ сферѣ мѣстныхъ хозяйственныхъ интересовъ... Земское управленіе есть только особый органъ одной и той-же государственной власти и отъ нея получаетъ всѣ права и полномочія; земскія учрежденія, имѣя свое мѣсто въ государственномъ организмѣ, не могутъ существовать внѣ его, а наравнѣ съ прочими учрежденіями подчиняются тѣмъ общимъ условіямъ и тому общему направленію, которыя устанавливаются центральною государственною властію».

Но, съ другой стороны, прошлое мѣстнаго управленія представляется въ высшей степени поучительнымъ въ томъ отношеніи, что стремленіе верховной власти въ децентрализаціи парализовалось одновременнымъ развитіемъ канцеляризма и начала бюрократическаго, и все, что предпринималось правительствомъ въ видахъ децентрализаціи, погибало почти безслѣдно и безъ пользы для практической жизни въ безбрежномъ и бездонномъ океанѣ канцеляризма. Между тѣмъ, если обратиться къ руководящимъ началамъ и принципамъ, положеннымъ въ основу центральнаго управленія, канцелярско-бюрократическому элементу отводилась всегда скромная роль; развитіе канцеляризма представляется дѣломъ случайнымъ, не имѣющимъ ничегоо общаго съ основными началами центральнаго управленія.

Родоначальникомъ нашей центральной политической администраціи является Петръ Великій. Въ видахъ «правильнаго и успѣшнаго управленія страною», имъ учреждены были коллегіи, соотвѣтствующія нынѣшнимъ министерствамъ, съ «верховною коллегіею»—сенатомъ во главѣ. «Коллежскому управленію» отдано было предпочтеніе передъ «единоличнымъ» потому, что въ коллегіумѣ *извѣстнѣе взыскуется* (правильнѣе выясняется) *истина* соборнымъ сословіемъ, нежели единымъ лицомъ»; въ коллегіумѣ *не обрѣтается мѣста пристрастію, коварству, лихоимному суду*, такъ какъ каждый членъ дѣйствуетъ подъ контролемъ своихъ товарищей; «коллегіумъ *свободнѣйшій духъ въ себѣ имѣетъ къ правосудію*, не тако-бы, яко-же единоличный правитель гнѣва сильныхъ боится, понеже и причины прощскивать на многихъ, а еще разностатейныхъ особъ, не тако удобно есть, яко на единаго человѣка». Наконецъ, Петръ Великій остановился на «коллежскомъ управленіи» еще и потому, что видѣлъ въ коллегіумѣ «*школу управителей*», въ которой, при постоянномъ воздѣйствіи другъ на друга членовъ разныхъ взглядовъ и направленій, должны вырабатываться *опытные, способнѣйшіе и достойнѣйшіе* «управители», пріобрѣтающіе вліяніе въ глазахъ товарищей не важностью служебнаго поста, занимаемаго ими, а «*нравственнымъ вліяніемъ*» и «*умственнымъ превосходствомъ*».

По глубинѣ политической мысли и вѣрности взгляда на значеніе и постановку центральной администраціи, регламенты

Петра I о коллегіяхъ представляютъ акты великой государственной мудрости. Центральное коллегіальное, а не единоличное, управленіе считалось необходимымъ для того, чтобы ослабить формализмъ, сократить переписку, гарантировать всесторонность обсужденія вопросовъ, возможно большую правильность рѣшеній и независимость отъ постороннихъ давленій; съ другой стороны, коллегіальное управленіе, по мысли Петра I, должно было имѣть воспитательное политическое значеніе, какъ «школа управителей». Сущность «коллежскаго установленія» заключалась въ томъ, что каждая коллегія составлялась изъ опредѣленнаго числа совѣтниковъ и ассесоровъ, соединявшихся въ присутствіе, подъ дирекціей президента, который являлся «первымъ между равными»: членамъ обезпечивалась независимость сужденій и свобода дѣйствій; рѣшеніе дѣлъ зависѣло отъ соглашенія всѣхъ членовъ, такъ что голосъ каждаго получалъ свое значеніе и вѣсъ при общемъ счетѣ голосовъ.

Время пощадило идею петровскихъ регламентовъ, которые до сихъ поръ еще служатъ, въ общихъ чертахъ, основаніемъ для всѣхъ учрежденій на коллегіальномъ началѣ. Но не были пощажены тѣ великіе политическіе принципы, во имя которыхъ Петръ Великій основалъ все центральное управленіе на коллегіальномъ началѣ. Время шло; петровскія коллегіи болѣе и болѣе разростались въ бюрократическія учрежденія и погрязали во мракѣ канцеляризма, парализуя дѣятельность всѣхъ мѣстныхъ установленій. Уже въ царствованіе Екатерины II вредъ централизаціи канцелярскаго управленія опредѣлился

настолько рельефно, что реформу губернскаго и уѣзднаго управленія пришлось начать, прежде всего, съ перенесенія значительно преобладавшей части центральныхъ управленій «на мѣсто, въ губерніи и уѣзды». Но, и послѣ этого, гнетъ центральнаго, канцелярско-бюрократическаго управленія надъ мѣстнымъ былъ настолько великъ, что, ровно восемьдесятъ лѣтъ тому назадъ, приступлено было къ учрежденію министерствъ «единственно съ тою цѣлью», чтобы «ослабить» канцелярскую систему», «сосредоточить управленіе въ рукахъ одного вѣдомства», «установить единство въ способахъ управленія» и «организовать отвѣтственность административныхъ вѣдомствъ».

Первоначально проектировалось «одно министерство, съ подраздѣленіемъ на части», сообразно разнымъ отраслямъ государственнаго управленія. Проектъ этотъ не осуществился; тѣмъ не менѣе, по ст. 216 учрежденія министерствъ, «всѣ министерства составляютъ одно управленіе»; «раздѣленіе частей управленія по министерствамъ не есть раздѣленіе самаго управленія, которое, по существу своему, всегда должно быть едино». Первоначальная организація министерствъ была въ высшей степени проста. Министрамъ были назначены только товарищи и канцеляріи; нынѣшнихъ департаментовъ въ министерствахъ не существовало. Министрамъ предоставлено было «право личныхъ докладовъ Государю по важнѣйшимъ дѣламъ, но не иначе, какъ по соглашенію съ другими министрами». Замѣчательный для того времени государственный человѣкъ, Д. П. Трощинскій, одобрялъ

такую постановку министерскаго управленія и находилъ, что здѣсь «сохранены всѣ выгоды коллегіальнаго управленія съ выгодами управленія единоличнаго». Особенно былъ доволенъ, на первыхъ порахъ, учрежденіемъ министерствъ императоръ Александръ I. Черезъ мѣсяцъ послѣ открытія министерствъ, онъ писалъ Лагарпу, бывшему своему воспитателю: «Министерство идетъ хорошо... Дѣла отъ этого пріобрѣли болѣе ясности и методы, и я знаю тотчасъ, съ кого взыскать, если что нибудь не такъ, какъ слѣдуетъ».

Но не такъ розово смотрѣли на дѣло тѣ, на долю которыхъ выпало выступить въ роли министровъ, и особенно лица, принимавшія непосредственное участіе въ выработкѣ министерскаго установленія. Прежде всего, ихъ безпокоила «неопредѣленность отвѣтственности министровъ». Министры обязаны были представлять свои отчеты въ сенатъ, какъ «верховное государственное учрежденіе». Но этотъ родъ отчетности министровъ представлялъ, по словамъ Сперанскаго, «одинъ письменный обрядъ», который «временемъ пресѣкся», въ виду того, что «всѣ разрѣшенія министровъ и всѣ ихъ мѣры принимаемы были не иначе, какъ по докладу, и совершены Высочайшими указами; на указы же воспрещено было сенату дѣлать примѣчанія».

Съ другой стороны,—какъ оказалось на первыхъ-же порахъ министерской практики,—сохраненіе коллегій, одновременно съ учрежденіемъ министерствъ, угрожало извращеніемъ основныхъ принциповъ министерскаго установленія. Н. Н. Новосильцевъ и графы В. П. Кочубей и П. А. Строгановъ рѣшительно вы-

сказались за непригодность этихъ «устарѣлыхъ формъ» въ примѣненіи къ «новымъ учрежденіямъ» и возставали противъ присоединенія коллегій къ министерствамъ, какъ противъ излишней и вредной канцелярской обузы. Если-бы это мнѣніе было уважено и обязанности коллегій были перенесены, какъ предполагалось, въ мѣстное управленіе,—министерское установленіе сохранило-бы за собою единство, роль посредника между главою государства и мѣстнымъ управленіемъ и характеръ политическаго государственнаго учрежденія, наблюдающаго за дѣятельностью мѣстнаго управленія, руководящаго имъ. Иначе взглянулъ на коллегіи Александръ I. Онъ полагалъ, что «нельзя разомъ уничтожить всѣ эти старинныя формы и что, можетъ быть, достаточно подчинить коллегіи министрамъ и, впослѣдствіи уже, когда онѣ на опытѣ окажутся безполезными, замѣнить ихъ другими учрежденіями». Такъ и случилось. Коллегіи «подчинили» соотвѣтствующимъ министерствамъ и, затѣмъ, «замѣнили» ихъ департаментами. Вмѣстѣ съ тѣмъ, и независимость распорядительной власти каждаго изъ министровъ, въ отношеніи мѣстнаго управленія, также была расширена.

Такимъ образомъ, министерское учрежденіе, въ теченіе первыхъ 8-ми лѣтъ своей практики, утратило ту основную цѣль, во имя которой оно было вызвано къ жизни. Департаменты, которыми обставилось каждое министерство, повлекли за собою полную разобщенность между ними и, вмѣсто «ослабленія канцелярской системы», получилось еще большее усиленіе ея. Въ концѣ концовъ, «раздѣленіе частей управленія по ми-

нистерствамъ» обратилось въ «раздѣленіе самаго управленія». Люди развитые, подготовленные къ государственной дѣятельности, совершенно ясно предвидѣли этотъ печальный исходъ дѣла и предостерегали отъ него правительство въ моментъ насажденія департаментовъ. Вотъ, что, напримѣръ, говорилъ, въ свое время, Трощинскій: «Воля министровъ и разнаго рода ихъ канцелярій, дѣйствовавшихъ по разнымъ частямъ отдѣльно и независимо другъ отъ друга, не встрѣчали нигдѣ и ни отъ кого противодѣйствія... Ни въ министерскихъ департаментахъ, ни въ зависѣвшихъ отъ нихъ губернскихъ и уѣздныхъ управленіяхъ не было никакого наблюденія за исполненіемъ законовъ, и министры, не имѣвшіе за собою никакого надзора, не могли надзирать и за своими подчиненными».

Послѣдовательное развитіе системы чиновно-канцелярскаго управленія привело къ тому, что департаменты явились, наконецъ, такимъ «средостѣніемъ» между мѣстнымъ и центральнымъ управленіями, ослабить которое, въ настоящее время, даже не во власти самихъ министровъ. Дѣло въ томъ, что департаменты министерствъ, во многихъ отношеніяхъ, являются мѣстами самостоятельнаго центральнаго управленія, непосредственно завѣдывающими тою или другою частью. Это, именно, обстоятельство, главнымъ образомъ, и обусловливаетъ собою чрезмѣрность централизаціи внутренняго нашего управленія, придаетъ ему специфическій чиновно-канцелярскій характеръ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, министерства — установленіе политическаго характера по преимуществу — низводятся на степень обыкно-

венныхъ административныхъ учрежденій, погруженныхъ во всѣ мелочи канцелярскаго дѣлопроизводства.

Былъ въ высшей степени благодарный моментъ, чтобы освободить министерства отъ обузы департаментовъ и канцелярской мелочности и возстановить ихъ руководящее политическое значеніе въ государствѣ. Это было 23 года тому назадъ, когда съ высоты трона заявлено было о своевременности «введенія правильнаго хозяйства въ уѣздѣ на выборномъ началѣ», когда децентрализація признавалась полезною «въ сферѣ мѣстныхъ хозяйственныхъ интересовъ». Но, вмѣсто передачи департаментскихъ функцій въ вѣдѣніе органовъ общественнаго управленія, случилось совершенно обратное: департаментская централизація поглотила собою проектированную правительствомъ децентрализацію и земскія учрежденія изъ «особаго органа одной и той же государственной власти» обратились въ подобіе частныхъ конторъ.

И такъ, историческій обзоръ послѣдовательнаго развитія у насъ центральнаго управленія приводитъ насъ къ тѣмъ же положеніямъ, которыя высказаны были нами выше по этому предмету. Расширеніе правъ мѣстнаго общественнаго управленія на земскомъ началѣ должно быть совершено на счетъ тѣхъ функцій, которыя въ настоящее время лежатъ на обязанности центральныхъ канцелярій и департаментовъ. Съ уничтоженіемъ канцелярско-департаментскаго «средостѣнія», министры останутся въ прежней роли прямыхъ посредниковъ между главою государства и мѣстнымъ управленіемъ; но министерская корпорація должна будетъ сплотиться въ одно органически-цѣльное

учрежденіе подъ управленіемъ министра внутреннихъ дѣлъ, какъ перваго между равными; на долю министровъ останется роль руководящая и контролирующая и, въ общемъ, возстановится политическое значеніе министерскаго учрежденія. Вмѣстѣ съ тѣмъ, точно опредѣлятся и роли государственнаго совѣта, какъ законодательнаго учрежденія, и сената, какъ высшей контролирующей инстанціи въ государственномъ управленіи.

ГЛАВА ДВѢНАДЦАТАЯ.

Общая канва проекта организаціи мѣстнаго управленія.—Основной принципъ безсословности управленія обусловливаетъ полное уравненіе крестьянскаго населенія гражданскими и общественными правами со всѣми остальными сословіями и классами.

Въ настоящей и послѣдующихъ главахъ мы намѣтимъ, такъ сказать, общую канву проекта организаціи мѣстнаго управленія на изложенныхъ нами началахъ.

Начнемъ съ организаціи сельскаго управленія.

Одни хлопочутъ объ оставленіи «крестьянской волости»; другіе ратуютъ за «волость всесословную»; третьи протестуютъ противъ какой-то «ломки» и требуютъ какихъ-то «незначительныхъ исправленій и упрощеній въ мѣстномъ управленіи», т.-е., иначе—починокъ, пристроекъ и заплатъ въ тѣхъ рухлядяхъ, которыя, только по недоразумѣнію, носятъ названіе мѣстнаго управленія, гдѣ перемѣшалось старое чиновно-казенное начало съ новымъ, выборнымъ, гдѣ принципъ сословно-бюрократическій дѣйствуетъ одновременно съ всесословнымъ самоуправленіемъ—и все это громоздится другъ на друга, придавливается одно другимъ и подвергается взаимному разрушенію. А почему однимъ нужна «крестьянская волость», другимъ—«всесословная», третьимъ—только «исправленія и упрощенія»—это вовсе не разбирается и не доказывается съ точки

зрѣнія общей государственной политики и системы управленія. Ясное дѣло, что, при такомъ методѣ сужденія, ни до чего путнаго договориться невозможно. Нужно установить сначала основной руководящій принципъ сельскаго управленія, нужно освѣтить эту отрасль государственнаго управленія со стороны общихъ условій государственной системы управленія. Тогда сами собою опредѣлятся тѣ требованія, которымъ должно удовлетворять сельское управленіе; тогда ясно будетъ, не слѣдуетъ-ли и самую «волость» замѣнить какимъ-либо другимъ центромъ управленія; не слишкомъ-ли наивно бояться «ломки» тамъ, гдѣ и ломать-то нечего, гдѣ какъ разъ въ пору думать о новыхъ созиданіяхъ на мѣстѣ, очищенномъ отъ старыхъ обломковъ?

Разрѣшая вопросъ о сельскомъ управленіи, необходимо, прежде всего, имѣть въ виду культурную сторону дѣла. Одно какое-либо сословіе не можетъ быть творцомъ и созидателемъ общегосударственной культуры. Сословные интересы узки, эгоистичны; культура въ одномъ какомъ-либо сословіи и культура общегосударственная—вещи совершенно различныя; культура въ данномъ сословіи всегда развивается въ ущербъ другимъ сословіямъ. Культурное развитіе страны успѣшно и правильно подвигается впередъ въ томъ лишь случаѣ, если въ дѣлѣ управленія принимаютъ участіе всѣ сословія, и, притомъ, непремѣнно на условіяхъ равноправности. Тогда сталкиваются и уравновѣшиваются между собою интересы всѣхъ сословій и классовъ населенія, устраняется возможность преобладанія интересовъ одного сословія въ ущербъ интересамъ другихъ сословій. Такимъ образомъ, въ организаціи сельскаго управленія

не можетъ быть даже и рѣчи о сословности. Мало того: управленіе это неудобно даже назвать «всесословнымъ», потому что оно обязательно должно быть безсословнымъ, въ смыслѣ уравненія всѣхъ слоевъ и классовъ населенія гражданскими и общественными правами. Назвать его «безсословнымъ» обязательно потому, что необходимо, разъ навсегда, покончить съ остатками сословными—этими признаками рабства и исключительности.

Начать-же это уравненіе сословій слѣдуетъ, именно, съ крестьянскаго. Пора, наконецъ, подумать о томъ, чтобы окончательно сгладить послѣдніе слѣды крѣпостнаго рабства, уничтоженнаго de jure 22 года тому назадъ. Въ нынѣшнее царствованіе крестьяне въ первый разъ присягали самостоятельно, наравнѣ со всѣми другими сословіями и классами русскаго населенія. Этотъ фактъ долженъ служить намъ напоминаніемъ, что мало только уничтожить de jure крѣпостное рабство, а нужно еще поднять бывшихъ рабовъ до того положенія, въ которомъ находится опекающее ихъ меньшинство населенія,—нужно сравнять ихъ гражданскими и общественными правами со всѣми остальными сословіями и классами населенія. Крестьянство—это не сословіе только, а просто каста, замкнутая, изолированная отъ всѣхъ другихъ слоевъ населенія. Мы понимаемъ подраздѣленіе населенія на городское и сельское въ географическомъ отношеніи; но въ правовомъ и политическомъ отношеніяхъ такое подраздѣленіе—рѣшительный абсурдъ. Крестьянство, при нынѣшнемъ его положеніи, съ его строго обособленнымъ управленіемъ, самостоятельнымъ сословнымъ судомъ и т. д., представляетъ status in statu, огромное многомилліонное

населеніе, раздѣленное на безчисленное множество автономныхъ общинъ, т. е. занимаетъ почти привиллегированное положеніе въ государствѣ и, въ то-же время, подвержено такой тягостной опекѣ, какой не испытываетъ ни одно сословіе. Въ высшей степени характерно, что такія, два діаметрально противоположныя, начала, какъ автономія и опека, обусловлены одною и тою-же причиною—неразвитостью крестьянскаго населенія.

Въ общей сложности, крестьянское сословіе составляетъ около трехъ четвертей всего государственнаго населенія и является, такимъ образомъ, не ядромъ только, но и массою государственнаго населенія. Съ какой стороны ни смотрѣть на нынѣшнее, почти кастовое, положеніе крестьянства, опекаемаго во всѣхъ сферахъ своей частной и общественной дѣятельности, оно не выдерживаетъ самой снисходительной критики.

Съ точки зрѣнія высшей государственной политики, центральная опека изъ административныхъ кабинетовъ, не опирающаяся на непосредственное знакомство съ мѣстными условіями жизни, совершенно парализуетъ общественную автономію, представляя рядомъ съ нею contradicitо in adjecto. Съ точки зрѣнія справедливости, нельзя оправдывать такое положеніе вещей, при которомъ меньшинство населенія опекаетъ и подавляетъ большинство и, живя трудами этого большинства, остается въ сторонѣ отъ всякихъ заботъ о его благосостояніи. Дажето, сравнительно, весьма незамѣтное участіе, которое земство принимаетъ въ дѣлахъ крестьянства, функціонируетъ совершенно ненормально, именно, потому, что участіе земства предопредѣлено и даже до мелочей регламентируется неподвижнымъ закономъ.

Выводъ изъ всего сказаннаго—одинъ: необходимо направить всѣ усилія къ объединенію и уравненію гражданскими и общественными правами всѣхъ сословій, классовъ и состояній. Тѣ, которые до сихъ поръ такъ обильно пользовались отъ трудовъ крестьянства, никогда не должны забывать, что какъ ихъ личное благосостояніе, такъ и благосостояніе всего государства прямо и непосредственно зависятъ отъ благосостоянія крестьянъ,—должны помнить, что историческій долгъ интеллигенціи и всѣхъ, вообще, привиллегированныхъ сословій и классовъ—возвратить крестьянству сторицею то, что взято у него въ теченіе многихъ вѣковъ и продолжаетъ взиматься досихъ поръ.

Съ этой точки зрѣнія, задача коммиссіи по переустройству мѣстнаго управленія должна заключаться въ томъ, чтобы объединить разрозненные нынѣ слои населенія, уничтожить сословную исключительность, выработать и установить одинъ общій типъ мѣстнаго—общественнаго управленія подъ контролемъ правительства и на такихъ основаніяхъ, которыя исключали бы всякое различіе между большинствомъ и меньшинствомъ населенія. Только при этомъ условіи возможно правильное урегулированіе интересовъ и взаимныхъ отношеній отдѣльныхъ сословій безъ нарушенія гармоніи въ цѣломъ организмѣ народа разными привиллегіями и ограниченіями, которыя всегда приносятъ болѣе вреда, чѣмъ пользы.

ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ.

Первоначальная единица мѣстнаго управленія—уѣздный участокъ.—Это средоточіе всѣхъ разнообразныхъ элементовъ и интересовъ мѣстнаго населенія, которые только въ совокупности своей рождаютъ культуру. — Вспомогательные или исполнительные органы участка суть безсословные приходы, непосредственно соприкасающіеся съ крестьянскимъ населеніемъ.

Единица сельскаго управленія непремѣнно должна быть самоуправляющеюся. Децентрализація, къ которой стремится русская верховная правительственная власть, въ теченіе почти двухъ вѣковъ, ни въ какомъ случаѣ, не будетъ достигнута до тѣхъ поръ, пока права власти разрѣшающей и распорядительно—исполнительной не будутъ перенесены не въ губернію только или уѣздъ, но и въ сельское управленіе. Задачи сельскаго самоуправленія чрезвычайно разносторонни. Сюда входятъ: церковь, школа, врачебное дѣло, попеченіе о безпріютныхъ дѣтяхъ и старикахъ, дѣло торгово-прмышленное, кредитъ, пути сообщенія, забота о нуждахъ сельско-хозяйственной промышленности (землевладѣльческой и земледѣльческой), охрана общественнаго порядка и безопасности и т. д.,—словомъ, завѣдываніе всѣми, безъ исключенія, проявленіями мѣстной жизни и удовлетвореніе всѣхъ мѣстныхъ нуждъ. Изъ этого бѣглаго очерка обязанностей сельской самоуправляющейся единицы еще рельефнѣе выясняется, что сельское самоуправленіе

должно быть, именно, безсословнымъ, что въ немъ должны объединиться всѣ сословія и классы мѣстнаго населенія. Здѣсь должны быть представители церкви, школы, врачебнаго дѣла, а также и всѣхъ, безъ исключенія, отраслей мѣстной производительности и промышленности.

Читатель видитъ, такимъ образомъ, что, въ вопросѣ о сельскомъ управленіи, приходится имѣть дѣло не съ «ломкою», а съ созданіемъ такой самоуправляющейся единицы, которая могла бы «дѣло дѣлать» на мѣстѣ, въ жизни, которая сознавала бы свое мѣсто въ государственномъ организмѣ и свою роль въ общей системѣ государственнаго управленія. Только такая единица мѣстнаго управленія можетъ быть производительнымъ государственнымъ факторомъ, какъ въ культурномъ, такъ и въ экономическомъ отношеніяхъ. При существованіи такой единицы, канцелярскій тормазъ уничтожится въ самомъ корнѣ; весь ходъ народной жизни будетъ регулироваться не въ кабинетахъ и не бумажнымъ путемъ, а въ самой дѣйствительной жизни и, притомъ, непосредственно, практическимъ путемъ. Правительственная власть получитъ въ лицѣ такой самоуправляющейся единицы самаго надежнаго распорядительно-исполнительнаго агента, прямо и непосредственно заинтересованнаго въ дозорливомъ завѣдываніи мѣстными интересами и нормальномъ удовлетвореніи мѣстныхъ пользъ и нуждъ. Съ другой стороны, подъемъ уровня сельскаго управленія и постановка его, какъ дѣятельнаго фактора правительственной власти, въ культурномъ и экономическомъ отношеніяхъ, поднимутъ значеніе деревни въ глазахъ и ея самой, и общества.

Деревня перестанетъ быть захолустьемъ и обратится въ разумный центръ общественной жизни и дѣятельности; она научится мыслить не объ одномъ только земледѣліи, но и обо всемъ томъ, что непосредственно соприкасается съ земледѣліемъ и имѣетъ отношеніе къ сельскому общественному быту; она сознаетъ свое положеніе и роль въ государствѣ, и ея интересы расширятся дальше ея предѣловъ.

Какъ назвать намѣченную нами здѣсь первоначальную единицу мѣстнаго управленія при полномъ уравненіи всѣхъ сословій, не исключая крестьянскаго?

Называйте ее, какъ угодно, но только не «волостью». Понятіе о волости слишкомъ затаскано и загрязнено, въ теченіе болѣе чѣмъ 20-тилѣтней практики крестьянскаго самоуправства, цѣликомъ замѣнившаго собою то сельское «самоуправленіе», которое имѣлось въ виду законодательствомъ. Какъ-бы ни назвали волость — всесословною или безсословною, крестьянскому населенію долго невозможно будетъ отрѣшиться отъ представленія о волости, какъ о центрѣ поркн, мордобитія, пьянства, подкупа и прочаго самоуправства, продолжавшаго держать сельское населеніе въ рабской неволѣ, почти такой-же тягостной, какъ и крѣпостническое рабство. Одно слово «волость» заставитъ сельское населеніе отшатнуться отъ новаго учрежденія, какими-бы придаточными названіями ни разукрашивали его. Проектируемую нами единицу сельскаго самоуправленія несравненно практичнѣе назвать уѣздным участком.

Глядя по густотѣ населенія въ данномъ уѣздѣ, числен-

ность участка можетъ измѣняться примѣрно отъ 10 до 20 тысячъ человѣкъ. Большая, сравнительно, численность участка, особенно въ примѣненіи къ количеству населенія нынѣшней волости, необходима по двумъ причинамъ. Вопервыхъ, въ каждомъ участкѣ должны быть свои общеобразовательныя учебныя заведенія, своя врачебная помощь, свое кредитное учрежденіе и т. д.; значитъ, численность населенія уѣзднаго участка должна быть настолько значительна, чтобы сборы на мѣстныя нужды не были обременительны для него. Вовторыхъ, участки должны обнять собою какъ сельское, такъ и все прочее мѣстное населеніе: духовенство, землевладѣльцевъ и торговое сословіе, фабрикантовъ и заводчиковъ и т. д.,— словомъ, всѣ слои мѣстнаго населенія. При образованіи участковъ, обязательно озаботиться тѣмъ, чтобы элементы, входящіе въ составъ его, были, какъ можно болѣе, разнообразны. Это необходимо для того, чтобы, какъ можно болѣе, разнообразные интересы мѣстнаго населенія приходили въ непосредственное между собою соприкосновеніе, такъ какъ только сочетаніе разнообразныхъ интересовъ рождаетъ культуру.

Вся положительная дѣятельность нынѣшнихъ уѣздныхъ управъ должна перейти въ участки, съ тѣмъ, притомъ, условіемъ, чтобы участки являлись органами самоуправляющимися въ полномъ смыслѣ слова, во всеоружіи власти разрѣшающей и распорядительно-исполнительной, насколько, конечно, ихъ компетенція можетъ касаться *частныхъ* проявленій государственной жизни.

Участковое управленіе слагается изъ двухъ элементовъ:

съѣздовъ выборныхъ людей отъ всѣхъ слоевъ мѣстнаго населенія, начиная съ духовенства, учителей и врачей и кончая крестьянами, торговцами, фабрикантами и заводчиками, и правленія, состоящаго изъ участковаго головы и его помощника. Роль съѣзда - распорядительная, правленія — исполнительная. Съѣзды должны происходить періодически, не менѣе четырехъ разъ въ годъ. Участковый голова — начальникъ участка, управляющій имъ на основаніи полномочій съѣзда и подъ его контролемъ.

Участокъ — довольно значительная территорія. Его дѣятельность, повторяемъ мы, должна быть чужда канцеляризма; завѣдываніе мѣстными пользами и нуждами и удовлетвореніе ихъ должны производиться не бумажнымъ путемъ, а практическимъ, дѣловымъ образомъ, непосредственно въ самой жизни. Значитъ, участки должны имѣть вспомогательные мѣстные органы, на которые они могли бы опираться въ своей дѣятельности. Такими естественными органами являются церковные приходы. Приходъ долженъ быть не религіознымъ только, но и административно-хозяйственнымъ центромъ, подъ контролемъ, разумѣется, участка. Управленіе приходомъ должно быть также выборное. Каждое село выбираетъ отъ себя по одному или нѣсколько членовъ (смотря по численности населенія села) для приходскаго схода. Въ числѣ членовъ приходскаго схода должны быть также представители и отъ другихъ слоевъ населенія. Приходскій сходъ долженъ вѣдать всѣ мѣстныя пользы и нужды, включая сюда религіозныя потребности, элементарное образованіе, благотворительность (призрѣ-

ніе сирыхъ и престарѣлыхъ), сельско-хозяйственное и торговое дѣло, пути сообщенія и т. д. Во главѣ прихода долженъ стоять приходскій попечитель, завѣдующій и управляющій дѣлами на тѣхъ же основаніяхъ, какъ и участковый голова. Приходскій сходъ выбираетъ изъ среды своей членовъ участковаго съѣзда. Сходъ собирается по мѣрѣ надобности, по желанію членовъ схода или ихъ избирателей.

Какъ въ участковомъ съѣздѣ, такъ и въ приходскомъ сходѣ должна быть самая полная и непосредственная связь между избирателями и избранными. Избирателямъ должно быть предоставлено право давать своимъ избраннымъ инструкціи и наставленія для ходатайствъ и заявленій въ извѣстномъ направленіи, уклоненіе отъ которыхъ должно считаться злоупотребленіемъ, влекущимъ за собою потерю избирательнаго права. Поэтому въ дѣлахъ прихода и участка должна быть допущена самая широкая гласность, чтобы избиратели могли до мелочей контролировать дѣятельность своихъ избранныхъ. Мало того: избирателямъ должно быть предоставлено право самостоятельно входить съ заявленіями и ходатайствами въ приходскіе сходы и участковые съѣзды. При этомъ условіи, невозможно будетъ никакое злоупотребленіе со стороны органовъ сельскаго самоуправленія, никакое уклоненіе избранныхъ отъ воли избирателей, никакое насиліе со стороны первыхъ надъ волею послѣднихъ. Дѣятельность мѣстнаго начальства — участковаго головы и приходскаго попечителя—будетъ находиться всегда подъ самымъ бдительнымъ контролемъ мѣстнаго общества, и воля распорядительныхъ учрежденій — съѣзда и

схода—неминуемо будетъ исполняться въ точности. Въ положеніи начальства и его роли утратятся даже поводы къ своевластію и нарушенію закона, такъ какъ каждый членъ мѣстнаго общества будетъ въ должной мѣрѣ вооруженъ всѣми правами и полномочіями, чтобы сдерживать мѣстныя власти въ предѣлахъ законности.

Разсматривая вопросъ объ эмансипаціи труда, мы, между прочимъ, указали, что «начальство должно существовать для населенія», а не наоборотъ, какъ это практикуется теперь; рабочее населеніе, ни въ какомъ случаѣ, не должно отрываться отъ работъ для явки по начальству; начальство должно являться въ опредѣленные сроки на мѣсто, въ деревню, для выполненія всевозможныхъ служебныхъ требъ и разбора текущихъ дѣлъ. При изложенной нами организаціи участковаго управленія, выполнить это очень легко. Деревня сохраняетъ право схода для выбора приходскаго члена, внесенія коллективныхъ заявленій, ходатайствъ и жалобъ и т. д.; но, во избѣжаніе сословнаго отщепенства, сословной изолированности и замкнутости, деревня пользуется политическими правами, только примыкая къ приходу, и, ни въ какомъ случаѣ, не должна представлять собою самостоятельный центръ управленія. Для разбора текущихъ дѣлъ деревни (земельныхъ раздѣловъ, распредѣленія повинностей и т. д.) на мѣсто, въ деревню, долженъ являться приходскій попечитель. При этомъ условіи, сельское міроѣдство, принявшее въ настоящее время такіе ужасные размѣры, будетъ уничтожено въ самомъ корнѣ, потому что будетъ уничтожена са-

мая почва, обильно питавшая до сихъ поръ міроѣдство, какъ-то: обиліе начальства и недоступность его, безконтрольность и, вслѣдствіе этого, страшный произволъ всѣхъ властей, начиная съ сельскаго старосты и писаря (сельскаго и волостнаго) и кончая старшиною, становымъ и исправникомъ.

Мы установляемъ здѣсь лишь основныя начала, которымъ должна удовлетворять организація сельскаго управленія. Уѣздное управленіе должно дать подробное руководство въ отношеніи распорядка дѣлъ и контроля въ участковомъ управленіи; то же самое должны сдѣлать: участокъ въ отношеніи приходовъ, а приходы—въ отношеніи деревень.

ГЛАВА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ.

Послѣдствія организаціи приходскаго и участковаго управленія на проектируемыхъ нами началахъ:—развитіе самодѣятельности населенія во всѣхъ сферахъ труда и народнаго хозяйства и усиленіе правительственной власти единствомъ отправленій административнаго механизма.

Изъ того, что сказано нами объ организаціи первоначальной единицы управленія, читатель, слѣдившій за разработаннымъ нами планомъ, долженъ убѣдиться, что установленныя нами основныя руководящія начала совершенно послѣдовательно проходятъ черезъ всѣ ступени управленія, до деревни включительно. Это—лучшее доказательство справедливости ихъ. Но бросимъ еще бѣглый взглядъ на печальное прошлое нынѣшняго крестьянскаго управленія, какъ первоначальной единицы общей системы государственнаго управленія.

До сихъ поръ сельское управленіе у насъ служило камнемъ преткновенія во всѣхъ общегосударственныхъ реформахъ. Двадцать лѣтъ тому назадъ, переустройство нашего общественнаго склада началось съ устройства крестьянскаго самоуправленія, въ видѣ сельской общины и волости. Этотъ родъ самоуправленія былъ допущенъ въ видѣ переходной мѣры къ включенію крестьянскаго управленія въ общую систему управленія. Если бы устройство крестьянскаго быта было окончено ко времени

введенія земскихъ учрежденій, то сельское управленіе обязательно должно было бы быть организовано на началахъ бессословности, какъ и земство. Но, къ несчастію, этого не случилось. Крестьянское населеніе и сельское управленіе не только не были приведены въ органическую связь съ земскими учрежденіями, но даже, напротивъ, были совершенно разобщены съ ними. Земство, которому приходится вѣдать почти исключительно нужды деревни и сельскаго населенія, до сихъ поръ не имѣетъ своего органа управленія въ деревнѣ. Въ этомъ обстоятельствѣ и заключается главная причина безличности и бездѣятельности земства.

Съ другой стороны, сельское управленіе, образованное изъ крестьянъ и для однихъ только крестьянъ, безсильное въ смыслѣ вѣдѣнія и удовлетворенія всѣхъ, вообще, мѣстныхъ пользъ и нуждъ, служенія интересамъ всѣхъ сословій и классовъ населенія данной мѣстности, имѣло по отношенію къ крестьянству исключительно отрицательное значеніе. Оно принижало даже тотъ ничтожный, культурный уровень, на которомъ крестьянство стояло въ моментъ его освобожденія. Преданія крѣпостничества, по прежнему, давали себя чувствовать въ полномъ обезличеніи человѣка, сѣченіи, ссылкахъ въ Сибирь и т. д. Вмѣсто помѣщика, народился міроѣдъ-кулакъ и разрушеніе началъ общественности въ крестьянской средѣ, при помощи сельскихъ и мірскихъ властей и весьма опаснаго паразита крестьянства — волостнаго писаря, быстро подвигалось впередъ. Между тѣмъ, въ силу особенностей нашего соціальнаго быта, интересы деревни въ нашей странѣ естественнымъ

образомъ преобладаютъ надъ всѣми другими государственными интересами. Вслѣдствіе этого, волостное правленіе стало неизбѣжнымъ справочнымъ мѣстомъ для всевозможныхъ канцелярій и вѣдомствъ какъ центральнаго, такъ и мѣстнаго управленія. Это обстоятельство совершенно извратило первоначальное назначеніе волости; все ея вниманіе спеціализировалось, съ одной стороны, на очень сложной и совершенно безполезной канцелярской работѣ (какъ, напримѣръ, доставленіе сомнительныхъ статистическихъ свѣдѣній по всевозможнымъ отраслямъ мѣстнаго народнаго хозяйства), а съ другой стороны—на выколачиваніи податей и недоимокъ. Въ результатѣ получаются крайняя неудовлетворительность и недоброкачественность всѣхъ оффиціальныхъ свѣдѣній, добываемыхъ теперь путемъ волости. Центральное управленіе лишено возможности знать дѣйствительное положеніе дѣла на мѣстѣ. Все, живущее внѣ города, не имѣетъ своего органа управленія, такъ какъ нынѣшнее специфически-крестьянское управленіе занимается всѣмъ, что предпишетъ ему начальство, но только не изученіемъ пользъ и нуждъ мѣстнаго населенія и, тѣмъ болѣе, удовлетвореніемъ ихъ. Крестьянское населеніе, вмѣсто предполагавшагося для него сословнаго самоуправленія, имѣетъ волостную канцелярію, стоющую ему чрезмѣрно дорого, и то несимпатичное, недоброжелательное чувство, которое справедливо внушаетъ крестьянству нынѣшнее сельское и волостное управленіе, переносится имъ на всѣ, безъ исключенія, учрежденія, въ которыя, въ большей или меньшей степени, входитъ канцелярская система управленія. Этимъ, главнымъ образомъ, объ-

ясняется подозрительное, недовѣрчивое отношеніе крестьянства ко всѣмъ, безъ исключенія, казеннымъ и общественнымъ учрежденіямъ и тотъ упорный антагонизмъ между крестьянствомъ и земствомъ, который съ каждымъ годомъ дѣлается все болѣе ощутительнымъ.

Совершенно иначе представится дѣло, когда децентрализація будетъ доведена до деревни включительно, когда участковое управленіе будетъ снабжено всѣми необходимыми полномочіями власти разрѣшающей и распорядительно-исполнительной на мѣстѣ; объединитъ между собою всѣ классы населенія, будетъ дѣйствительно вѣдать и удовлетворять нужды всѣхъ, безъ исключенія, сословій и выльется въ проектируемыя нами формы управленія, гдѣ нѣтъ даже и признаковъ чего-либо чиновно-канцелярскаго, гдѣ управлять будутъ живые люди, а не мертвая бумага, гдѣ, вмѣсто нынѣшней системы канцелярскихъ отписокъ, будетъ вестись дѣловое, практическое исполненіе высшихъ распоряженій, гдѣ, наконецъ, нынѣшняя «волокита» населенія по начальству будетъ замѣнена явкою начальства на мѣсто для выполненія всѣхъ текущихъ служебныхъ требъ. Эта система доставитъ также громадное облегченіе какъ центральному, такъ и мѣстному управленію. Огромный процентъ всей положительной работы перейдетъ въ участковое управленіе, гдѣ она только и можетъ быть выполнена сообразно дѣйствительнымъ потребностямъ жизни.

Все, что теперь оказывается труднымъ сдѣлать даже общегосударственными средствами, не говоря уже о мѣстныхъ средствахъ, получитъ немедленное осуществленіе. Нужно-ли проло-

жить желѣзную дорогу, углубить русло рѣки, провести каналъ, согласовать между собою трактовый, водный и рельсовый пути, протянуть телеграфъ и т. д.,—все это должно выполняться всегда тѣми органами мѣстнаго управленія. Каждый участокъ уѣзднаго управленія, на ряду съ другими отраслями мѣстнаго хозяйства, долженъ завѣдывать всѣми находящимися въ немъ водными и сухопутными путями сообщенія и телеграфомъ. Поэтому, какъ устройство путей сообщенія и телеграфовъ, такъ и завѣдываніе ими должны лежать на обязанности мѣстнаго управленія. При этомъ условіи, приноровленность путей сообщенія къ мѣстнымъ потребностямъ, равно какъ и состояніе ихъ будутъ отличаться такимъ совершенствомъ, о которомъ теперь и думать нельзя.

Положимъ, требуется провести желѣзнодорожную линію отъ Архангельска до Астрахани, отъ Петербурга до конечнаго восточнаго пункта Амурскаго края, отъ Саратова черезъ весь Туркестантскій край и т. д. Теперь, при существующей централизаціи управленія, о такой «роскоши» въ средствахъ сообщенія и помышлять невозможно. Но если-бы вся активная дѣятельность была перенесена въ мѣстное управленіе,—эта, почти невыполнимая, при нынѣшнихъ условіяхъ, задача сдѣлалась-бы крайне легкою и удобоосуществимою. Требовалось-бы только установить общее направленіе пути и его нивелировку; постройка-же пути совершалась-бы по участкамъ, одновременно. Это означаетъ иначе, что на устройство колоссальнѣйшаго рельсоваго пути, отъ крайняго западнаго или сѣвернаго до крайняго южнаго или восточнаго пункта Россіи, потребова-

лось-бы почти столько-же времени, сколько нужно на устройство небольшаго рельсоваго пути въ предѣлахъ одного участка уѣзднаго управленія. Такой способъ постройки дорогъ былъ-бы аналогиченъ практикующемуся нынѣ способу мощенія улицъ въ городахъ. Само собою разумѣется, что, при этомъ способѣ устройства желѣзныхъ дорогъ, управленія и завѣдыванія ими, были-бы немыслимы ни обкрадываніе казны желѣзнодорожными управленіями, представляющее теперь, какъ извѣстно, повальное явленіе, ни, тѣмъ болѣе, ужасныя желѣзнодорожныя катастрофы, въ родѣ тилигульской, кукуевской и безчисленнаго множества другихъ. Та-же быстрота получилась-бы относительно приведенія въ порядокъ водныхъ системъ и телеграфнаго сообщенія. Каждое уѣздное участковое управленіе берегло-бы устроенные имъ пути сообщенія и телеграфы, какъ самую драгоцѣнную собственность, и было-бы идеальнымъ, въ этомъ отношеніи, хозяиномъ, какимъ не можетъ быть ни чиновникъ, ни частный эксплоататоръ. Если-бы государству пришлось оказать, въ этомъ отношеніи, матеріальную помощь мѣстному управленію, разумѣется, занмообразно, то эта помощь была-бы во сто кратъ производительнѣе той, которая оказывается теперь господамъ желѣзнодорожникамъ, почти безъ всякой пользы для дѣла, а иногда даже и прямо со вредомъ для государства и общества. Понятно, что на долю каждаго участковаго управленія приходилось-бы извѣстное процентное (поверстное или по другому разсчету) вознагражденіе изъ сборовъ дороги, причемъ часть сбора, которая удерживалась-бы правительствомъ, шла-бы на сооруженіе дорогъ въ малонаселенныхъ мѣстностяхъ.

Послѣ этихъ примѣровъ мы считаемъ совершенно излишнимъ распространяться о томъ, до какого совершенства, съ помощью проектируемаго нами мѣстнаго управленія, можетъ быть ведено дѣло статистическаго изученія мѣстности и съ какою полнотою могутъ быть удовлетворяемы мѣстныя нужды, начиная съ религіозныхъ потребностей, народнаго образованія, врачебнаго дѣла и кончая устройствомъ сельскихъ ярмарокъ и рынковъ, заботою о мѣстныхъ сельско-хозяйственныхъ и торговыхъ интересахъ и т. д. Правительство будетъ имѣть на мѣстѣ, непосредственно у самыхъ корней народной жизни, разумный и бдительный органъ безсословнаго управленія. Голосъ этого управленія относительно мѣстныхъ пользъ и нуждъ, равно какъ и способовъ удовлетворенія ихъ будетъ безусловно компетентенъ, такъ какъ онъ будетъ исходить не отъ одного какого-либо сословія или класса населенія, а отъ всего мѣстнаго населенія, въ которомъ согласованы и уравновѣшены интересы всѣхъ сословій, безъ малѣйшей пристрастности въ ту или другую сторону. На долю-же центральнаго управленія останется только трудъ оберегать прерогативы власти мѣстнаго управленія отъ вредныхъ посторонникъ вліяній и вмѣшательствъ. Насколько теперь центральное управленіе безсильно въ изученіи мѣстныхъ пользъ и нуждъ, наблюденіи за ними, воздѣйствіи на практическую жизнь и исполнительности въ положительной, созидательной дѣятельности, настолько, при существованіи проектируемой нами системы мѣстнаго управленія, правительственная власть будетъ сильна единствомъ отправленій административнаго механизма. Наконецъ, съ центральной правительственной власти спадетъ

тяжкая отвѣтственность за всѣ невзгоды мѣстной жизни. У него будетъ только одна забота о томъ, чтобы всѣ мѣстныя пользы и нужды могли вѣдаться и удовлетворяться, какъ можно полнѣе и непосредственнѣе, самимъ населеніемъ, чтобы способы завѣдыванія и удовлетворенія болѣе и болѣе совершенствовались сообразно условіямъ и требованіямъ практической жизни.

ГЛАВА ПЯТНАДЦАТАЯ.

Все, сказанное нами объ управленіи уѣзднымъ участкомъ, всецѣло относится и къ городу. — Представляемое современною городскою жизнью развитіе культуры исключительно въ сторону торгово-промышленныхъ интересовъ не можетъ быть признано прогрессомъ съ общегосударственной точки зрѣнія.

Все, сказанное нами объ управленіи уѣзднымъ участкомъ, всецѣло относится и къ городу. Городъ и село такъ тѣсно соприкасаются между собою въ матеріальномъ и нравственномъ отношеніяхъ, что рѣшительно невозможно, съ достаточною опредѣленностью, сказать, гдѣ кончаются интересы перваго и начинаются интересы втораго.

Еще и въ настоящее время у насъ можно насчитать болѣе половины общаго числа городовъ, въ которыхъ земледѣліе составляетъ одну изъ важнѣйшихъ отраслей мѣстной промышленности и населеніе продолжаетъ тяготѣть къ деревнѣ. Даже немногіе изъ большихъ городовъ успѣли вполнѣ разстаться съ земледѣльческою промышленностью. При существующихъ у насъ соціальныхъ условіяхъ, деревня питаетъ городъ, отдаетъ ему всѣ результаты своихъ трудовъ, создаетъ и поддерживаетъ его благосостояніе.

Къ сожалѣнію, рѣзкая обособленность деревни отъ города не даетъ послѣднему возможности, и въ свою очередь, заботиться о благосостояніи своей кормилицы—деревни и, въ ка-

чествѣ центра интеллигенціи, содѣйствовать поднятію деревни въ умственномъ, нравственномъ и экономическомъ отношеніяхъ. Всѣ отношенія города къ деревнѣ сводятся у насъ, какъ мы уже объяснили, къ административной опекѣ, очень тягостной въ нравственномъ отношеніи и скорѣе вредной, чѣмъ полезной въ практической дѣятельности.

Уничтоженіе этихъ ненормальныхъ отношеній между городомъ и деревней возможно лишь при сближеніи ихъ единствомъ организаціи безсословнаго общественнаго управленія. Функціи общественнаго городскаго управленія тѣ-же, которыя, по нашему плану, обязательно подлежатъ вѣдѣнію участковаго уѣзднаго управленія, и должны выполняться на тѣхъ-же основаніяхъ, какъ и въ уѣздномъ участкѣ. Во главѣ города, какъ и уѣзднаго участка, должно стоять выборное обществомъ лицо — голова, въ качествѣ главнаго начальника даннаго района, управляющаго имъ на основаніи постановленій и полномочій общественныхъ представителей и подъ ихъ контролемъ. Какъ въ уѣздномъ участкѣ, такъ и въ городѣ приходъ является готовымъ факторомъ мѣстнаго общественнаго управленія, которое обязательно должно децентрализироваться по приходамъ, какъ составнымъ органическимъ частямъ городскаго и уѣзднаго участковаго управленія.

Нынѣшнее городское управленіе — узко сословное; оно, въ ущербъ интересамъ всѣхъ другихъ слоевъ городскаго населенія, находится въ рукахъ почти исключительно торговаго сословія. Потому-то и такъ ничтожно значеніе нашихъ городовъ съ точки зрѣнія обще-государственной культуры, такъ низменно вліяніе ихъ,

какъ центровъ наиболѣе развитой части населенія. При нынѣшнемъ положеніи городскаго управленія, города наши могутъ развиваться и дѣйствительно развиваются и культивируются, хотя, правда, и очень медленно, въ торгово-промышленномъ отношеніи. Разумѣется, въ интересахъ государства и общества, весьма важна и эта сторона развитія и усовершенствованія городской жизни; но развитіе культуры исключительно въ сторону торгово-промышленныхъ интересовъ вовсе не представляетъ собою прогресса съ обще-государственной точки зрѣнія.

Съ другой стороны, не менѣе рельефно на нынѣшнемъ городскомъ управленіи замѣтны и мертвящее вліяніе канцеляризма, и отсутствіе должныхъ размѣровъ децентрализаціи. Въ противоположность деревнѣ, пункту естественныхъ условій жизни, городъ, обязанный своимъ происхожденіемъ уму, энергіи и предпріимчивости человѣка, есть пунктъ искусственный и, въ этомъ отношеніи, является средоточіемъ всесторонняго человѣческаго творчества, лихорадочно-кипучей дѣятельности, гдѣ некогда зѣвать, гдѣ каждаго зазѣвавшагося жизнь безпощадно обходитъ, выбрасываетъ за бортъ или даже раздавливаетъ на мѣстѣ. Здѣсь некогда медлить, ждать; здѣсь «время—деньги» въ буквальномъ смыслѣ слова; здѣсь каждое новое предпріятіе необходимо приводить въ исполненіе немедленно, безотлагательно, потому что, повторяемъ, время не ждетъ. Канцелярскій путь прошеній, ходатайствъ, заявленій и т. п., сопровождающійся, какъ извѣстно, невѣроятно-длинною, утомительною «волокитою» и отталкивающею казуистикою, является не только тормазомъ, но и пагубою для предпринимательской

дѣятельности. Говоря объ эмансипаціи труда, мы подробно разъяснили и причины, почему вся разрѣшающая и распорядительно-исполнительная власть, въ сферѣ интересовъ мѣстной жизни и предпринимательской дѣятельности, должна быть перенесена на мѣсто и вручена общественному управленію, городскому и уѣздному—участковому. Разбирая вопросъ объ организаціи участковаго уѣзднаго управленія, мы указали на то, что начальство должно существовать для населенія, а не наоборотъ, и потому, чтобы не отрывать населенія отъ работъ, должны быть установлены опредѣленные сроки, въ которые начальство обязано являться въ деревни для исполненія текущихъ служебныхъ обязанностей непосредственно на мѣстѣ, безъ всякихъ канцелярскихъ обрядностей, кромѣ простой записи просьбъ, заявленій, жалобъ и рѣшеній. Точно также и въ городскомъ управленіи должны быть уничтожены даже слѣды канцеляризма; простота и быстрота рѣшеній должны быть доведены до того, чтобы по текущимъ дѣламъ можно было получать отвѣты и справки по телеграфу; чтобы тратить минуты и, въ крайнемъ случаѣ, часы на полученіе разрѣшеній несложныхъ ходатайствъ, просьбъ и заявленій, на которыя, какъ извѣстно, теперь уходятъ мѣсяцы; чтобы самыя сложныя ходатайства и просьбы разрѣшались въ 2—3 дня, а не въ теченіе года и болѣе, какъ теперь.

Мы сказали, что канцеляризмъ—пагуба для предпринимательской дѣятельности, и это, къ несчастію, не преувеличеніе, а голый, живой, неотразимый фактъ. Возьмите любой изъ, такъ-называемыхъ, «бойкихъ» русскихъ городовъ, начиная съ

Петербурга и кончая Архангельскомъ, Астраханью, Царицынымъ, Баку и Поти: если «бойкость» русскаго города въ торгово-промышленномъ отношеніи перевести на европейское понятіе, то она окажется какимъ-то страннымъ полусномъ, какимъ-то безъотчетнымъ, полусознательнымъ состояніемъ, въ которомъ люди куда-то двигаются, что-то дѣлаютъ, но каждый для себя, безъ общей руководящей цѣли. У насъ, напримѣръ, въ большой модѣ проведеніе аналогіи между Россіею и Америкою, русскими и американцами. Еще недавно эта насильственно установленная аналогія красовалась на страницахъ русскихъ газетъ. Въ дѣйствительности-же, если мы имѣемъ что-нибудь общее съ американцами, то пока только in potentia. Другое дѣло, когда городское и уѣздное управленіе будетъ организовано на основаніяхъ общественнаго управленія и безсословности, съ должною децентрализаціею власти, разрѣшающей и распорядительно-исполнительной,—тогда, можетъ быть, и сравненіе съ американцами окажется для насъ несовсѣмъ лестнымъ. Русскій человѣкъ представляется лѣнивымъ, апатичнымъ, непредпріимчивымъ, даже тупымъ и непонятливымъ до тѣхъ поръ, пока онъ обязанъ возлагать всѣ свои упованія на канцелярію, убаюкавшую его до того, что онъ, и въ самомъ дѣлѣ, серьезно начинаетъ думать: «на то есть начальство, которое заботится о насъ», складываетъ руки передъ нуждою и затрудненіями и смиренно ждетъ милостей начальства. Да и что-же, дѣйствительно, дѣлать ему, если опека связала его по рукамъ и ногамъ, если безъ опеки и шагу нельзя ступить?.. Снимите съ русскаго человѣка канцелярски-

чиновничью опеку, заставьте его самого «заботиться» о себѣ, не уповая на милости начальства, и безусловно-талантливая русская натура,—не менѣе талантливая, чѣмъ американская,—развернется во всю ширь по всѣмъ направленіямъ общественной дѣятельности. Тогда и русское село будетъ походить на село американское, и русскій народъ станетъ такимъ-же чудомъ неутомимой торгово-промышленной дѣятельности, какъ американскій.

Таковы общія основанія организаціи городскаго общественнаго управленія на началѣ безсословности. Городъ, утративъ административное главенство надъ деревнею, станетъ къ ней въ близкія, непосредственныя отношенія.

Но мало сблизить только городъ съ деревнею единствомъ организаціи безсословно-общественнаго управленія,—ихъ необходимо еще объединить, слить въ одно органически цѣлое, взаимно пополняющее другъ друга. Это—задача существующаго уѣзднаго и губернскаго земскаго управленія.

ГЛАВА ШЕСТНАДЦАТАЯ.

За участковымъ управленіемъ слѣдуетъ уѣздное, а за уѣзднымъ—губернское. — Задача уѣзднаго управленія—объединить интересы отдѣльныхъ участковъ уѣзда и города, слить всѣ части послѣдняго въ одну высшую, также цѣльную единицу управленія.—Задача губернскаго управленія—обобщить интересы всей губерніи, всѣхъ уѣздовъ. — Роль губернскаго управленія въ отношеніи уѣзднаго и обратно—лишь наблюдательная, руководящая и контролирующая.

Изложивъ основанія организаціи городскаго общественнаго управленія въ связи съ участковымъ, мы, въ настоящей бесѣдѣ, перейдемъ къ организаціи уѣзднаго и губернскаго управленія на земскомъ началѣ.

Соотвѣтственно тому, какъ въ уѣздномъ участкѣ собраніе отдѣльныхъ приходовъ должно представлять одну цѣльную единицу мѣстнаго управленія, обнимающую интересы и нужды всего населенія участка, безъ различія сословій, задача уѣзднаго управленія—объединить интересы отдѣльныхъ участковъ уѣзда и города, слить городъ и деревню, т. е. весь уѣздъ, въ одну высшую, также цѣльную единицу управленія, а задача губернскаго управленія—обобщить интересы всей губерніи, т.-е. всѣхъ уѣздовъ, входящихъ въ составъ губерніи, объединить все мѣстное управленіе однимъ общимъ руководящимъ началомъ и служить непосредственнымъ представителемъ общественнаго управленія передъ центральною властью. При этой системѣ, искусственно-формальное дѣленіе государства на губерніи и уѣзды замѣнится свободной группировкой населенія по районамъ, служащимъ естественными центрами его интересовъ (таковы, напримѣръ, районы: фабричные, земледѣльческіе

торговые и т. п.) и нуждающимся, поэтому, въ самостоятельныхъ приходскихъ или участковыхъ органахъ управленія. Однимъ словомъ, все, входящее въ составъ губерніи, начиная съ деревушки и маленькаго помѣстья, затерявшихся въ дебряхъ провинціальной глуши, и кончая уѣзднымъ и губернскимъ городами, будетъ жить одною общею жизнью, преслѣдовать одинъ и тѣ-же цѣли матеріальнаго и нравственнаго преуспѣянія. Городъ, лишившись своего изолированнаго и независимаго положенія и, такъ сказать, исчезнувъ въ уѣздѣ, какъ одинъ изъ его участковъ, долженъ будетъ заботиться о преуспѣяніи деревни, отъ которой зависитъ и его собственное процвѣтаніе; деревня-же, въ свою очередь, снабжая городъ продуктами своего труда, въ то-же время, будетъ вносить свою долю въ его духовно-интеллектуальныя средства, которыми она будетъ пользоваться наравнѣ со всѣми другими элементами уѣзда. То-же самое слѣдуетъ сказать и о взаимныхъ отношеніяхъ отдѣльныхъ уѣздовъ въ губерніи. Развиваясь самостоятельно и преслѣдуя свои спеціальныя цѣли, опредѣляющіяся мѣстными условіями, они будутъ тѣсно соприкасаться между собою въ преслѣдованіи общихъ интересовъ, каковы, напримѣръ: распредѣленіе общихъ повинностей, организація общаго продовольственнаго капитала и различныхъ видовъ страхованія, сооруженіе путей сообщенія, установленіе почтовыхъ сношеній и т. п. Руководящимъ началомъ во всѣхъ подобныхъ вопросахъ или—другими словами—во всѣхъ пунктахъ соприкосновенія между уѣздами будетъ служить принципъ взаимной помощи, который и долженъ проходить черезъ

все мѣстное управленіе, начиная съ приходскаго и кончая губернскимъ.

Какъ уѣздное, такъ и губернское управленіе должны быть организованы на тѣхъ-же основаніяхъ безсословнаго общественнаго представительства, какъ и участковое и городское управленія. Разница лишь въ томъ, что уѣздное и губернское управленіе представляютъ собою высшія инстанціи мѣстнаго общественнаго управленія. Уѣздное управленіе должно опираться, въ своей дѣятельности, на вполнѣ самостоятельные мѣстные органы—участковое и городское управленія, облеченныя полномочіями власти разрѣшающей и распорядительно-исполнительной, губернское-же управленіе должно опираться на подчиненные ему вспомогательные органы—уѣздныя управленія. Формально подобныя отношенія между этими единицами управленія существуютъ и теперь; но мы вносимъ въ эти отношенія совершенно другое начало. Роль губернскаго общественнаго управленія въ отношеніи уѣзднаго и уѣзднаго въ отношеніи участковаго—лишь наблюдательная, руководящая и контролирующая, но, ни въ какомъ случаѣ, не начальническая—предписывающая и приказывающая; управленіе должно вестись живыми людьми, а не мертвою бумагою; дѣло должно дѣлаться непосредственно въ жизни, а не въ тайникахъ канцелярской тиши, и самимъ обществомъ, мѣстнымъ населеніемъ, черезъ избранныхъ имъ лицъ, всѣмъ благосостояніемъ своимъ заинтересованныхъ въ наилучшемъ положеніи мѣстнаго хозяйства, въ наисправедливѣйшемъ удовлетвореніи мѣстныхъ нуждъ.

Мы говоримъ объ организаціи уѣзднаго и губернскаго общественнаго управленія на земскомъ началѣ. Это доказываетъ, что мы принимаемъ за основаніе дѣйствующій уже нынѣ принципъ земскаго самоуправленія, который, по существу своему, вполнѣ удовлетворителенъ, но не выдерживаетъ самой снисходительной критики съ точки зрѣнія практики земскихъ учрежденій, и, притомъ, какъ мы уже раньше объяснили, вовсе не потому, чтобы учрежденія эти были задуманы скороспѣло, неосновательно, а вслѣдствіе дуализма мѣстнаго управленія, т.-е., одновременнаго примѣненія двухъ началъ— канцелярски-бюрократическаго и безсословно-общественнаго, и, такъ называемыхъ, «сторонніхъ, неблагопріятныхъ обстоятельствъ и вліяній», подъ воздѣйствіемъ которыхъ, со времени открытія земскихъ учрежденій, происходило систематическое приниженіе общественнаго начала въ мѣстномъ управленіи въ пользу усиленія элемента чиновно-канцелярскаго. Значитъ, пользуясь готовымъ уже принципомъ земскаго общественнаго управленія, необходимо, прежде всего, освободить его отъ тѣхъ «обстоятельствъ и вліяній», которыя способствовали расширенію, за его счетъ, чиновно-канцелярскаго элемента; затѣмъ, сдѣлать существующее земское самоуправленіе господствующею частью всей проектируемой нами общей системы мѣстнаго управленія и, наконецъ, въ точности регулировать его отношенія къ административной власти на такихъ основаніяхъ, которыя исключили-бы возможность вторженія черезъ него въ мѣстное управленіе бюрократическаго начала.

ГЛАВА СЕМНАДЦАТАЯ.

Главная основа общественнаго управленія—представительство на выборномъ началѣ. — Въ управленіи дѣлами прихода и участка должно принимать участіе все мѣстное населеніе, безъ различія сословій и состояній; для представительства-же въ уѣздномъ общественномъ управленіи необходимо установить смѣшанный цензъ; а) имущественный, б) образовательный и в) единогласное избраніе (нравственный авторитетъ).

Въ предъидущей главѣ мы представили полную картину взаимныхъ отношеній между отдѣльными органами мѣстнаго общественнаго управленія, начиная съ города, уѣзднаго участка и прихода и кончая уѣзднымъ и губернскимъ управленіемъ. Теперь остается разсмотрѣть организацію уѣзднаго и губернскаго общественнаго управленія, какъ органа правительственной власти, самостоятельно завѣдующаго и управляющаго всѣми сторонами и проявленіями мѣстной жизни, всѣми отраслями народнаго хозяйства и промышленности,—самостоятельно удовлетворяющаго всѣ потребности мѣстной жизни до охраны общественнаго порядка и безопасности включительно.

Главная основа общественнаго управленія—представительство на выборномъ началѣ. Необходимо обезпечить равноправное представительство за всѣми слоями населенія, за всѣми частями города и уѣзда. Необходимо, чтобы представительство захватывало собою, привлекало къ общественной работѣ всѣ выдающіяся силы страны. Тогда жизнь не будетъ переполняться «лишними людьми» и старая пѣсня о «недостаткѣ людей» превратится въ забавную легенду. Каждый слой населенія, каждая часть города и уѣзда, пользуясь правомъ

представительства, должны будутъ сознавать, что вина и отвѣтственность за невзгоды мѣстной жизни, за нерадѣніе о мѣстныхъ пользахъ и нуждахъ падаетъ, прежде всего и главнымъ образомъ, на нихъ-же самихъ; что имъ не на кого сваливать вину, а приходится самимъ, собственными силами, заботиться объ удовлетвореніи мѣстныхъ потребностей. Естественно, поэтому, что и выборы общественныхъ представителей, и ходъ мѣстнаго хозяйства, и дѣятельность выборныхъ лицъ—все это самымъ живымъ и непосредственнымъ образомъ должно будетъ интересовать каждый уголокъ Россіи, каждый слой населенія, потому что за всякій промахъ и недосмотръ имъ придется платиться собственнымъ благополучіемъ. И повсемѣстно, на всей русской территоріи, гдѣ есть только живые люди, пробудится работа общественной мысли, явится интересъ къ общественнымъ дѣламъ, народится самое о б щ е с т в о и установится общественное мнѣніе, которое будетъ проявляться въ каждомъ фактѣ, каждомъ вопросѣ мѣстной жизни. Нынѣшнія апатія и бездѣятельность общества сдѣлаются совершенно невозможными,—ихъ неминуемо замѣнитъ повсемѣстное возбужденіе самаго горячаго и энергическаго общественнаго почина и самодѣятельности во всѣхъ, безъ исключенія, отрасляхъ народной жизни.

Глядя на дѣло съ принципіальной точки зрѣнія, предоставленіе населенію указанныхъ нами правъ должно предшествовать вопросамъ о цензѣ, обложеніи и т. д. Политическія права человѣка должны обусловливаться его личностью. Но, съ другой стороны, механизмъ общественной жизни очень сло-

женъ, потребности разнообразны и на удовлетвореніе ихъ необходимы извѣстныя матеріальныя затраты изъ мѣстныхъ народныхъ средствъ. Поэтому, не платящихъ на общественныя надобности нельзя уравнять въ правахъ съ платящими. Наконецъ, для управленія общественными дѣлами требуется извѣстная степень подготовки, извѣстный уровень умственнаго развитія. Эти сложныя и, повидимому, противорѣчивыя требованія выборнаго начала удовлетворяются сами собою, безъ малѣйшей натяжки, при условіи проектированной нами системы мѣстнаго общественнаго управленія—участковаго, уѣзднаго и губернскаго.

Въ управленіи дѣлами прихода и участка (т.-е. какъ въ сельскомъ районѣ, такъ и въ городѣ) должно принимать участіе все мѣстное населеніе. Каждый членъ населенія, проживши въ данной мѣстности не менѣе двухъ лѣтъ, имѣетъ право избирательнаго голоса и, значитъ, можетъ быть избираемъ для управленія дѣлами приходскаго района и участка. Это нисколько не противорѣчитъ имущественной заинтересованности населенія въ мѣстномъ управленіи. Какъ было уже разъяснено раньше, проектированная нами система мѣстнаго общественнаго управленія неразрывно связана съ кореннымъ преобразованіемъ податной системы, на основаніяхъ подоходнаго налога и самообложенія. Значитъ, каждый мѣстный житель, имѣющій постоянную осѣдлость или опредѣленный родъ занятій, есть, вмѣстѣ съ тѣмъ, и непремѣнный участникъ въ матеріальномъ удовлетвореніи мѣстныхъ нуждъ или, что то же, прямо заинтересованъ въ ходѣ мѣстныхъ дѣлъ и, слѣдова-

тельно, имѣетъ неоспоримое право на голосъ въ мѣстныхъ дѣлахъ.

Нѣсколько иначе представляются выборы представителей уѣзднаго общественнаго управленія. Здѣсь, по сложности самой задачи управленія, необходимъ цензъ, и, притомъ, непремѣнно смѣшанный цензъ: а) имущественный, б) образовательный и в) единогласное избраніе (т.-е. нравственный авторитетъ). При условіи такого ценза, рѣшительно невозможно, чтобы лицо, сколько-нибудь выдающееся по своимъ практическимъ способностямъ, умственному развитію или нравственнымъ качествамъ, могло быть обойдено общественнымъ избраніемъ. Какъ имущественный, такъ и образовательный цензъ, необходимый для представителей уѣзднаго общественнаго управленія, можно установить только минимальный и, затѣмъ уже, сообразно мѣстнымъ условіямъ, онъ можетъ быть повышаемъ, по желанію самаго мѣстнаго общества и съ разрѣшенія мѣстныхъ инстанцій общественнаго управленія—уѣзднаго и губернскаго.

Минимальнымъ имущественнымъ цензомъ, дающимъ право быть избраннымъ въ представители уѣзднаго общественнаго управленія, необходимо признать тотъ, который, въ настоящее время, считается достаточнымъ для выбора въ присяжные засѣдатели. Въ виду нынѣшняго всеобщаго обѣдненія, для огромной части Россіи такой имущественный цензъ едва-едва въ пору, чтобы не закрыть дорогу къ общественной дѣятельности преобладающей части государственнаго населенія—рабочему классу. Безъ сомнѣнія, найдутся и такіе

счастливые, сравнительно—зажиточные районы, въ которыхъ имущественный цензъ можетъ быть повышенъ въ нѣсколько разъ. Но, повторяемъ, повышеніе это, ни въ какомъ случаѣ, не можетъ быть предрѣшено закономъ: оно должно быть предоставлено самому мѣстному населенію, такъ какъ только при этомъ условіи можетъ быть соблюдена равномѣрность интересовъ представительства всѣхъ слоевъ даннаго общества.

Минимальный образовательный цензъ, дающій право быть избраннымъ въ представители уѣзднаго общественнаго управленія, независимо отъ имущественнаго ценза, долженъ быть не ниже окончанія курса въ городскомъ или уѣздномъ училищѣ. Довольно распространено мнѣніе, что «ученіе отрываетъ рабочее населеніе отъ своей среды». Къ несчастію, въ этомъ мнѣніи есть нѣкоторая доля правды, хотя въ фактѣ «отрыванія отъ среды» виновато не «ученіе», а безправіе по образованію. Въ самомъ дѣлѣ, зачѣмъ человѣку, окончившему курсъ хотя-бы только въ городскомъ или уѣздномъ училищѣ, возвращаться, при нынѣшнихъ условіяхъ, въ родную сельскую рабочую среду? У него настолько уже просвѣтилось сознаніе, что онъ не можетъ впрячься въ подушное ярмо и стать заурядnымъ, безсловеснымъ пахаремъ; иныхъ-же правъ у него нѣтъ,—образованіе не даетъ ему никакихъ личныхъ преимуществъ въ общественномъ отношеніи. Совершенно другое мы увидимъ, когда образованіе, наравнѣ съ имущественнымъ цензомъ, будетъ открывать путь къ общественной дѣятельности. Тогда все, выходящее изъ рабочей среды, прошедши даже полный средне-учебный курсъ,

не задумается возвратиться въ свою среду, гдѣ ему уже не будетъ угрожать опасность сгинуть, одичать, заглохнуть, безслѣдно пропасть въ жизни; а эти единицы явятся свѣточами, піонерами просвѣщенія въ темной массѣ.

Въ практическомъ отношеніи, значеніе такого возврата образованныхъ силъ въ свою родную среду въ высшей степени важно. Это и будетъ то, именно, тяготеніе интеллигентныхъ, образованныхъ силъ къ провинціи, уѣзду, на отсутствіе котораго въ настоящемъ было указано нами выше. Всѣ мы, безъ различія политическихъ оттѣнковъ и партій, съ величайшею симпатіею относимся къ тому, какъ высоко цѣнится въ Америкѣ трудъ, одинаково любимый и уважаемый какъ массою населенія, такъ и образованнымъ классомъ. Эта, дѣйствительно, похвальная, во всѣхъ отношеніяхъ, черта американскаго общежитія съ одинаковымъ усердіемъ ставится, обыкновенно, въ примѣръ русскими людьми какъ либеральнаго, такъ и ретроградnаго направленія. Но, при этомъ, оставляется всегда недосказаннымъ, что̀, именно, мѣшаетъ у насъ уваженію труда и вноситъ въ жизнь несправедливое и неразумное подраздѣленіе труда на «черный» и «чистый», «тяжелый» и «легкій», «привиллегированный» и «непривиллегированный». Трудъ, безъ всякихъ подраздѣленій, уважается лишь тамъ, гдѣ уважается личность человѣка, гдѣ гражданскія и общественныя права человѣка считаются неразрывно связанными съ его личностью.

Безъ сомнѣнія, лишь только образованіе откроетъ путь къ общественной дѣятельности, немедленно обнаружится огром-

ный приливъ общественныхъ силъ въ провинцію, уѣздъ. Вмѣстѣ съ этимъ, кореннымъ образомъ измѣнится у насъ отношеніе къ труду. Люди образованные, возвращаясь въ свою родную среду во всеоружіи гражданскихъ и общественныхъ правъ, не будутъ имѣть поводовъ чуждаться ремесленно-земледѣльческой и промыслово-торговой дѣятельности. Соха, топоръ, пила и молотъ станутъ доступными рукѣ образованнаго человѣка въ такой-же мѣрѣ, какъ мозолистой рукѣ заправскаго рабочаго, заматерѣлой въ одной только физической работѣ.

Выборы гласныхъ, т.-е. членовъ уѣзднаго общественнаго управленія, должны производиться по участкамъ, и, притомъ, такъ, чтобы каждый участокъ выдѣлялъ отъ себя по одному представителю отъ всѣхъ слоевъ мѣстнаго населенія, какъ-то: отъ землевладѣльцевъ и земледѣльцевъ, фабрикантовъ, заводчиковъ и торговаго сословія, духовенства, школьной и врачебной корпораціи.

Сказанное нами выше относительно безъусловной свободы выборовъ представителей приходскаго и участковаго управленія всецѣло имѣетъ отношеніе также и къ выбору членовъ уѣзднаго общественнаго управленія. Только полная свобода выборовъ и выборной агитаціи можетъ научить населеніе выбирать дѣйствительно достойнѣйшихъ, имѣющихъ право на названіе общественныхъ представителей людей. Выборы должны производиться непремѣнно изъ мѣстныхъ жителей, близко знакомыхъ съ мѣстными интересами и нуждами, находящихся въ непосредственныхъ сношеніяхъ съ избирателями. Минимальнымъ выборнымъ возрастомъ необходимо признать обыкновенный возрастъ возмужа-

лости, т.-е. 21 годъ, который, какъ извѣстно, считается достаточнымъ для вступленія въ бракъ, отбыванія воинской повинности, занятія должности учителя или воспитателя средне-учебнаго заведенія и т. д. Пониженіе установленнаго нынѣ 25-ти-лѣтняго возраста для общественнаго служенія до 21 года необходимо, именно, въ видахъ предоставленія избирательныхъ правъ по образованію. Съ какой стати человѣкъ, окончившій курсъ въ среднемъ или высшемъ учебномъ заведеніи, долженъ ждать, пока исполнится ему 25 лѣтъ, непроизводительно тратить лучшее время въ жизни, если онъ, немедленно по окончаніи курса (въ большинствѣ случаевъ 21 года), можетъ послужить обществу съ огромною пользою, какъ человѣкъ полный лучшихъ надеждъ и стремленій?!..

Выборы губернскихъ гласныхъ, т.-е. членовъ губернскаго общественнаго управленія, должны производиться въ уѣздномъ общественномъ собраніи. Каждый уѣздъ долженъ выдѣлять изъ среды своихъ избранниковъ число представителей губернскаго общественнаго управленія, пропорціональное численности населенія уѣзда, имущественному его значенію и размѣрамъ расходовъ на нужды губерніи. Разъ только уѣздное представительство нормально поставлено на основаніяхъ безсословности,—какая-бы то ни было регламентація относительно выборовъ губернскихъ представителей совершенно излишня: разумно и справедливо организованное уѣздное представительство не можетъ дать изъ своей среды неразумнаго и несправедливаго губернскаго представительства. Мало того: согласно тѣмъ основаніямъ, которыя установлены нами раньше, избирате-

лямъ должно быть предоставлено право давать своимъ избранникамъ полномочія и, большинствомъ двухъ третей голосовъ, замѣнять ихъ, въ случаѣ нарушенія ими этихъ полномочій, ближайшими кандидатами. Этотъ принципъ общественнаго избранія подчиняетъ дѣятельность высшей инстанціи общественнаго управленія—управленія губернскаго—самому строгому и тщательному контролю со стороны низшихъ инстанцій: общественнаго управленія уѣзднаго, участковаго и приходскаго. Вмѣстѣ съ тѣмъ, это наилучшая, надежнѣйшая гарантія добросовѣстнаго исполненія общественными избранниками лежащихъ на нихъ обязанностей.

Такимъ образомъ, изъ того, что сказано нами о выборномъ началѣ, читатель ясно видитъ, что проектируемая нами система мѣстнаго управленія имѣетъ безъусловное право на названіе общественнаго управленія на земскомъ началѣ. Это управленіе общественное потому, что не должно оставаться ни одного уголка, ни одного слоя населенія, которые-бы не имѣли самостоятельнаго голоса въ мѣстныхъ дѣлахъ. Съ другой стороны, это управленіе земское, такъ какъ всѣ слои населенія, интересы которыхъ, такъ или иначе, связаны съ землею, охватываются этою системою управленія, получая въ ней права, соотвѣтствующія ихъ имущественному и общественному значенію.

ГЛАВА ВОСЕМНАДЦАТАЯ.

Организація уѣзднаго и губернскаго общественнаго управленія сводится къ двумъ простѣйшимъ органамъ: собраніямъ общественныхъ представителей и управамъ, состоящимъ изъ общественныхъ-же избранниковъ.

Какъ въ уѣздномъ, такъ и въ губернскомъ управленіи необходимы два органа: собраніе общественныхъ представителей, какъ учрежденіе распорядительное, и управа, какъ органъ исполнительный. При той системѣ выборовъ, основанія которой развиты нами въ предъидущей главѣ, наблюдательно-руководящая дѣятельность уѣзднаго и губернскаго общественнаго управленія облегчается и упрощается до крайней степени. Уѣздное собраніе, имѣя въ своемъ составѣ представителей отъ каждаго участка или—что то-же—отъ всѣхъ слоевъ населенія, будетъ вѣдать участковое управленіе и входить въ его дѣла и нужды черезъ живыхъ людей, а не путемъ канцелярской переписки. Въ такомъ-же точно положеніи будетъ находиться губернское собраніе по отношенію къ уѣздному. Чтобы не задерживать хода дѣлъ, собраніе уѣздныхъ представителей общественнаго управленія должно происходить

не менѣе трехъ разъ въ году, губернскихъ-же не менѣе двухъ разъ. Кромѣ того, какъ губернскому, такъ и уѣздному управленію должно быть предоставлено право созыва собраній въ какое угодно время, безъ испрашиванія на то особыхъ разрѣшеній центральной власти, съ простымъ лишь увѣдомленіемъ губернатора объ имѣющемъ состояться собраніи.

Читатели, безъ сомнѣнія, помнятъ, что, установляя основныя начала государственнаго управленія, мы, во главѣ нашего плана, поставили уничтоженіе всей канцелярской работы, перенесеніе обязанностей, лежащихъ въ настоящее время на канцеляріяхъ центральнаго управленія, въ мѣстное управленіе и замѣну переписки мѣстныхъ канцелярій положительною работою на мѣстѣ, дѣятельностію живыхъ людей. Такимъ образомъ, въ уѣздной управѣ должны сконцентрироваться всѣ обязанности, лежащія въ настоящее время на уѣздныхъ канцеляріяхъ, а въ губернской управѣ—обязанности всѣхъ губернскихъ канцелярій. Такая концентрація, повидимому, сложныхъ и многостороннихъ канцелярскихъ обязанностей въ уѣздной и губернской управахъ, ни въ какомъ случаѣ, не будетъ, какъ намъ могутъ возразить, простымъ перемѣщеніемъ канцеляризма изъ старыхъ учрежденій въ новыя. Во-первыхъ, передача обязанностей департаментовъ и канцелярій центральнаго управленія въ руки мѣстнаго означала бы предоставленіе ему власти разрѣшающей и распорядительно-исполнительной во всѣхъ, безъ исключенія, вопросахъ и проявленіяхъ мѣстной жизни; рѣшеніе-же вопросовъ на мѣстѣ, въ ближайшихъ инстанціяхъ, прямо исключаетъ всякую возможность проявленія

канцеляризма, т.-е. безконечной переписки и волокиты. Во-вторыхъ, вся положительная дѣятельность, т.-е. вся дѣловая, практическая работа, должна производиться не уѣздною или губернскою управами, а участковымъ управленіемъ, уѣзднымъ и городскимъ. Назначеніе уѣздной управы заключается лишь въ томъ, чтобы наблюдать за точнымъ исполненіемъ постановленій собранія, направленныхъ къ согласованію и объединенію практической дѣятельности всего участковаго управленія въ районѣ уѣзда,—наблюдать не бумажнымъ путемъ, а черезъ своихъ дѣятелей, которые, въ то-же время, и должны являться непосредственными работниками въ участковомъ управленіи. Въ такомъ-же точно отношеніи находится и губернское управленіе къ уѣздному. Наконецъ, въ третьихъ, при той обстановкѣ общественнаго управленія, которое мы проектируемъ, каждому заинтересованному и незаинтересованному въ дѣлѣ лицу открыть доступъ къ контролю общественной дѣятельности, немедленному обжалованію замѣченныхъ упущеній, несправедливости и т. д.

Земское собраніе, какъ учрежденіе распорядительное, и управа, какъ органъ исполнительный, должны быть строго разграничены и, ни въ какомъ случаѣ, не могутъ сливаться между собою въ лицѣ общаго предсѣдателя. Предсѣдателемъ собранія должно быть лицо выборное, но отнюдь не назначенное правительствомъ; для каждаго собранія долженъ выбираться новый предсѣдатель; какихъ-бы то ни было исключительныхъ полномочій по отношенію къ руководству собраніемъ предсѣдатель имѣть не долженъ; его назначеніе—руко-

водить преніями, наблюдать за порядкомъ въ собраніи; словомъ, быть первымъ между равными. Предсѣдатель уѣздной управы, — также лицо выборное,—есть, въ то-же время, уѣздный земскій голова. Онъ является начальникомъ всего уѣзда. Онъ наблюдаетъ за мѣстною жизнью и дѣятельностью всѣхъ уѣздныхъ установленій съ помощію коллегіальнаго учрежденія—управы, опираясь, въ то-же время, на мѣстныхъ агентовъ уѣзднаго управленія—членовъ уѣзднаго собранія. Такимъ образомъ, не только въ каждомъ участковомъ управленіи, но даже въ каждомъ слоѣ населенія даннаго участка уѣздный земскій голова, какъ общественный избранникъ и начальникъ уѣзда, имѣетъ своихъ агентовъ—тоже общественныхъ избранниковъ. Эти агенты, въ одно и то-же время, являются и факторами уѣзднаго общественнаго управленія, и контролерами исполнительнаго его органа—управы, включая сюда и дѣятельность начальника уѣзда—земскаго головы.

Точно также и предсѣдатель губернской управы—губернскій земскій голова является начальникомъ всѣхъ установленій губерніи, построенныхъ на общественномъ земскомъ началѣ *). Онъ также наблюдаетъ за жизнью и дѣятельностью губерніи съ помощью коллегіальнаго учрежденія—управы и уѣздныхъ агентовъ—членовъ губернскаго собранія. Если не всѣ, то, по крайней мѣрѣ, нѣсколько гласныхъ гу-

*) Относительно учрежденія выборныхъ должностей уѣзднаго и губернскаго земскихъ головъ нашъ планъ отчасти совпадаетъ съ проектомъ владимірскаго земства. *Составъ.*

бернскаго собранія должны, въ каждомъ уѣздѣ, входить въ мѣстную уѣздную земскую управу на правахъ членовъ. Этимъ путемъ губернская управа будетъ имѣть возможность знать и контролировать каждый шагъ дѣятельности уѣздныхъ управъ, во всякій данный моментъ; въ то-же время и уѣздное управленіе явится контролеромъ дѣятельности центральнаго губернскаго общественнаго управленія.

Губернскій земскій голова, равно какъ и члены губернской земской управы должны утверждаться въ должности центральною правительственною властью—министерствомъ внутреннихъ дѣлъ; уѣздный-же голова и члены управы должны утверждаться губернаторомъ. Затѣмъ, утвержденіе всѣхъ, безъ исключенія, должностныхъ лицъ участковаго управленія должно быть представлено уѣздному собранію, а утвержденіе должностныхъ лицъ приходскихъ попечительствъ—участковому управленію.

Губернскій земскій голова, лицо выборное, но утвержденное въ должности центральною правительственною властью, является не только главою общественнаго управленія но и агентомъ центрально-исполнительной власти цѣлой губерніи. Главнѣйшая его обязанность заключается въ томъ, чтобы каждое изъ мѣстныхъ установленій было активно и самостоятельно въ своей дѣятельности, въ предѣлахъ, предоставленныхъ имъ закономъ полномочій и власти; чтобы уѣздное общественное управленіе не стѣснялось губернскимъ, а участковое—уѣзднымъ; чтобы постановленія губернскаго собранія въ отношеніи уѣздовъ и уѣздныхъ собраній въ отношеніи участковъ

исполнялись въ точности; наконецъ, чтобы на всѣхъ ступеняхъ общественнаго управленія безостановочно дѣйствовалъ самый строгій гласный контроль и велись самая тщательная статистика и отчетность по всѣмъ отраслямъ мѣстнаго хозяйства и управленія. За всѣ промахи, ошибки и упущенія въ общественномъ управленіи губерніею губернскій земскій голова отвѣтствуетъ и передъ центральною правительственною властью, какъ агентъ ея, и передъ мѣстнымъ обществомъ, какъ его избранникъ.

И такъ, проектируемая нами организація уѣзднаго и губернскаго общественнаго управленія сводится къ двумъ простѣйшимъ органамъ: собраніямъ общественныхъ представителей и управамъ, состоящимъ изъ общественныхъ-же избранниковъ. Принципъ общественнаго управленія такъ послѣдовательно проведенъ нами черезъ все мѣстное управленіе, что приходъ, участокъ, уѣздъ и губернія сливаются въ одну цѣльную, гармоническую систему мѣстнаго управленія, представляютъ собою органически-сплоченныя между собою отдѣльныя части одного цѣльнаго, всеобнимающаго органа правительственной власти. Уѣздное и губернское управленіе, представляя собою инстанціи наблюдающія, руководящія и контролирующія участковое управленіе, въ свою очередь, контролируются участками черезъ ихъ представителей—общественныхъ избранниковъ. Здѣсь каждому есть дѣло до всѣхъ и всѣмъ до каждаго, но лишь настолько, насколько дѣло касается общихъ интересовъ, общихъ пользъ и нуждъ. Губернія, съ управленіемъ, организованнымъ на такомъ обществен-

номъ началѣ, будетъ представлять собою естественный центръ мѣстнаго управленія, гдѣ все населеніе, какъ-бы ни было оно разноплеменно и разношерстно по характеру и направленію партій, непремѣнно сплотится единствомъ направленія и принциповъ въ мѣстной практической дѣятельности, солидарностью въ равномѣрномъ удовлетвореніи мѣстныхъ пользъ и нуждъ, безъ различія сословій, классовъ и состояній.

ГЛАВА ДЕВЯТНАДЦАТАЯ.

Контроль центральной правительственной власти надъ мѣстнымъ общественнымъ управленіемъ долженъ быть сосредоточенъ въ одной губернской правительственной коллегіи, вѣдающей, вмѣстѣ съ тѣмъ, всѣ казенные, общественные интересы и составленной изъ агентовъ министерской коллегіи подъ предсѣдательствомъ губернатора, какъ перваго между равными.—Правительственный контроль функціонируетъ исключительно чрезъ губернское общественное управленіе.—Исполненіе постановленій общественнаго управленія пріостанавливается, а выборы кассируются протестами губернаторовъ и министерской коллегіи (смотря по роду дѣлъ); но трижды повторенные выборы, постановленія и ходатайства вступаютъ въ законную силу, какъ выраженія требованій самой жизни.—Для протестовъ установливаются сроки.

Однако, выполняя чисто мѣстныя функціи, общественное управленіе этимъ самымъ производитъ работу, имѣющую общегосударственное значеніе. Значитъ, необходимъ мѣстный контроль надъ нимъ со стороны центральной правительственной власти. Какъ организовать этотъ контроль? Каковы должны быть его отношенія къ общественному управленію? То, что уже высказано нами объ организаціи и постановкѣ общественнаго управленія, какъ органа правительственной власти, предрѣшаетъ отвѣтъ на эти вопросы по самому существу дѣла, и намъ остается только сдѣлать нѣкоторыя дополнительныя разъясненія.

Согласно установленнымъ нами принципамъ общественнаго управленія, всѣ мѣстныя правительственныя канцеляріи подлежатъ упраздненію съ тѣмъ, чтобы обязанности ихъ возложены были на мѣстное общественное управленіе. Всѣ отрасли мѣстнаго хозяйства, изъ которыхъ, въ общей сложности, и складывается общегосударственное хозяйство, подлежатъ завѣдыванію и распоряженію, именно, этого управленія. Цен-

тральному-же правительственному управленію необходимо, во всякій данный моментъ, имѣть точныя и дополнительныя свѣдѣнія о состояніи каждой отдѣльной отрасли мѣстнаго хозяйства для согласованія дѣятельности всѣхъ мѣстныхъ общественныхъ управленій, руководства и направленія ея къ общимъ цѣлямъ и задачамъ, преслѣдуемымъ государствомъ. Въ виду этого, вмѣсто нынѣшнихъ мѣстныхъ казенныхъ канцелярій, каждая спеціальность центральнаго управленія (т.-е. министерства) должна имѣть по одному агенту въ каждой губерніи. Губернаторъ, какъ агентъ министерства внутреннихъ дѣлъ, являющагося центромъ тяготѣнія дѣятельности всѣхъ, вообще, министерствъ, долженъ быть главою всѣхъ мѣстныхъ агентовъ центральной правительственной власти. Подобно тому, какъ изъ министровъ должно быть образовано одно коллегіальное центральное правительственное управленіе, подъ предсѣдательствомъ министра внутреннихъ дѣлъ,—мѣстные агенты центральной правительной власти должны образовать одно бюро или совѣтъ подъ предсѣдательствомъ губернатора. Разница между губернаторомъ и остальными мѣстными агентами правительственной власти должна заключаться въ томъ, что каждый изъ агентовъ будетъ наблюдать за дѣятельностью общественнаго управленія только въ предѣлахъ своей спеціальности, тогда какъ губернаторъ будетъ наблюдать за всею дѣятельностью мѣстнаго общественнаго управленія, опираясь на коллегію правительственныхъ агентовъ, въ которой онъ, какъ предсѣдатель, долженъ быть первымъ между равными. Предсѣдатель губернской земской управы, т.-е. губернскій

земскій голова, долженъ быть членомъ бюро или совѣта правительственныхъ агентовъ; какъ общественный избранникъ, утверждаемый въ должности центральною правительственною властью, онъ является такимъ-же агентомъ центральной власти, какъ и всѣ другіе члены мѣстнаго правительственнаго совѣта или бюро. Мало того: въ случаѣ болѣзни или отсутствія губернатора, губернскій земскій голова долженъ заступить его мѣсто и въ качествѣ предсѣдателя бюро или совѣта, и въ завѣдываніи дѣлами губерніи, потому что земскій голова—единственное лицо въ губерніи, которое, наравнѣ съ губернаторомъ, входитъ во всѣ частности мѣстнаго управленія, наблюдаетъ за всѣмъ ходомъ мѣстныхъ дѣлъ.

Роль мѣстныхъ правительственныхъ агентовъ наблюдательная, но, ни въ какомъ случаѣ, не начальническая: они не вмѣшиваются въ положительную дѣятельность органовъ общественнаго управленія, не указываютъ имъ и, тѣмъ болѣе, не предписываютъ. Однако, они имѣютъ право давать совѣты и разъясненія по каждому отдѣльному вопросу, каждый по своей спеціальности, но коллегіальными постановленіями.

Правительственные агенты обязательно участвуютъ въ засѣданіяхъ губернской управы для разъясненія законовъ и представленія заключеній по отдѣльнымъ вопросамъ, каждый по своей спеціальности, на тѣхъ-же основаніяхъ, на какихъ, напримѣръ, прокуроръ присутствуетъ въ засѣданіяхъ съѣзда мировыхъ судей.

Степень руководства мѣстнымъ управленіемъ со стороны правительственныхъ агентовъ прямо обусловливается степенью

компетентности ихъ въ вопросахъ ихъ спеціальности, ихъ нравственнымъ авторитетомъ и добросовѣстнымъ отношеніемъ къ мѣстнымъ интересамъ и нуждамъ. Общественное управленіе всецѣло заинтересовано въ томъ, чтобы дѣло велось какъ можно лучше, успѣшнѣе и справедливѣе, съ наибольшею пользою какъ для мѣстнаго общества, такъ и для государства. Поэтому, всякіе совѣты и указанія, отъ кого-бы они ни исходили, направленные къ улучшенію общественнаго хозяйства и управленія и согласованію ихъ съ общегосударственными интересами, непремѣнно будутъ принимаемы общественнымъ управленіемъ весьма охотно, съ признательностію и уваженіемъ. Тѣмъ съ большимъ уваженіемъ будетъ относиться общественное управленіе къ совѣтамъ и указаніямъ агентовъ центральной правительственной власти, если ихъ компетентность, нравственный авторитетъ, безпристрастность и уваженіе къ власти общественнаго управленія будутъ вполнѣ отвѣчать тѣмъ высокимъ требованіямъ, которыя будутъ связаны съ ихъ ролью какъ факторовъ центральной министерской власти.

Теперь—объ отношеніяхъ губернаторской власти къ общественному управленію. Губернаторъ,—независимо отъ указанной выше роли его,—есть прямой начальникъ выборной, общественной полиціи. Его власти подлежитъ утвержденіе начальниковъ уѣздной полиціи (отвѣчающихъ нынѣшнимъ исправникамъ), избираемыхъ уѣзднымъ общественнымъ собраніемъ. Утвержденіе начальниковъ участковой полиціи (въ городскомъ и уѣздномъ районѣ) подлежитъ вѣдѣнію уѣзднаго общественнаго собранія.

Сказанное нами объ организаціи общественныхъ уѣздныхъ и губернскихъ собраній и управъ съ достаточною опредѣлительностію разъясняетъ, что власть разрѣшающая и распорядительно-исполнительная, спускаясь, послѣдовательно, до уѣзднаго управленія, участковъ и приходовъ (какъ въ сельскихъ, такъ и въ городскихъ районахъ), находится, въ то-же время, подъ бдительнѣйшемъ наблюденіемъ, руководствомъ и контролемъ губернскаго общественнаго управленія, отвѣтствующаго какъ передъ мѣстнымъ обществомъ, такъ и передъ центральною властью, за ходъ и направленіе всей, вообще, мѣстной жизни и дѣятельности. Уѣздное общественное управленіе представляетъ высшую инстанцію въ отношеніи участковаго управленія, которое отдаетъ ему отчетъ во всей своей дѣятельности и получаетъ отъ него рѣшенія по вопросамъ, имѣющимъ общее значеніе для всѣхъ участковъ уѣзда. Точно также губернское общественное управленіе представляетъ высшую инстанцію для уѣзднаго управленія, которое даетъ ему подробный отчетъ въ своей дѣятельности и обращается къ нему за разрѣшеніями по всѣмъ вопросамъ, имѣющимъ общій характеръ для всѣхъ уѣздовъ губерніи. Такимъ образомъ, безъ всякаго вреда для децентрализаціи, простирающейся до предѣловъ городскихъ и сельскихъ приходовъ, губернское общественное управленіе является средоточіемъ всей мѣстной общественной дѣятельности, отъ котораго она получаетъ направленіе и руководство. Въ виду этого, наблюдательная роль губернатора упрощается до крайней степени: ему приходится наблюдать только за дѣятельностію губернскаго общественнаго управленія,

не касаясь дѣятельности уѣзднаго и, тѣмъ болѣе, участковаго управленія.

Необходимо различать постановленія губернскаго общественнаго собранія *трояkаго* рода. *Одни*,—касающіяся текущихъ мѣстныхъ нуждъ, доводимыя только до свѣдѣнія губернатора и не подлежащія протестамъ и остановкамъ съ его стороны. Сюда, напримѣръ, можно отнести мѣропріятія противъ пожаровъ, наводненій, эпидемій, эпизоотій, вредныхъ насѣкомыхъ, повышенія цѣнъ на предметы перваго потребленія и т. д., — вообще, мѣропріятія, направленныя къ огражденію безопасности и благосостоянія общества и нетерпящія отлагательства. Въ этой сферѣ мѣстныхъ нуждъ общественное управленіе дѣйствуетъ за свой страхъ, подъ личною своею отвѣтственностью. Другія постановленія,—касающіяся интересовъ и нуждъ цѣлой губерніи, всего населенія, каковы, напримѣръ, мѣры обложенія и взысканія повинностей, вопросы религіи, образованія, нужды сельско-хозяйственныя и торгово-промышленныя, ярмарки, рынки, пути сообщенія, орошеніе, кредитъ и т. д. Въ отношеніи постановленій этого рода, губернаторъ имѣетъ право протеста, т.-е. можетъ временно, своею властію, остановить приведеніе постановленій собранія въ исполненіе, но не иначе, однако, какъ подъ личною своею отвѣтственностію за всякую несправедливую остановку. Наконецъ, остаются еще постановленія, *третьяго* рода, имѣющія не мѣстный только, но и общегосударственный характеръ, которыя вовсе не подлежатъ губернаторской компетенціи и восходятъ непосредственно въ министерскую коллегію. Катего-

ризпрованіе вопросовъ всѣхъ трехъ разрядовъ, конечно, дѣло спеціальнаго проекта.

Для опротестованія губернаторомъ постановленія губернскаго общественнаго собранія долженъ быть назначенъ семидневный срокъ, а министерствомъ—двухъ-мѣсячный. Постановленіе, на которое не получено отвѣта со стороны губернатора или министра въ установленный срокъ, должно считаться вошедшимъ въ законную силу. Опротестованное губернаторомъ или министромъ постановленіе, трижды повторенное губернскимъ собраніемъ, не должно болѣе подлежать протесту, какъ являющееся неопровержимымъ выраженіемъ требованій самой жизни.

Тотъ-же порядокъ необходимо примѣнить и къ выборамъ. Избраніе, вызвавшее протестъ и трижды повторенное, не подлежитъ болѣе протесту. Протесты губернатора и министровимѣютъ важное значеніе, какъ гарантіи отъ ошибокъ и случайныхъ увлеченій собранія. Но, съ другой стороны, установленіе сроковъ для протестовъ, тройственность повторенія однихъ и тѣхъ-же постановленій и отвѣтственность губернаторовъ за неосновательныя пріостановки исполненія постановленій—избавляютъ губернское общественное собраніе отъ какихъ-бы то ни было давленій со стороны центральнаго управленія. Всякій протестъ и всякая пріостановка со стороны губернатора подлежатъ обжалованію со стороны губернскаго собранія, и, въ случаѣ неполученія отвѣта на жалобу въ двухмѣсячный срокъ, опротестованное постановленіе входитъ въ законную силу. Наконецъ, жалобы на частныя распоряженія министерской колле-

гіи въ отношеніи мѣстнаго совѣта правительственныхъ агентовъ или общественнаго управленія поступаютъ черезъ ту-же коллегію на заключеніе сената по порядку, принятому для кассаціонныхъ жалобъ.

Таковы, въ основныхъ чертахъ, всѣ важнѣйшіе принципы организаціи мѣстнаго контроля центральной власти и отношеній его къ общественному управленію. Читатель видитъ, такимъ образомъ, что этотъ контроль, вполнѣ достигая своей цѣли, ни мало не ослабляетъ ни центральной власти, ни силы мѣстнаго общественнаго управленія, такъ какъ въ общемъ результатѣ получается лишь перемѣщеніе всеобъемлющей власти, сосредоточенной въ центрѣ, а не ограниченіе ея.

ГЛАВА ДВАДЦАТАЯ.

Заключеніе.—Мѣстное общественное управленіе, организованное на проектированныхъ нами началахъ, дало-бы правительству возможность учредить періодическія собранія земскихъ свѣдущихъ людей для совмѣстныхъ совѣщаній съ центральной властью объ общихъ вопросахъ мѣстнаго управленія, и это были-бы дѣйствительные, а не фиктивные представители общества.—Современное и будущее общество.

Само собою разумѣется, что, на первыхъ-же порахъ практики общественнаго управленія, центральному управленію представится весьма сложная и трудная задача—согласовать дѣятельности мѣстнаго управленія въ различныхъ частяхъ Россіи. Но въ этомъ отношеніи не потребуется никакого новшества, по крайней мѣрѣ, на первыхъ порахъ, чтобы облегчить работу правительства.

Созывъ «земскихъ свѣдущихъ людей», къ которому неоднократно уже прибѣгало правительство для разрѣшенія нѣкоторыхъ мѣстныхъ вопросовъ общаго характера, никого не удовлетворилъ—ни правительство, ни общество. Но, при введеніи проектированной нами системы мѣстнаго общественнаго управленія, періодическія собранія земскихъ свѣдущихъ людей въ столицѣ для совмѣстныхъ совѣщаній съ центральной властью объ общихъ вопросахъ мѣстнаго управленія будутъ значительно способствовать достиженію полнаго единообразія государственнаго управленія. Въ виду же того, что въ созывѣ земскихъ

свѣдущихъ людей можетъ являться необходимость для разъясненія, главнымъ образомъ, законодательныхъ вопросовъ, — какъ мы это видѣли въ прошломъ году,—то наиболѣе цѣлесообразно было-бы созывать этихъ свѣдущихъ людей при государственномъ совѣтѣ. Это тѣмъ болѣе возможно, что починъ въ этомъ направленіи уже сдѣланъ при обсужденіи питейнаго и переселенческаго вопросовъ.

Такая система созыва земскихъ людей, безъ сомнѣнія, будетъ удовлетворять общественное мнѣніе и вполнѣ удобна для правительства. Центральная власть совѣщалась-бы съ общественными представителями, отвѣтственными за каждый свой шагъ передъ мѣстнымъ обществомъ. На голосъ-же такихъ людей можно было-бы вполнѣ полагаться.

Мы указываемъ на эту форму рѣшенія обще-государственныхъ вопросовъ въ примѣненіи къ потребностямъ мѣстной жизни и съ голоса мѣстныхъ общественныхъ избранниковъ вовсе не потому, что считаемъ ее вполнѣ совершенною: мы желали только пояснить, что организація мѣстнаго общественнаго управленія на проектированныхъ нами основаніяхъ носитъ въ себѣ задатки такого усовершенствованія нынѣшней системы рѣшенія обще-государственныхъ вопросовъ, о которомъ въ настоящее время и помышлять невозможно и котораго правительство тщетно искало до сихъ поръ въ нынѣшнихъ фиктивныхъ «земскихъ людяхъ».

Проектируемое нами устройство мѣстнаго о б щ е с т в е н н а г о управленія, прежде всего, какъ мы уже имѣли случай объяснить, предполагаетъ самый высокій подъемъ и организа-

цію общественныхъ силъ въ мѣстности. Между различными возраженіями, которыя можетъ встрѣтить предлагаемая нами система, наиболѣе вѣскимъ можетъ казаться лишь указаніе на отсутствіе у насъ того идеальнаго общества, которому можетъ быть поручено дѣло мѣстнаго управленія во всей его цѣлости. Съ точки зрѣнія современнаго положенія вещей, исключающаго возможность проявленія полезныхъ общественныхъ силъ, указаніе это, конечно, не лишено основанія; но для насъ и, вообще, для тѣхъ публицистовъ, которые видятъ въ реформахъ одинъ изъ главнѣйшихъ стимуловъ политическаго развитія общества, подобныя указанія являются плодомъ односторонняхъ взглядовъ на текущую жизнь и чрезмѣрно узкаго кругозора.

Сопоставимъ, въ самомъ дѣлѣ, то общество, которое мы видимъ теперь, съ тѣмъ, которое должно организоваться съ осуществленіемъ намѣченныхъ нами реформъ. Матерьяломъ для этого сравненія намъ послужатъ характеристики отдѣльныхъ городскихъ обществъ, въ обиліи даваемыя періодическою печатью.

Вотъ, напримѣръ, что разсказываетъ «Виленскій Вѣстникъ» о «внутренней жизни» города Вильны или, вѣрнѣе, о болѣе интеллигентной половинѣ городскаго населенія: «Сплетни о семейной домашней жизни, судаченье, перебираніе сусѣдскихъ косточекъ съ присовокупленіемъ ехидныхъ замѣчаній и комментаріевъ,—вотъ тѣ прелестные цвѣты, которые служатъ украшеніемъ поля нашей повседневной будничной жизни! Не подумайте, что подобными вещами занимаются какія нибудь кумушки или старыя дѣвы отъ нечего дѣлать. Нѣтъ! Этими милыми вещами не брезгуютъ заниматься тѣ самые люди, кото-

рые имѣютъ претензію на громкое названіе мѣстной интеллигенціи! Правда, нашу, такъ называемую, интеллигенцію интересуютъ отчасти и тѣ вопросы, которые могутъ быть названы важными и серьезными, но лишь настолько, насколько они могутъ быть предметомъ и матеріаломъ праздныхъ разговоровъ. Гораздо чаще вниманіе ея привлекаютъ и занимаютъ такія занятія, которыя болѣе соотвѣтствуютъ свойствамъ и влеченіямъ ея легкомысленной натуры... Въ повально всѣми овладѣвшей картежной игрѣ принимаютъ участіе не только заурядныя, но даже и, сравнительно съ другими, высокопоставленныя личности. Менѣе грубыя, болѣе возвышенныя и чистыя развлеченія не особенно увлекаютъ виленскую интеллигенцію». Въ подтвержденіе этого, газета указываетъ на «упадокъ» мѣстнаго театра, происшедшій, сравнительно, въ весьма недавнее время. По словамъ газеты, «паденіе городскаго театра» обусловливается «постыдной холодностью» къ облагораживающему и развивающему вліянію театра и «пристрастіемъ мѣстнаго общества къ грубымъ, чувственнымъ удовольствіямъ».

Трудно представить себѣ болѣе мрачную картину нравственнаго паденія образованной части общества. «Виленскій Вѣстникъ» говоритъ, что «жизнь этого города (Вильны) во многомъ напоминаетъ жизнь самаго заурядnаго небольшаго городка». Нѣтъ,—замѣтимъ мы,—она неизмѣримо ниже жизни въ какомъ угодно «городкѣ»: то, что можно извинить «городку», ни въ какомъ случаѣ, нельзя извинить такому крупному центру, какъ Вильна. Это, сравнительно, многонаселенный, бойкій и богатый городъ въ торгово-промышленномъ отношеніи;

въ немъ считанныхъ 65,000 населенія, а съ несчитанными наберется болѣе 70,000 человѣкъ. Кромѣ того, городъ этотъ служитъ для всего сѣверо-западнаго края центромъ религіозныхъ, образовательныхъ, административныхъ и т. п. отношеній. Значитъ, недостатка въ людяхъ съ высшимъ образованіемъ, по всевозможнымъ отраслямъ знанія, не должно быть. Невольно задумаешься надъ паденіемъ такого крупнаго города до уровня захолустнаго городишка...

Но, быть можетъ, Вильна представляетъ несчастное исключеніе въ ряду другихъ, соотвѣтствующихъ ей, по численности населенія и административному значенію, русскихъ городовъ? Къ сожалѣнію, отвѣтъ на этотъ вопросъ можетъ быть только отрицательный. Паденіе Вильны, низменное состояніе образованной части населенія города и т. д.—все это факты общаго характера. Вотъ другой примѣръ. По словамъ одной изъ мѣстныхъ газетъ, «столица татарскаго царства, Казань, представляетъ собою городишко, положительно застывшій на томъ ничтожномъ уровнѣ культуры, до котораго, словно чудомъ какимъ-то, удалось ему подняться въ недавнемъ прошломъ... Никакого интереса къ общественнымъ дѣламъ, никакого сочувствія даже къ тому немногому хорошему, что имѣется въ мѣстной жизни. Около 8 лѣтъ уже въ Казани существуютъ высшіе женскіе курсы университетскаго характера. Матеріальное положеніе этого прекраснаго, во всѣхъ отношеніяхъ, учрежденія жестокобѣдственное и въ прошломъ, и въ настоящемъ. Но мѣстное общество, какъ-бы, и не знаетъ даже о существованіи этого полезнаго и необходимаго учрежденія... Профессоры универси-

тета являются и преподавателями курсовъ, и единственными почти жертвователями на это учрежденіе. Огрубѣлость мѣстнаго общества и нравственная приниженность такъ велики, что нѣтъ возможности вызвать пожертвованія со стороны».

Обращаясь къ мѣстнымъ газетамъ другихъ университетскихъ городовъ, Кіева, Харькова и Одессы, вы въ нихъ встрѣчаете все то же «недоумѣніе» или «негодованіе», что «съ каждымъ годомъ,—какъ говоритъ «Южный Край»,—болѣе и болѣе чувствуется отчужденность интеллигенціи отъ мѣстныхъ общественныхъ интересовъ... Все интеллигентное какъ-то уходитъ въ себя, прячется, стушевывается, обезличивается, и пошлости мѣстной жизни выступаютъ рельефнѣе и рельефнѣе». Ту-же самую характеристику мѣстной жизни, и даже въ болѣе рѣзкой формѣ, вы найдете въ кіевскихъ и одесскихъ газетахъ.

Такимъ образомъ, Вильна, дѣйствительно, оказывается только примѣромъ, а отнюдь не исключеніемъ. Если-же такъ безлично и приниженно вліяніе интеллигенціи въ наиболѣе крупныхъ городахъ въ административномъ, торгово-промышленномъ и нравственномъ отношеніяхъ, то что-же можно сказать о другихъ губернскихъ городахъ, не говоря уже объ уѣздныхъ? Да и въ однихъ-ли только провинціальныхъ городахъ такъ печально влачитъ свое существованіе русская интеллигенція? Развѣ въ столичныхъ городахъ, говоря, вообще, положеніе интеллигенціи лучше? Развѣ она находитъ здѣсь свободный сбытъ своему запасу знаній и нравственныхъ силъ, свободное приложеніе ихъ въ практической жизни? Наконецъ, откуда взяться условіямъ, благопріятствующимъ приложенію знанія и силъ интел-

лигентныхъ людей?.. Сто-милліонное населеніе Россіи тщательно раздѣлено на сословія, классы и племена, отличающіеся другъ отъ друга какъ культурными особенностями, такъ и политическимъ положеніемъ. Затѣмъ, обширнѣйшая русская территорія раздѣлена на губерніи, уѣзды, волости и сельскія общества, которые, въ сложности, не имѣютъ ничего общаго между собою, не связаны единствомъ и общностью интересовъ, нравственною солидарностью въ общественномъ и государственномъ отношеніяхъ. Ко всему этому нужно прибавить еще обязательство мыслить и говорить непремѣнно въ извѣстномъ направленіи и на каждый шагъ въ практической дѣятельности испрашивать особое разрѣшеніе.

Причины, способствующія приниженію образованной части общества и напластыванію невѣжества уже подробно разсмотрѣны нами.

Все, сколько нибудь образованное, —говорили мы, —стремится въ крупные городскіе центры и тѣснится здѣсь потому, что въ уѣздѣ нѣтъ приложенія интеллигентнымъ силамъ. Въ первоклассныхъ западно-европейскихъ государствахъ одно лицо съ университетскимъ образованіемъ приходится на 1,200—2,000 человѣкъ населенія; у насъ одинъ окончившій курсъ въ университетѣ приходится болѣе, чѣмъ на 16,000 населенія. Въ западно-европейскихъ государствахъ одно лицо съ высшимъ образованіемъ приходится на 1,500 человѣкъ; у насъ — болѣе, чѣмъ на 20,000 населенія. Если принять во вниманіе эту пропорцію, то окажется, что, несмотря на стремленіе образованныхъ людей въ крупные городскіе центры, даже и эти центры, ни

въ какомъ случаѣ, нельзя назвать переполненными интеллигентными силами. А между тѣмъ, и этой горсти людей не хватаетъ дѣла, не къ чему приложить свой запасъ знаній и нравственныхъ силъ. У насъ довольно обыкновенно явленіе, что техникъ перебивается кое-какъ переводами и частными уроками, педагогъ—перепискою бумагъ, врачъ—частной конторской службой, публицистъ—управленіемъ домами и другими дѣлами частныхъ лицъ и т. д. Удивляются, обыкновенно, упадку умственной дѣятельности въ университетскихъ городахъ. Но развѣ можетъ быть иначе, если выпускъ или невыпускъ въ свѣтъ даже ученаго профессорскаго труда зависитъ отъ какого либо маленькаго, третьестепеннаго чиновника, не имѣющаго ничего общаго съ наукой? О какой-же умственной дѣятельности можетъ быть рѣчь при такихъ условіяхъ?

Оказывается, такимъ образомъ, что есть у насъ и образованные люди, но имъ дѣлать нечего. Даже спеціалисты дѣла, зачастую, не могутъ найти примѣненія своимъ знаніямъ по той спеціальности, къ которой они подготовляли себя продолжительнымъ трудомъ, тяжкими лишеніями и очень дорого стоющими матеріальными затратами. А между тѣмъ, въ то-же время, во всѣхъ отрасляхъ народной производительности и промышленности, во всей практической дѣятельности, начиная съ образовательной и кончая медициною, чувствуется огромный недостатокъ знающихъ, опытныхъ въ дѣлѣ, образованныхъ людей; деревня-же положительно бѣдствуетъ отъ «безлюдія». Результатъ получается весьма безотрадный. Если на мѣстѣ, въ жизни, нѣтъ людей дѣла и положительныхъ научныхъ знаній, то ре-

грессъ во всѣхъ отрасляхъ народнаго хозяйства непзбѣженъ. Какъ великъ этотъ регрессъ, сравнительно съ уровнемъ народнаго хозяйства культурныхъ націй, едва-ли нужно даже и объяснять. Мы терпимъ горькую нужду, лишенія, живя, буквально, на несмѣтныхъ сокровищахъ, которыхъ съ излишкомъ достало-бы для того, чтобы обогатить не только все русское населеніе, но и добрую часть населенія большей части государствъ всѣхъ частей свѣта. Между тѣмъ, у насъ есть и достаточное количество дѣльныхъ головъ, знающихъ, какъ подступиться къ естественнымъ богатствамъ и взять ихъ, какъ поднять уровень народнаго и государственнаго хозяйства и благосостоянія; но нѣтъ, повторяемъ, и быть не можетъ, при существующихъ условіяхъ, хода этимъ «дѣльнымъ головамъ»,— нѣтъ и быть не можетъ теперь дѣйствительнаго приложенія ихъ дѣльности и дѣятельности въ практической жизни.

Не въ такомъ видѣ представится намъ то-же общество тогда, когда не канцелярія, а уѣздъ сдѣлается центромъ положительной, созидательной дѣятельности на началахъ безсословнаго самоуправленія; когда образованнымъ людямъ откроется возможность выступать во всѣхъ отрасляхъ практической дѣятельности не въ роли наемниковъ и опекаемыхъ, а самостоятельными полноправными гражданами. Тогда городъ перестанетъ быть исключительнымъ центромъ притяженія интеллигентныхъ людей, тогда все, что есть мало-мальски образованнаго и способнаго къ интеллигентной работѣ, найдетъ немедленное приложеніе своимъ знаніямъ и равномѣрно распредѣлится по городамъ и уѣздамъ, сообразно запросу на работу въ каж-

дой мѣстности. Причастность-же интеллигентныхъ силъ къ практической дѣятельности не замедлитъ отразиться благотворнымъ образомъ на всѣхъ отрасляхъ народнаго хозяйства, а повсемѣстный экономическій прогрессъ послужитъ основою дальнѣйшаго политическаго развитія общества.

